

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК РФ
и в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ)*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-53180
от 14 марта 2013 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАН, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАН, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когой* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьёрдь Сарвар* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджио Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткин* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: <http://philosoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutschikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

История философии в контексте просветительской парадигмы: типология систем <i>Кротов А.А.</i>	5	The history of philosophy in the context of the Enlightenment paradigm: the typology of systems <i>Artem A. Krotov</i>
Об онтологических основаниях права: философский анализ проблемы <i>Мусаелян Л.А.</i>	13	On ontological foundations of law: philosophical analysis of the problem <i>Lyeva A. Musayelyan</i>
Конституирование объективности в феноменологии <i>Мальшиева Д.С.</i>	23	Constitution of the objectivity in phenomenology <i>Darya S. Malysheva</i>
Альтернативные модели взаимодействия семьи и государства: социально-философский анализ <i>Пешина Е.В., Внутских А.Ю.</i>	30	Alternative models of family-state relationship: social-philosophical analysis <i>Ekaterina V. Peshina, Alexander Yu. Vnutskikh</i>
Армия и маскулинность в контексте патриархальной системы современного общества <i>Семенова В.Э., Семенова Л.Э.</i>	38	The army and masculinity in the context of the patriarchal system of modern society <i>Vera E. Semenova, Lidiya E. Semenova</i>
Проблема одиночества и отчуждения в философии XX века <i>Багаев О.Н.</i>	46	The problem of loneliness and alienation in the philosophy of the XX century <i>Olga N. Bagaeva</i>
Трансляция знания в управлении: к вопросу о постановке проблемы <i>Соболев Н.А.</i>	52	Knowledge transfer in management: the problem statement <i>Nikolay A. Sobolev</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Черты личности и рефлексивные адаптации характера: изоморфизм или полиморфизм? <i>Щебетенко С.А.</i>	57	Personality traits and reflexive characteristic adaptations: the isomorphism or a polymorphism? <i>Sergey A. Shchebetenko</i>
Особенности совладающего поведения у юношей и девушек с разным уровнем эмоциональной сепарации <i>Потапова Ю.В.</i>	74	Peculiarities of coping behavior of boys and girls with different levels of emotional separation <i>Yuliya V. Potapova</i>
Особенности нравственной сферы студентов архитектурно-строительных специальностей в инновационных ситуациях <i>Артемьева В.А.</i>	84	Peculiarities of moral sphere of architecture and construction students in innovative situations <i>Veronika A. Artemyeva</i>

Об использовании русскоязычной версии Вопросника Большой Пятерки (Big Five Inventory) при изучении подростков <i>Мишкевич А.М.</i>	92	Using the Russian version of the BFI in the study of adolescents <i>Arina M. Mishkevich</i>
---	----	---

СОЦИОЛОГИЯ

Улисс в культурных джунглях: насколько эмпирична модель Шварца? <i>Кузнецов А.Е.</i>	102	Ulysses in the culture jungle: how empirical is Schwartz's model? <i>Alexander E. Kuznetsov</i>
Национальная и гражданская идентичность студенческой молодёжи в зеркале социологии <i>Аникина А.В., Шиманская О.К.</i>	118	National and civic identity of studying youth in the sociological context <i>Anna V. Anikina, Olga K. Shimanskaya</i>
Межнациональная семья в современном российском обществе <i>Хачатрян Л.А., Чадова А.А.</i>	127	Multiethnic family in modern Russian society <i>Ludmila A. Hachatryan, Anna A. Chadova</i>
Социальное самочувствие населения Вологодской области в 2010–2015 гг. <i>Каминский В.С.</i>	136	The social well-being of the population of the Vologda region in 2010–2015 <i>Vadim S. Kaminskiy</i>

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Вклад В.С. Мерлина в современную психологию <i>Самбикина О.С.</i>	148	V.S. Merlin's contribution in modern psychology <i>Oksana S. Sambikina</i>
Информация для авторов	152	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.641

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ПАРАДИГМЫ: ТИПОЛОГИЯ СИСТЕМ***Кротов Артем Александрович**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

В статье анализируется историко-философская концепция одного из классиков просветительской мысли, Э.Б. Кондильяка, ставится вопрос о ее значении в европейской интеллектуальной истории и применимости в наше время. Рассматривается его учение о трех типах систем, его представление об исторической смене различных учений. Для Кондильяка история философии важна в первую очередь как средство, позволяющее избежать ошибок и предрассудков прошлого. Поскольку вектор искомого направления задается сенсуалистической гносеологией, его история философии по необходимости предстает в довольно схематичном виде, в определенной степени даже редуцируется к немногим положениям. История, подчиненная руководящей схеме, нивелирует многочисленные детали, нюансы, оттенки, растворяя их в обобщениях, характерных для просветительской парадигмы. Подход сквозь призму теории прогресса, взятой в ее особом преломлении, совершенно упускал преемственность между философскими эпохами, как и важность многих достижений предшествующих мыслителей. А между тем многие представители образованного общества судили о прошлом философии, как и об ее перспективах, основываясь на сочинениях Кондильяка. Тем не менее исследование интеллектуальной атмосферы эпохи Просвещения, претендующее на всесторонность, не должно обходить вниманием те положения, которые защищались Кондильяком. Они также важны для понимания самосознания просветительской мысли, стремившейся осмыслить свое место во всемирной истории. Кроме того, установка на выявление в историко-философском процессе универсального, закономерного, поддающегося выражению в обобщенной форме содержания, которое могло бы быть представлено в виде определенной типологии систем, отнюдь не выглядит устаревшей, потерявшей свою актуальность. Сами недочеты, свойственные подходу французского просветителя, будучи органично включенные в картину мира, присущую Новому времени, позволяют сделать более точными современные систематизации историко-философского плана.

Ключевые слова: философия истории философии; философия Просвещения; Кондильяк; французская философия.

**THE HISTORY OF PHILOSOPHY IN THE CONTEXT
OF THE ENLIGHTENMENT PARADIGM: THE TYPOLOGY OF SYSTEMS***Artem A. Krotov**Lomonosov Moscow State University*

The article examines the conception of the history of philosophy of E.B. Condillac, who was the classic author of philosophy of the Enlightenment, and brings up the question about the significance of his conception in European intellectual history and its applicability in our time. The doctrine of French thinker about three types of systems, his ideas about historical change of different doctrines are discussed. For Condillac the history of philosophy is important primarily as a means to avoid errors and prejudices of the past. Since the vector of veritable direction is set by sensual gnoseology, the history of philosophy in Condillac's writings is necessarily presented in a rather schematic form, to a certain extent even reduced to few statements. The history, subordi-

nated to adopted scheme, eliminates numerous details, nuances, shades, dissolving them in the generalizations typical of the Enlightenment paradigm. Through the prism of the theory of progress in its special refraction is absolutely missed the continuity between philosophical eras, as well as the significance of many achievements of previous thinkers. At the same time many members of educated society in their judgment about the past of philosophy as well as about its prospects were based on the writings of Condillac. In this respect, the study of the intellectual atmosphere of the Enlightenment, claiming to be comprehensive, should not ignore Condillac's statements. They are also important for understanding the consciousness of the Enlightenment philosophy, seeking to comprehend its place in world history. Moreover principle of exposure in the philosophical development the universal content that could be presented in the form of a specific typology of systems, does not look outdated and irrelevant. The shortcomings inherent in the approach of French philosopher, being organically included in the picture of the world of the Modern history, allow doing more precise systematizations in the sphere of the history of philosophy.

Key words: philosophy of the history of philosophy; philosophy of the Enlightenment; Condillac; French philosophy.

Эпоха Просвещения выдвинула целый ряд новаторских идей, до сих пор сохраняющих свое значение для интеллектуальной культуры и привлекающих внимание многочисленных исследователей. Особое значение для формирования просветительской парадигмы имело творческое наследие Кондильяка, которое зачастую интерпретировалось в последующие столетия упрощенно-идеологически, как поверхностный сенсуализм. В том, что учение выдающегося просветителя не сводится к набору примитивных схем, убеждает целая серия исторических фактов. Если кратко характеризовать ситуацию, сложившуюся во французской интеллектуальной культуре эпохи Директории, Консульства и Империи, то необходимо констатировать, что именно философия Кондильяка доминировала в академической среде. Национальный Конвент, принявший 25 октября 1795 г. закон о создании Национального института, предусмотрел в его структуре академию моральных и политических наук. В состав академии вошли известные сторонники учения Кондильяка: Дестют де Траси, Вольней, Кабанис, Дежерандо и др. Академические труды, публиковавшиеся в рамках работы Национального института, несли на себе печать влияния теоретических установок Кондильяка. Как справедливо отмечал В.М. Богуславский, «в годы революции и в период Первой империи труды его составляли основу преподавания философии в высших учебных заведениях Франции» [1, с. 8]. Заметим, что выдающийся отечественный историк А.З. Манфред считал вполне обоснованным предположение о влиянии идей Кондильяка на формирование мировосприятия Наполеона Бонапарта [3, с. 61].

Особое значение в идейном наследии французского просветителя занимает концепция историко-философского процесса, пока еще недо-

статочно изученная отечественными исследователями. Так или иначе, она резюмирует представления, принятые целым культурным слоем, в определенной мере характеризует самосознание значительной части французского философского сообщества XVIII в. Каково содержание названной концепции, ее значение в европейской интеллектуальной истории? Насколько она применима в наше время? Кратко остановимся на поставленных вопросах.

Типология философских учений была обоснована Кондильяком в «Трактате о системах» (1749), дополнение и развитие в виде целостной схемы историко-философского процесса она получила в 16-томном «Курсе занятий по обучению принца Пармского» (1775). В сфере науки просветитель выделял три типа систем: которые, по его представлению, могут быть основаны на абстрактных принципах, гипотезах или твердо установленных фактах. Философские системы отнюдь не равноценны: если одни бесполезны, а другие иногда могут приводить к успеху, то третьи истинны всегда. Полезно знакомство со всеми тремя их типами, поскольку метод, позволяющий отыскивать истину, гораздо легче усвоить, имея перед глазами примеры противоположного свойства, уводящие в сторону от подлинного знания. Любая система включает принципы и их следствия.

Принципами абстрактных систем выступают общие максимы. Предполагается, что они очевидны и несомненны. От этих общих положений философы стремятся дойти до раскрытия частных истин. Среди авторов «модных» абстрактных систем Кондильяк называет Декарта, Спинозу, Лейбница, Мальбранша. Очевидно, в данном случае он акцентирует внимание на рационалистической линии философии Нового времени. При этом он достаточно схематично, если не сказать произвольно, трактует общую ее направлен-

ность и теоретические основания. Согласно Кондильяку, названные мыслители сходятся в том, что принимают врожденные идеи в качестве внедренных Богом в души людей положений, из которых должны последовательно выводиться все остальные. Подобное истолкование познавательного процесса, по его мнению, противоречит подлинному порядку формирования идей. Сложные идеи могут быть поняты лишь на основе простых. Но простые идеи — наименее абстрактны, они непосредственно связаны с чувствами. Простые, частные идеи всегда конкретны, благодаря чувствам они «определяются сами собой». Любое абстрактное понятие расплывчато и туманно, если не поясняется частными идеями. Бесполезно пытаться прояснить одно абстрактное понятие с помощью другого. «Следовательно, ошибаются те, кто утверждает, что источником наших знаний являются абстрактные принципы» [2, т. II, с. 12].

Кондильяк подразделял абстрактные принципы на три вида. В *первом* случае речь идет о положениях, которые истинны во всех возможных ситуациях и могут рассматриваться в качестве общепринятых. Например, «что есть, то есть». Но из подобных максимум невозможно извлечь никакого знания, они бесполезны с точки зрения поиска истины. Более того, они нисколько не способствуют искоренению разногласий в среде философов. Во *втором* случае применяются положения, которые верны лишь применительно к отдельным явлениям, но ошибочно предполагается, что они истинны всегда. Их ложность в отношении множества вещей очевидна и легко подтверждается нашим опытом. В *третьем* случае пытаются составить представление о неисследованном объекте при помощи произвольных, взятых наугад знаний о более привычных вещах. Например, пробуют рассуждать о свойствах души на основе имеющихся сведений о качествах тел. В результате получают неопределенные отношения, которые пытаются насильственно навязать разнородным предметам. Таким образом, если общие максимы первого вида просто не позволяют двигаться вперед, не будучи фундаментом познания, то прочие абстрактные принципы неизбежно ведут к заблуждениям.

Несостоятельность абстрактных принципов легко подтвердить на практике: знаменитый просветитель предлагает провести эксперимент, поручив приверженцу учения об их плодотворности управление армией или целым государством. Несомненно, что кабинетный теоретик потерпит

неудачу, и такое положение дел в корне подрывает мнение о фундаментальности общих положений. Существенный недостаток абстрактных систем Кондильяк видит в их ограниченности, не позволяющей охватить все стороны предмета. Этот коренной недостаток неизбежен: абстрактные принципы всегда опираются на частные идеи, соответственно, множество аспектов того или иного явления оказываются исключены из рассмотрения. Выбор человеком системы подобного рода чаще всего осуществляется с помощью страстей, а не разума, который вынужден в сложившейся ситуации довольствоваться односторонним охватом проблем.

Распространенное злоупотребление абстрактными системами связано с тем обстоятельством, что вместо истин при их построении приобретают чаще всего только мнимые знания, выраженные лишенного точного смысла терминами. Поскольку сами исходные принципы не обладали должной степенью ясности, то и выводимые из них следствия оказывались не особенно ценны. В области абстрактных систем широко распространен предрассудок о существовании врожденных идей. Он сформировался постепенно. Первоначально, в момент возникновения философии, люди производили мало наблюдений, но стремились побыстрее получить исчерпывающие ответы. Отсюда — неизбежная опора философов на широко распространенные в обществе, довольно примитивные взгляды. «Это были, выражаясь языком математиков, все их данные» [2, т. II, с. 45]. Господствующие взгляды в разной степени использовались представителями философской среды. Но существенно то, что они, не задумываясь, возводили фундамент на смутных, неопределенных понятиях, имевших хождение в их эпоху. В своих объяснениях различных явлений философы слишком часто проводили аналогии с распространенными воззрениями, использовали расхожие выражения, будто бы они исчерпывали суть дела, развивали необоснованные сравнения. Например, исходя из того, что зеркальные отражения копируют предметы, заключили о сходстве ментальных образов с внешними объектами. Затем подобным образом приписали полнейшую достоверность, стали рассматривать их в качестве основы познания. Обозначив образы души как «идеи» или «архетипы», приобрели привычку усматривать в них особого рода реальность, и, пусть и ненамеренно обманывая себя, философы утвердились во мнении, будто обладают прочными знаниями, заключенными в аб-

страктных понятиях. Поскольку еще не были достигнуты точные представления о происхождении идей, предположили, что они существовали всегда, объявили их врожденными. Чтобы доказать возникновение идей «из чувств», проследить их различные превращения, требовалось пройти длительный путь. Пока необходимые для него наблюдения и знания отсутствовали, довольствовались далеким от реальности представлением об идеях как особых сущностях, своего рода частях субстанциальной души. Таким образом, анализ теории врожденного знания, по мысли Кондильяка, наглядно свидетельствует о том, что «в самых распространенных предрассудках можно будет открыть источник многих философских систем» [2, т. II, с. 47]. Стремящийся к истине философ должен следовать иному методу, избегая опасностей, связанных с не имеющими доказательной базы и научного значения «ходячими» представлениями.

Кратчайшим опровержением абстрактных систем, полагает просветитель, может служить требование пояснить нечетко определенный принцип либо понятие. В таком случае сразу станет очевидным слабое место в рассуждениях критикуемого автора, его неспособность составить точную и ясную идею, которая выражала бы его точку зрения.

Уверенность в плодотворности абстрактных понятий, согласно Кондильяку, укрепилась у многих философов благодаря математике, в области которой они находят успешное применение. «На основании того, что этот метод достаточно для определения сущности абстрактных величин, они решили, что он достаточен также для определения сущности субстанции» [2, т. II, с. 49]. Но абстрактные понятия в сфере метафизики весьма отличны от математических идей. Если первые мало приближают к постижению сущности субстанции, то вторые позволяют составить полное представление о свойствах различных геометрических фигур.

Высказывая критические замечания в адрес систем, относимых им к типу абстрактных, Кондильяк, в частности, упрекал Декарта в том, что его принцип принимать за истину только ясно и отчетливо воспринятое, несостоятелен и ведет к заблуждениям. По Кондильяку, сами картезианцы не имели точного представления о природе и происхождении идей, потому и не могли определить, что именно делает их ясными и отчетливыми. Анализируя учение Лейбница, просветитель не менее категоричен: «он приложил все усилия,

чтобы описать нам некоторые положительные качества своих монад. Он думал, что открыл в них две вещи: силу и восприятия, которым свойственно представлять вселенную... Но если эта сила и эти восприятия просто слова, ничего не дающие уму, то его система становится совершенно бессодержательной» [2, т. II, с. 84]. Выступив с опровержением философии Спинозы, Кондильяк настаивал на том, что названный мыслитель лишь воображал себя формулирующим математические доказательства. «Таким образом, сторонники Спинозы должны избрать одно из двух: либо они должны признать, что до сих пор принимали систему, не имеющую никакого смысла; либо они должны изложить ясно и точно тот великий смысл, который, по их мнению, в ней заключается. Но по существу не приходится много колебаться в вынесении приговора этому философу: пропитанный всеми предрассудками школьной философии, он не сомневался в том, что наш разум способен открыть сущность вещей и добраться до их первопричин. Далеким от точности, он составлял себе лишь туманные, неопределенные понятия» [2, т. II, с. 151].

Системы второго типа, строящиеся на предположениях, в качестве принципов используют гипотезы, без которых, как полагают, было бы невозможно объяснить причины тех или иных явлений. Когда гипотезы выглядят правдоподобно и, по видимости, содержат объяснение вещей, философы способны опрометчиво заключать о раскрытии ими сущности природы. Поэтому системы второго типа очень удобны для невежд, не склонных прилагать усилий для серьезного поиска подлинных знаний.

Применение гипотез, по Кондильяку, может вести к прямо противоположным результатам. В некоторых случаях гипотезы содействуют расширению человеческих познаний, это происходит, когда выполняются два условия: 1) оказываются исчерпаны все возможные предположения, касающиеся исследуемой проблемы; 2) применяются процедуры, позволяющие убедиться в справедливости или же ошибочности выдвинутого объяснения. В таком случае опора на гипотезы и полезна, и необходима. Наши предположения тем точнее, чем глубже наблюдения изучаемых явлений. Краткость и простота объяснений, наличие их практического приложения — несомненные признаки плодотворных предположений.

Вместе с тем неопределенные гипотезы способствуют лишь торжеству невежества, порож-

дают «химеры». Иногда бывает затруднительно охватить все предположения, если явление связано с бесчисленным количеством других. Догадки даже бывают прямо вредны в практических науках. Гипотезы же общего свойства часто оказываются бессодержательными в силу туманности используемых терминов, например, если рассуждают о «сущности», не связывая с употребляемым понятием никакой точной идеи. Наделенные чрезмерным воображением, многие философы самоуверенно порождали гипотезы, затрагивавшие лишь поверхность вещей, приписывавшие реальность различным вымыслам. Просветитель рекомендует проверять гипотезы на степень согласованности их с объяснениями, уже нашедшими подтверждение в опыте. Рекомендую не отвергать предположений, он настаивал на необходимости тщательной их проверки.

Наконец, системы третьего типа в качестве принципов используют точно установленные факты. Кондильяк подчеркивал, что именно системы подобного типа в полной мере заслуживают названия истинных. Они позволяют добраться до наиболее глубоких объяснений различных явлений, насколько те вообще доступны человеческим способностям. Но система — не просто собрание фактов. Правильно выстроенная, она должна заключать в себе различные части таким образом, чтобы они поясняли друг друга; кроме того, они должны соотноситься и исходить из некоторого неопровержимого, первичного факта, выступающего исходным пунктом, а тем самым и принципом всей системы.

Истинная система не может быть рождена по произволу. Прежде всего, недостаточность наблюдений служит очевидным препятствием ее формированию. Попытка выстроить систему, не подкрепленная должными исследованиями, уподобляется французским мыслителем стремлению разобраться в часовом механизме, ограничившись созерцанием движения стрелки.

Хотя в основе наук по необходимости лежат установленные факты, все же распространение учений, опирающихся на иные принципы, согласно Кондильяку, не было случайностью. Первоначально люди не искали объяснений всему существующему, они ограничивались удовлетворением потребностей, достигая этого обучением у природы. Пока следовали названным путем, ошибки случались нечасто. Но, за неимением открытий, иной раз прибегали и к предположениям, догадкам, которые, хотя и являлись только средством в поисках истины, стали неправомерным

образом отождествляться с началами системы. С другой стороны, по мере накопления знаний требовалось их классифицировать по родам и видам. Желая представить или сформулировать мысли о множестве вещей, привыкли обращаться к общим понятиям. Сами по себе они выступают лишь сокращенным выражением определенной группы частных понятий, но постоянное их использование послужило причиной того, что их ошибочно посчитали принципами наук.

Историческую последовательность систем Кондильяк кратко охарактеризовал в «Курсе занятий по обучению принца Пармского». Мирозрение древних он оценивал весьма критично: «Первые философы посмотрели вокруг себя и тотчас посчитали, что все поняли. Кажется, их первой мыслью была: *мы видим все, мы можем постичь все*. Они смотрели, как во сне вселенная образовывается на их глазах: они грезили о принципах вещей, их сущности, их происхождении: и они вовсе не пробуждались» [6, т. X, р. 1]. Подобные «философы» были первыми невеждами, посчитавшими себя образованными людьми. Им поверили на слово, в их мудрости не усомнились, стремились приобщиться к ней и лишь по прошествии целых веков убедились в ее мнимости. Различные империи сменяли друг друга, но заблуждения сохранялись; неопределенные, туманные идеи и гипотезы воспроизводились снова и снова, лишь внешне меняя свою форму. Заметим, что французский мыслитель в «Курсе занятий» дает расширительное толкование философии, в значительной степени размывая ее границы, причисляет к «первым философам» жрецов, хранителей религиозной традиции. По его мнению, первоначально у жрецов отсутствовало тайное учение, они внушали согражданам тот комплекс идей, который сложился в обществе в силу обстоятельств или же под влиянием законодателей. По мере того как формировалась наследственная каста жрецов, у ее представителей вырабатывалось стремление отделить себя от остального общества, выдвинуть на первый план собственную славу и процветание, окружить себя секретами, способствующими увеличению могущества. Но все эти древние мнения сводились к очень ограниченному кругу представлений. По существу, для Кондильяка они — не более чем первые, еще детские усилия человеческого разума.

Просветитель неоднократно повторял, что изучение ошибок прежних лет необходимо не в качестве самоцели, не ради удовлетворения любопытства, а для того, чтобы исключить их повто-

рения. Избежать абсурдных суждений возможно, если тщательно изучить предшествующую историю. Правильные рассуждения легче выстроить, опираясь на знания о том, какие мнения господствовали в прежние эпохи. История философии позволяет на небольшом пространстве сконцентрировать многовековой опыт человечества.

Греческую философию в целом Кондильяк характеризовал отнюдь не в восторженных тонах. Платон, к примеру, на его взгляд, обладал «талантом придавать краски вещам, не распространяя на них никакого света». Сама форма диалога позволяла древнему автору беспорядочно перескакивать с предмета на предмет, говорить обо всем без должной глубины. «Его мнения кажутся лишь бредом, который мало заслуживал бы нашего внимания: но так как этот бред продолжался, необходимо о нем знать. Было бы невозможно следовать за философским разумом в последующие века, если бы сначала не присмотрелись к Платону как философу, воображение которого должно было стать заразным» [6, т. X, р. 188–189]. В платоновской школе особое значение придавалось геометрии, но, согласно Кондильяку, ее не умели правильно применить к физике, выдумывая отношения и пропорции, не имевшие отношения к природе.

Аристотель, «самый известный из философов древности», по мнению просветителя, обладал возвышенной душой. В произведениях, посвященных риторике и поэтике, он установил принципы, удовлетворившие самые изысканные, лучшие умы. Но в физике он тщетно пытался строить догадки о природе. Справедливо отбросив платоновские идеи, пифагорейские числа и атомы Левкиппа, он заменил их смутными абстрактными понятиями. «Аристотель, полагая создать науку, вздумал собрать все абстрактные и общие идеи, такие как бытие, субстанция, принципы, причины, отношения и другие подобные... После него Теофраст или какой-то другой перипатетик дал имя метафизики этой беспорядочной груде абстрактных идей. Вот, следовательно, метафизика: это наука, где предлагают трактовать обо всем в общем, ничего прежде не наблюдая в частности, то есть говорить обо всем, ничего прежде не узнав» [6, т. XX, р. 507].

Основным недостатком схоластики Кондильяк считал смешение философии с теологией. По его мнению, названные дисциплины различны по происхождению, поэтому их следует тщательно разграничивать. В то время как здравая философия должна быть основана исключительно

но на опыте, теология опирается на Св. Писание и традицию.

Новое время просветитель рассматривал как эпоху распространения истинной философии, которая была подготовлена множеством наблюдений и открытий. Бэкон указал путь естественной философии, до него еще неизвестной. Декарт внес существенный вклад в развитие геометрии. Локк обратился к наблюдению человеческого разума, доказал невозможность врожденных идей, объяснил происхождение наших знаний, установил способы их расширения. Такова в самых общих чертах схема историко-философского процесса, выдвинутая Кондильяком.

Исследователи интеллектуальной истории неоднократно обращались к различным аспектам предложенного Кондильяком философского проекта, справедливо подчеркивая его значение и отличительные особенности. Так, Багено де Пюшес обоснованно замечал, что по своей идейной направленности «его философия хорошо отвечала своему времени» [4, р. IV]. Разумеется, автор «Трактата о системах» говорил о «твердо установленных фактах» с позиции просветительского сенсуализма, и в этом отношении Леон Деволь справедливо настаивал на том, что «исследование человеческого ума — центр, вокруг которого вращаются все части системы Кондильяка» [7, р. 304]. С полным правом отвергая сложившиеся стереотипы, Жорж Леруа утверждал: «Далекая от банальной простоты, которую ей приписывают, мысль Кондильяка развертывается изощренным и сложным способом» [9, р. 1]. Против устоявшихся поверхностных оценок протестовал и Ф. Реторе: «Психологи рассматривают Кондильяка как главу материализма; этот вульгарный предрассудок не разделяется ни самостоятельными умами, ни честными и проникательными судьями» [10, р. 5]. Характеризуя историко-философские размышления просветителя, Марсиаль Геру констатировал их подчиненность задаче построения истинной системы научного знания: «Кондильяк — это философ, который равнодушен к истории философии как таковой, но который использует учения, завещанные историей, для философских целей» [8, р. 309]. Существенные недостатки подобного подхода удачно отметил Люсьен Браун: «Кондильяк несколько не стремится установить связи, которые могли бы существовать между различными системами, им исследуемыми, ни извлечь выводы из их многообразия и их противоположности». Подчеркнуто критическое отно-

шение к прошлому «приводит Кондильяка к поразительным преувеличениям и слишком заметному предубеждению против древней философии. Он мог, стало быть, только сурово судить и не признавать оригинальности мысли философов Античности» [5, p. 157].

Конечно, в концепции Кондильяка логический подход получил преобладание над историческим, желание четко обозначить классические типы систем в их основных, едва ли не вневременных чертах привело, по существу, к тому, что задаче раскрытия творчества отдельно взятых мыслителей во всей его глубине не придавалось особого значения. Действительно, для Кондильяка история философии важна в первую очередь как средство, позволяющее избегать ошибок и предрассудков прошлого. Для него история систем сохраняет свою актуальность, так как способствует поиску истины в нужном направлении. Поскольку вектор искомого направления задается сенсуалистической гносеологией, история философии по необходимости предстает в довольно схематичном виде, в определенной степени даже редуцируется к немногим положениям. История, подчиненная принятой руководящей схеме, нивелирует многочисленные детали, нюансы, оттенки, растворяя их в обобщениях, характерных для просветительской парадигмы. Разумеется, придерживаться сегодня кондильяковской концепции, принимая ее без поправок и оговорок, вряд ли возможно. Многообразие направлений мировой философской мысли сложно охватить, не испытывая затруднений и не встречая серьезных возражений, тремя принципами, казавшимися бесспорными в своей очевидности некоторой части ученого сообщества в середине XVIII в. Подчеркивая значительность влияния различных областей культуры на развитие философии, свойственное ее ранним этапам, Кондильяк вместе с тем рассчитывал его элиминировать в эпоху просвещенного разума. С современной точки зрения не кажется оправданным доходящее до сурового осуждения, весьма критичное, даже пренебрежительное отношение к интеллектуальным достижениям древности. Сквозь призму теории прогресса, взятой в ее особом преломлении, совершенно упускались из вида преемственность между философскими эпохами, также как и значительность многих достижений предшествующих мыслителей. Подлинный ход истории искажался, получая одностороннюю интерпретацию. И все-таки выдвинутая Кондильяком историко-философская концепция достойна са-

мого внимательного к ней отношения. Прежде всего потому, что она характерна для столетия, ставившего своей целью борьбу с предрассудками, защиту здравого смысла в самых разных его появлениях и приложениях, ниспровержение казавшихся ложными авторитетов прошлого. Многие представители образованного общества судили о прошлом философии, как и об ее перспективах, основываясь на сочинениях одного из ведущих мыслителей эпохи. В этом отношении исследование интеллектуальной атмосферы эпохи Просвещения, претендующее на всесторонность, не должно обходить вниманием те положения, которые защищались Кондильяком. Они также важны для понимания самосознания просветительской мысли, стремившейся осмыслить свое место во всемирной истории. С другой стороны, сама по себе установка на выявление в историко-философском процессе универсального, закономерного, поддающегося выражению в обобщенной форме содержания, которое могло бы быть представлено в виде определенной типологии систем, отнюдь не выглядит устаревшей, потерявшей свою актуальность. Сами недочеты, присущие подходу французского просветителя, будучи органично включены в картину мира, свойственную Новому времени, позволяют сделать более точными современные систематизации историко-философского плана.

Список литературы

1. *Богуславский В.М.* Кондильяк. М.: Мысль, 1984. 190 с.
2. *Кондильяк Э.Б.* Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1980–1983.
3. *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1980. 775 с.
4. *Baguenaud de Puchesse G.* Condillac, sa vie, sa philosophie, son influence. P.: Plon, 1910. 278 p.
5. *Braun L.* Histoire de l'histoire de la philosophie. P.: Ophrys, 1973. 400 p.
6. *Condillac E.B.* Oeuvres completes. T. I–XXIII. P.: Ch. Houel, 1798.
7. *Dewaule L.* Condillac et la psychologie anglaise contemporaine. P.: Félix Alcan, 1892. 331 p.
8. *Gueroult M.* Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie. V. 1. P.: Aubier, 1984. 328 p.
9. *Le Roy G.* La psychologie de Condillac. P.: Boivin et C, 1937. 236 p.
10. *Réthoré F.* Condillac ou l'empirisme et le rationalism. P.: Auguste Durand, 1864. 368 p.

Получено 21.01.2016

References

1. Boguslavskiy V.M. *Kondil'yak* [Condillac]. Moscow, Mysl Publ., 1984, 190 p. (In Russian).
2. Condillac E.B. *Soch.: v 3 t.* [Works, in 3 vol.]. Moscow, Mysl Publ., 1980–1983. (In Russian).
3. Manfred A.Z. *Napoleon Bonapart* [Napoleon Bonaparte]. Moscow, Mysl Publ., 1980, 775 p. (In Russian).
4. Bagnenault de Puchesse G. *Condillac, sa vie, sa philosophie, son influence* [Condillac, his life, his creativity, his influence]. Paris, Plon Publ., 1910. 278 p. (In French).
5. Braun L. *Histoire de l'histoire de la philosophie* [The history of the history of philosophy]. Paris, Ophrys Publ., 1973. 400 p. (In French).
6. Condillac E.B. *Oeuvres complètes, t. I–XXIII* [Complete works, v. I–XXIII]. Paris, Ch. Houel Publ., 1798. (In French).
7. Dewaule L. *Condillac et la psychologie anglaise contemporaine* [Condillac and contemporary English psychology]. Paris, Félix Alcan Publ., 1892. 331 p. (In French).
8. Gueroult M. *Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie* [Dianoématique. The history of the history of philosophy]. Paris, Aubier Publ., 1984. v. 1, 328 p. (In French).
9. Le Roy G. *La psychologie de Condillac* [Condillac's psychology]. Paris, Boivin et C. Publ., 1937. 236 p. (In French).
10. Réthoré F. *Condillac ou l'empirisme et le rationalisme* [Condillac and empiricism and rationalism]. Paris, Auguste Durand Publ., 1864. 368 p. (In French).

The date of the manuscript receipt 21.01.2016

Об авторе

Кротов Артем Александрович

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: krotov@philos.msu.ru

About the author

Krotov Artem Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of History and Theory
of World Culture

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: krotov@philos.msu.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кротов А.А. История философии в контексте просветительской парадигмы: типология систем // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 5–12.

Please cite this article in English as:

Krotov A.A. The history of philosophy in the context of the enlightenment paradigm: the typology of systems // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 5–12.

УДК 1.34

ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ПРАВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Мусаелян Лева Асканазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Философия исторически выполняла функцию метатеории права. Господствующее в каждую эпоху миропонимание определяло правопонимание. Упразднение у нас в стране в начале 90-х гг. государственной идеологии и мировоззрения помимо общепризнанного положительного эффекта имело и некоторые негативные последствия. Возникло множество конкурирующих концепций права, исчезло единое правовое пространство, получило распространение селективное право, нарушающее фундаментальные принципы демократического общества — равенства граждан перед законом и справедливости. Идея учёных-юристов о создании единой интегративной теории правопонимания оказывается трудно-реализуемой в силу отсутствия признанного единого онтологического основания права. В статье обосновывается тезис о том, что человеческая сущность — субстанция права. Антропологические основания права являются условием разработки искомой интегративной теории и разрешения обозначенных проблем.

Ключевые слова: философия; право; идеология; демократия; справедливость; свобода; человек; теория права; правопонимание; правовое пространство; антропологические основания права.

ON ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF LAW: PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University

Philosophy has historically served as metatheory of law. The world view prevailed in every age has determined legal consciousness. Abolition of the state ideology in the early 1990s in Russia apart from the recognized positive effect had some negative implications. During this period it's possible to observe the following phenomena: origin of many competing theories of legal consciousness, disappearance of a single legal space, spreading of the selective right that violates the main principles of democracy: equality of citizens before the law and justice. The lawyers' idea of integrative theory of law turns out to be impractical because of the lack of a generally recognized basis of law. The author proves the thesis that human essence is the substance of law. Therefore anthropological basis of law is a foundation for the development of integrative theory and solution of the identified problems.

Key words: philosophy; law; ideology; democracy; justice; freedom; person; legal theory; legal consciousness; legal space; anthropological basis of law.

Право, как основополагающий компонент культуры, вбирает в себя её наиболее значимые достижения, развивается вместе с ней и в то же время способствует легитимации тех ценностей и принципов поведения людей, которые обеспечивают устойчивое функционирование и развитие общества. Философия, изучающая общество, не может игнорировать эту чрезвычайно важную область человеческой деятельности. Именно поэтому философское осмысление права имеет многовековую историю. И по мере развития челове-

ства, усложнения общественной жизни интерес философии к правовой реальности постоянно возрастал. В свою очередь право связано с философией. Само понятие «право» своим существованием обязано философии. Оно изначально выработывалось философией наряду с такими понятиями, как «общество», «человек», «личность», «государство», «свобода», «справедливость» и т.д. [6, с. 140]. В своём развитии право всегда опиралось на философию, поскольку его базовые проблемы — свобода, справедливость, равенство,

ответственность, законность и другие — являются в своей сущности философскими проблемами. Их разрешение уходит в область онтологии, антропологии, гносеологии, аксиологии и других философских дисциплин, которые в совокупности определяют структуру такой междисциплинарной науки, как философия права, выполняющей по отношению к теории государства и права, а через неё и к другим частным правовым наукам методологическую функцию.

О связи права и философии свидетельствует вся история цивилизации. В каждую новую историческую эпоху (Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время) возникало фактически новое правопонимание, обусловленное господствующим миропониманием. В недалёком прошлом, в советский период нашей истории, существующая в стране система права опиралась на марксистскую философию, которая официально признавалась в качестве господствующего мировоззрения. Общественные науки, в том числе и правовые дисциплины, вместе со своей методологической основой — философией выступали в роли господствующей идеологии. Отмеченная историческая традиция зависимости правопонимания от миропонимания в постсоветской России оказалась нарушенной. Согласно ст. 13 Конституции РФ в нашей стране отсутствуют официально признанные господствующие (государственное) мировоззрение и идеология. Установление мировоззренческого и идеологического плюрализма оценивается политиками и учёными как важнейшее завоевание молодой российской демократии, освободившейся от коммунистического тоталитаризма. Бесспорно, монополия государства на истину трудно совмещается с принципом демократии, тем более что от имени государства говорят конкретные люди и далеко не всегда лучшие умы общества. Но, с другой стороны, при официальном отрицании в обществе господствующих (государственных) идеологии и мировоззрения закономерно возникают, как минимум, два вопроса.

Во-первых, если в стране существует конституция и достаточно развитая правовая система, на которые опирается в своей деятельности государство, может ли в этом обществе отсутствовать государственная идеология? В классовом обществе право вне идеологии — нонсенс. Деидеологизированное право — это право, которое не отражает ничьих интересов. Право, которое не выражает интересы определённых социальных групп (слоёв) населения, по определению не может выполнять свою основополагающую регуля-

тивную функцию, ради которой оно и возникло. Можно, конечно, сказать, что право отражает интересы всего общества. В определённой степени это так, но лишь в определённой степени. Право, отражающее интересы всего населения, предполагает общество, где отсутствуют социально-экономическая и социально-политическая стратификация. В этом случае государство, если вспомнить Ф. Энгельса, перестаёт быть публичной властью, отчуждённой от народа. Власть подобного рода не нуждается в классическом институте права, поскольку сама, выражая волю самоуправляемого народа, не является политическим институтом. Понятно, что существующие российские реалии находятся в кричащем противоречии с такими предположениями. Впрочем, вопрос об отсутствии у нас в стране государственной идеологии — тема отдельного обстоятельного дискурса.

Во-вторых, что выступает в качестве метатеории и методологии современного российского права? Очевидно, что те ценности, тот социальный идеал (личности, общества), которые создаются и утверждаются через механизм права в немалой, если не в определяющей, степени зависят от метатеории права, от философско-мировоззренческих позиций правоведов, особенно тех, которые заняты теоретической деятельностью и законотворчеством. На какой философии базируется правовая политика власти? Или она исходит из декларируемого мировоззренческого плюрализма, существующего в обществе? Мировоззренческий плюрализм определяет плюрализм в области правовой теории и в конечном счёте правовой практики. Иначе говоря, разное миропонимание определяет разное правопонимание и правоприменение. И если подобное для разных социумов, представляющих различные исторические эпохи, можно считать нормальным явлением, то для одного и того же общества, не находящегося в состоянии межформационного сдвига, такая ситуация кажется немыслимой. Тем не менее подобная сюрреалистическая правовая реальность сложилась в современной России. «Современная политико-правовая практика, — отмечает известный учёный-правовед В.М. Сырых, — служит эмпирическим обоснованием доброму десятку различных правовых теорий и школ» [28, т. 1, с. 318]. «У нас до сих пор нет единого правового пространства», — отмечает А.В. Малько [12, с. 32]. Это и понятно: не может быть единого правового пространства при методологическом (и мировоззренческом) плюрализме в теории и практике права. Между тем единое правовое про-

странство есть основополагающее условие эффективного управления страной. Но дело не только в этом. Отсутствие единого правового пространства, его однородности и изотропности является условием существования селективного права в России. Последнее свидетельствует о том, что в нашей стране отсутствует равенство граждан перед законом. Конечно, можно согласиться с тем, что нарушение этого принципа происходит часто по причине коррумпированности некоторых работников правоохранительных и правоприменительных органов, правового нигилизма, обусловленного низким профессионализмом субъектов права. Однако, думается, что мировоззренческий и методологический плюрализм, определяющий плюрализм в сфере правоприменения, оказывается значимым фактором, порождающим указанные негативные явления. В этой связи представляется необходимым привести в качестве примера два резонансных уголовных дела из правовой практики последних лет, в которых рельефно проступают особенности российского правового пространства. Несколько лет назад три девицы с зияющими пробелами в детском воспитании перед объективами телекамер станцевали в православном храме. Несостоявшихся артисток арестовали. Два года шло следствие по этому «сложному» делу. Фигуранты выходки продолжали сидеть в тюрьме, в том числе та, у которой дома был маленький ребёнок. Наконец состоялся суд. Одну из обвиняемых отпустили, двоих отправили отбывать срок в колонии. Столь жёсткая реакция российской фемиды на девиантный проступок группы «Pussi rait», вероятно, можно объяснить тем, что она опиралась на теологическую концепцию правопонимания, согласно которой преступление против религии, от которой зависит жизнь вечная, является более тяжким грехом, чем преступление против государства.

А вот пример преступления против государства. Молодая высокопоставленная чиновница посредством мошеннических схем умыкнула у государства 3 млрд. руб. (первоначальная оценка нанесённого ущерба составляет 16 млрд. руб.). Несмотря на тяжесть преступления, суд отнёсся к мошеннице необъяснимо лояльно, ограничив ей свободу в период следствия домашним арестом, в то время как другие второстепенные фигуранты уголовного дела, через фирмы которых чиновница перепродавала государственное имущество, были помещены в тюрьму. Три года, пока шло следствие, главный фигурант находилась под домашним арестом в своей тринадцатикомнатной квартире в центре

Москвы в окружении слуг и персонального повара. Не обременённая стыдом и совестью, бывшая чиновница в течение этих трёх лет разъезжала по столице, посещала бутики, снимала клипы, устраивала вернисажи своих картин. На суде государственный обвинитель потребовал наказание подсудимой восемь лет условно(?!). Решение суда — пять лет колонии. Но вскоре экс-руководитель «Оборонсервиса», о которой говорила вся страна, была освобождена условно-досрочно, не отбыв наказания, кажется, и месяца. Заметим, непосредственный начальник мошенницы, без ведома которого, на наш взгляд, вряд ли его подчинённая могла проворачивать свои аферы, проходил на судебном процессе лишь в качестве свидетеля. Резонансное дело «Оборонсервиса», понятно, не добавило лавров ни чиновникам, ни тем более отечественной фемиде.

Приведённые примеры, число которых любой, кто следит за деятельностью правоохранительных и правоприменительных органов страны, может умножить, свидетельствует о том, что меч справедливого неотвратимого наказания за содеянные преступления нередко применяется избирательно. В этом одна из причин низкого доверия россиян к этим органам. Согласно европейским экспертным оценкам уровень доверия россиян к своей полиции и судебно-правовой системе один из самых низких в Европе [2, с. 20]. Исследования «Левада-центра» подтверждают эти оценки. Социологические измерения показывают, что к числу самых неуважаемых профессий помимо политиков (36 %) и чиновников (28 %) население страны также относит полицейских (29 %), судей (17 %), работников прокуратуры (16 %), т.е. всех тех, от деятельности которых зависит справедливость в обществе [5, с. 17].

Социальное пространство нашей страны имеет крайне неоднородный и напряжённый характер. Эта неоднородность существует как по вертикали, так и по горизонтали. Согласно международным оценкам десятикратная величина децильного коэффициента в обществе является критичной. В России, по данным Росстата, критичная разница в доходах превышена в более чем в 1,6 раз. По неофициальным экспертным оценкам разрыв между бедными и богатыми, при котором возникают предпосылки политической нестабильности, у нас в стране превзойдёт в 4–5 раз [30]. Согласно данным международной финансовой корпорации Credit suisse group 110 российских миллиардеров контролируют 35 % всех активов в стране, в то время как 40 % россиян считают, что они живут за чертой бедности [23, с. 5]. Такого неравенства

и такого низкого уровня жизни нет ни в одной стране со сравнимым показателем ВВП на душу населения. Если неравенство доходов определять по коэффициенту Джини, то и по этому измерителю Россия, наряду с США, является одной из самых несправедливых стран в мире [3, с. 77].

Особенностью современной России являются также огромные разрывы по уровню экономического развития между регионами. Это дало основание академику Д.С. Львову сделать вывод о том, что страны Евросоюза имеют больше оснований считать себя одной страной, нежели Россия [11, с. 8].

Единое право как признак государства помимо всего прочего выполняет интегративную функцию. Обеспечивая равенство граждан перед законом, отстаивая справедливость в обществе, право блокирует рост напряжённости в социально неоднородном пространстве и предотвращает возникновение разрывов в нём. Другими словами, однородное и изотропное правовое пространство в условиях критично неоднородного социального пространства является важным фактором сохранения целостности государства. Очевидно, что при отсутствии единого правопонимания и правоприменения, т.е. при фрагментированности правового пространства, право не в состоянии выполнять интегративную функцию. Более того, фрагментированное правовое пространство, его неоднородность и неизотропность усиливают напряжённость в социальном пространстве страны, создавая угрозы возникновения разрывов и территориальной фрагментации. В отсутствие идеологических и политических скрепов, объединяющих полиэтничное, поликонфессиональное население на огромной территории России, указанные вызовы не являются абстрактными. Они достаточно реальны, если учитывать ещё непубличную деятельность некоторых внешних сил, нацеленных на расчленение России. Таким образом, мировоззренческий (методологический) и идеологический плюрализм, считающийся крупным достижением постсоветской демократической России, способствовал формированию социальной реальности, не отвечающей фундаментальным принципам демократического общества — равенства всех перед законом и торжества справедливости. Указанное противоречие между демократическим выбором и антидемократическими последствиями не артикулируется и не замечаются отечественными правоведами. Эйфория от обретённой мировоззренческой, идеологической свободы, похоже, препятствует обнаружению связи между сложившейся фрагментирован-

ной, неоднородной, неизотропной правовой реальностью и возникшими перед страной новыми политическими вызовами, о которых говорилось выше.

Склонность юристов к дискуссиям, спорам — давно известный факт. В этом они, кажется, превзошли даже философов. Отмечая указанную особенность правоведов, основоположник классической немецкой философии Кант иронично заметил, что «юристы всё ещё ищут определение права» [7, с. 138–139]. Сегодня, по истечении более двухсот лет, можно было бы немало удивить «кёнигсбергского отшельника» тем, что активные изыскания в этой области продолжают. Отсюда и состояние современной юридической науки, где, по существу, конкурируют несколько концепций права. Даже в определении одних и тех же теорий среди юристов нет единства. Так, если Н.Н. Вопленко и М.Н. Марченко называют нормативизмом систему норм, принимаемых и охраняемых государством [4, с. 13; 15, с. 1], то В.М. Сырых то же самое определяет как юридический позитивизм [28, т. 3, с. 16], а О.Э. Лейст — как нормативный позитивизм [9, с. 26]. В свою очередь В.С. Нерсесянц такую трактовку именуется легистской [19, с. 33]. В отличие от других учёных основоположник либертарной концепции права демонстрирует резко негативное отношение к юридическому позитивизму, характеризуя его «нормативным выражением авторитаризма» [19, с. 34].

Нет согласия среди юристов и относительно типологии правопонимания. Это понятие многие авторы считают интуитивно ясным, не утруждая себя объяснениями его смысла и содержания. Кроме того, часто правопонимание понимается как нечто, отличное от теорий права. Поэтому если в отношении количества концепций, существующих в праве среди юристов, сложился относительный консенсус, то этого нельзя сказать по отношению типов правопонимания. Так, В.С. Нерсесянц выделяет два типа правопонимания [19, с. 28], В.И. Червонюк — три [31, с. 222], В.П. Реутов тоже три [24, с. 7], О.В. Мартышин — четыре [14, с. 13–21], Н.И. Матузов и А.В. Малько — шесть [18, с. 160–168]. И этот ряд можно продолжить. Стало быть, в области правопонимания у учёных-юристов существует не просто плюрализм, а полная неопределённость, называемая в простонародье чехардой. В этой ситуации ожидать эффективного функционирования действующего в стране права, по крайней мере, наивно. Как справедливо отмечает В.П. Реутов, проблема здесь заключается в том, что разные авторы для выделения типов

правопонимания берут разные основания: философские воззрения, идеологические предпочтения и т.д. [24, с. 19].

В научно-юридической литературе существуют различные оценки сложившейся ситуации в области теории права. Одни, ставя под сомнение преимущества плюрализма в правопонимании, полагают, что право — многофакторное явление, требующее интеграции разных концепций права [20, с. 61–72; 21, с. 7–8; 24, с. 9]. Другие отрицают возможность интеграции разных теорий, опирающихся на разные основания, справедливо считая такой эклектический подход контрпродуктивным [32, с. 14–16]. С точки зрения третьих, существование разных типов правопонимания, опирающихся на различные философские теории, не только возможно, но и единственно верно [8, с. 211; 9, с. 4–15; 10, с. 10]. Рельефно эта позиция выражена в работах В.П. Реутова, по мнению которого, «правовая наука не может существовать в рамках монотеории, она нуждается в плюрализме научных взглядов. Что же касается юридической практики и, в частности, проблем правоприменения, продолжает В.П. Реутов, то современный нормативизм является единственным подходом, который на сегодняшний день способен обеспечить действенную и реальную защиту законных прав и интересов субъектов права» [24, с. 9]. Конечно, дискуссии, споры являются важным условием и фактором развития науки. Науке противопоставлен догматизм, но не в меньшей мере противопоставлен и релятивизм. Если теоретические разногласия и полемика относительно базовых понятий и проблем права продолжаются сотни лет, то это вовсе не свидетельствует о творческом развитии права, скорее, наоборот. Авторы, отстаивающие плюрализм мнений в теории и монистический подход в практике, как это следует из вышеприведённой цитаты, фактически отрицают всякую связь между правовой наукой и правоприменением. Получается, что теория и практика существуют независимо друг от друга. По мнению В.П. Реутова, этот разрыв между правовой теорией и практикой может быть преодолен в далёкой перспективе [24, с. 10]. Но если юридическая наука никак не связана с правотворчеством и правоприменением, не способствует более эффективной регуляции общественных отношений, спрашивается, то для чего существует такая наука? Является ли в таком случае наукой то, чем занимаются учёные-юристы? Такая острая постановка вопроса определяется тем, что любое «научное познание необходимо для того, чтобы регулировать человеческую деятельность» [26,

с. 105]. По авторитетному мнению академика В.С. Степина, главная особенность науки — её нацеленность на изучение объектов, которые актуально или потенциально включены в деятельность человека, т.е. в практику [26, с. 108]. Если этого нет, то многочисленные публикации и вековые дискуссии учёных-юристов имеют меньшую ценность, чем тысячелетний спор средневековых схоластов относительно понимания сущности творца. Во всяком случае, споры схоластов способствовали развитию логики, чего нельзя сказать по поводу дискуссий учёных-юристов.

Как представляется, теория права — это исключительно прикладная наука и как таковая она по определению не может быть безразлична к существующей социальной реальности. Далекое не случайно В.М. Сырых включает социально-политическую и правовую практику в объект правовой науки [27, с. 38–39]. На наш взгляд, смысл существования и развития науки о праве — разработка теоретических и методологических оснований для более совершенного правотворчества и более эффективного правопонимания. В конечном счёте цель и задача правовой науки — обеспечить стабильное функционирование и развитие общества. Обстоятельное обоснование решающего воздействия правовой науки на многие стороны общественной жизни и государства дал В.М. Сырых, что избавляет автора этих строк от необходимости более подробно останавливаться на этом вопросе [27, с. 17–18].

Теоретическая неразбериха в понимании базовых правовых понятий и проблем обусловлена существованием в юридической науке неопределённости в понимании онтологических оснований права. В последнее время среди юристов — как теоретиков, так и практиков — всё большее распространение получает интегральная теория правопонимания. Но, как справедливо отмечают учёные, эта теория «наталкивается на одно труднопреодолимое препятствие — неясность с выбором основания, позволяющего рассматривать право как единое органическое целостное образование, систему» [29, с. 3]. Фактически речь идёт о необходимости выявления общих онтологических оснований права, что позволило бы сформулировать единую (интегративную) теорию правопонимания. Без разрешения этой проблемы искомая интегральная концепция представляла бы искусственную эклектическую конструкцию с ничтожной эвристической ценностью.

Дискурс онтологических оснований правопонимания хотелось бы предварить некоторыми соображениями относительно разногласий по пово-

ду соотношения права и правопонимания. Как уже отмечалось, многие исследователи отрывают правовую теорию от правопонимания. Такой подход представляется спорным и вот почему. Любая научная теория включает в себя (и одновременно опирается на) научную идею — исходную мысль, центральное положение концепции, объединяющую входящие в неё понятия, суждения, умозаключения, принципы в некоторую целостность. Научная идея не только интегрирующий фактор теории, но и лапидарное выражение её сущности. Поэтому можно согласиться с В.С. Нерсесянцем в том, что «понятие (идея. — Л.М.) права — это сжатая юридическая теория», а «юридическая теория — это развёрнутое понятие права» [19, с. 27]. Поскольку научная идея — это свёрнутая теория, она выражает не только её сущность, но и определяет её границы. В основе разных теорий права лежат разные идеи, маркирующие их границы. В качестве примера можно привести либертарную и легистскую концепции права, которые, на наш взгляд, опираются на разные научные идеи. Научная идея может выражать также весьма общие фундаментальные закономерности, и в этом случае она связывает ряд концепций в некую общую теорию или ряд дисциплин в отрасль науки. Скажем, такую функцию в философском наследии Гегеля играет идея развития, Маркса — идея человека и его свободы. В этом широком контексте идея права выражает сущность юридической науки в целом как полное систематизированное знание о праве и государстве [19, с. 28]. Научная идея, лежащая в основе научной теории, превращает последнюю в правопонимание. В этом аспекте научная идея выражает смысл правовой теории, определяет её цели и задачи, предназначение и функции права и государства, их социальную ценность и особенность среди других институтов регуляции. Право по своей природе — это эмпирическая и прикладная наука. Научную идею, превращающую правовую теорию в правопонимание, учёные-правоведы формулируют, опираясь на философию. В определённом смысле можно сказать, что она заимствуется из философии. Поэтому нельзя не согласиться с точкой зрения учёных (В.С. Нерсесянц, В.П. Реутов и др.), которые увязывают типы правопонимания с определёнными философскими воззрениями. В самом деле, нельзя не видеть, что истоки легистского правопонимания уходят в глубь веков, в философию древнекитайских мыслителей Шан Яна (IV в. до н.э.), Хан Фэй-цзы (III в. до н.э.). Они были убеждены в злой природе человека и поэтому считали невозможным управление госу-

дарством на основе конфуцианского принципа человеколюбия. Очевидно, что естественная и либертарная теории права опираются на иную философию и, что особенно важно, на другие философские воззрения о человеке. Исходя из признания связи между типами правопонимания и философскими учениями, В.П. Реутов логично приходит к выводу о сложности создания единой интегративной концепции права, поскольку необходимым условием для этого является признаваемая всеми философская теория или научный метод [24, с. 8].

Ниже будет предпринята попытка исследовать онтологические основания права, что, как представляется, является условием разрешения многих других дискуссионных проблем и, прежде всего, разработки единой или интегративной теории права. Не претендуя на бесспорность своей точки зрения, полагаем необходимым отметить следующее. Если присмотреться к обществу, в котором мы живём, можно обнаружить, что в нём нет ничего, что не было бы результатом реализации определённых человеческих сущностных сил [16]. Это касается всех феноменов общественной жизни, в том числе таких важных институтов человеческой цивилизации, как государство и право. Разные концепции правопонимания отличаются друг от друга разным подходом в объяснении содержания правовых отношений и в этом контексте разным пониманием источника права. Источник права рассматривается в данном случае не в юридическом, а в философском смысле — как основа, носитель, причина возникновения феномена [22, с. 91–101]. Право же, согласно учёным, выступает как форма, обусловленная определённым содержанием [29, с. 26]. Понятно, что последнее у правоведов, придерживающихся разных мировоззренческих позиций, будет разным. У одних (В.М. Сырых, Л.С. Явич и другие), руководствующихся материалистической идеологией, в качестве содержания права выступают экономические отношения; у других (Л.И. Петражицкий, С. Тард, З. Фрейд), с противоположным мировоззрением, — феномены человеческой психики, сознание; у третьих (Р. Паунд, Д. Фрэнк, К. Ллевелин), опирающихся на философию прагматизма, — судебные решения и действия правительства. Можно ли обнаружить нечто общее в разных теориях права? Различное содержание, обуславливающее правовую форму, оказывается в конечном счёте результатом реализации сущностных сил человека. И даже теологическая концепция, усматривающая в качестве источника права предписания творца, не выходит за рамки указанного подхода, независимо от того, даётся ли

богословская трактовка Бога как носителя всех (человеческих) совершенств (Р. Луллий), или материалистическая — как отчуждённое бытие родовой сущности человека (Л. Фейербах, К. Маркс).

Анализируя точку зрения одного из отечественных правоведов, который выводил право из экономических отношений, С.С. Алексеев резонно замечает, что «спонтанно рождаемое право во всех случаях приобретает значение юридического феномена только тогда, когда освящено государственной властью, санкционировано ей, так или иначе выражено в письменных актах — нормативного или индивидуального характера» [1, с. 43]. Оставляя в стороне сложную проблему происхождения права, отметим, что, после того как спонтанно возникающее право санкционируется и освящается государством, оно приобретает юридическое значение [1, с. 43]. Это приводит к изменению статуса и сущности права. Приняв нормативное выражение, право выходит за рамки индивидуальных решений конкретных дел. Теперь оно выступает как всеобщая воля и всеобщий регулятор общественных отношений. И в этой своей роли право оказывается юридическим выражением универсальной родовой сущности человека, ибо регулируемые правом общественные отношения являются результатом реализации различных человеческих сущностных сил. И чем более развита человеческая сущность, тем более разносторонней оказывается человеческая деятельность, тем более развитым должно быть право, регулирующее эту деятельность.

Право лишь формально представляет всеобщую волю общества. В действительности это воля господствующего класса, возведённая в закон [13, с. 443]. В этом своём качестве право есть юридическое выражение отчуждённого бытия универсальной родовой сущности человека. Исторический процесс есть выражение развития отчуждённой родовой и индивидуальной сущности человека [17]. Отчуждённое бытие родовой и индивидуальной сущности человека, на наш взгляд, является онтологическим (антропологическим) основанием правового нигилизма как в национальном, так и международном праве.

Право, как отмечалось, является формой, обусловленной содержанием. Содержание определяет форму, но форма, как известно, не безразлична к содержанию. Она может сдерживать развитие содержания и, наоборот, давать простор его развитию. Поскольку содержание права (независимо от его трактовки) есть результат реализации сущностных сил человека, то можно сказать, что критерием эффективности права и проводимых в

этой сфере реформ является развитие человека и человеческого общества (индивидуальной и родовой человеческой сущности). Право, дающее простор для самореализации способностей человека и удовлетворения его растущих потребностей, оказывается формой бытия свободы, «библией свободы» (Маркс). Как нормативная форма бытия свободы человека право само по себе представляет важную социальную ценность. Поэтому такое право порождает законоодобряющее и законопослушное правовое сознание. Право в своём проявлении имеет пассивный и активный характер. Как форма бытия свободы право носит пассивный («спящий») характер. Свою активность оно проявляет тогда, когда возникают факторы, ограничивающие (или препятствующие) воспроизводство и развитие индивидуальной и родовой сущности человека. Когда это происходит? Во-первых, когда индивиды нарушают нормы права. В этом случае право в форме общеобязательного закона получает практическое воплощение через деятельность правоприменительных органов, блокируя превращение гарантированной свободы во вседозволенность. Оберегая общество от саморазрушения, право создаёт и сохраняет относительно устойчивую систему отношений, в рамках которой происходит производство и воспроизводство общества (человеческого рода) как целостной системы. В этой своей роли право представляет инструментальную ценность. Во-вторых, право даёт знать о своём существовании, когда начинает сдерживать, тормозить развитие сущностных сил человека. Это проявляется в возникшем несоответствии между действующим правом (формой) и существующими общественными отношениями (содержанием). В таких условиях резко снижается эффективность регулятивной, интегративной, воспитательной и других функций права. Право, ограничивающее развитие сущностных сил человека, теряет в его глазах свою ценность. Низкий статус права порождает в обществе по большей части правонарушающее правосознание, которое получает своё практическое выражение в правовом нигилизме.

Право, как отмечалось, является формой, обусловленной содержанием. Форма в философии понимается не только как способ выражения содержания, но и как структура — относительно устойчивая связь между элементами. Если элементами общества являются социальные индивиды и группы, то «связующим общество “клеем”, строго равномерно распределённым между составляющими общество индивидами, — Право» [25]. В современных демократических государствах право име-

ет характер общеобязательного закона и признаёт равенство всех перед законом. Очевидно, что онтологическим основанием указанных принципов является единство родовой сущности людей. Оно определяет однородность и изотропность правового пространства в социально неоднородном обществе. Конечно, право само по себе не устраняет неоднородность социального пространства. Но общеобязательный характер права, формальное равенство всех перед законом, постоянно поддерживаемая однородность и изотропность пространства блокируют возникновение в обществе опасных напряжённостей и центробежных тенденций. Словом, право, юридически уравнивая разных по своему социальному статусу и роли в общественной жизни людей, объединяет их в социально-политическую целостность, в рамках которой оказывается единственно возможным воспроизводство и развитие родовой жизни цивилизованного человека. Таким образом, эффективно функционирующее право центрировано на человека, оно является условием и фактом развития родовой и индивидуальной человеческой сущности. В свою очередь человек есть субъект, объект, а в конечном счёте основа и причина сущности права. Другими словами, человек, его социальная сущность есть субстанция права. Исторический процесс, сопровождаемый развитием родовой и индивидуальной сущности человека, способствует постепенному преодолению отчуждения между ними, что приводит к гуманизации права. Это означает также то, что универсальные идеи, принципы естественного права обретают реально осязаемую плоть позитивного права. Признание человека высшей ценностью в качестве базовой нормы конституционного права является конкретным примером такого воплощения.

Итак, различные концепции права имеют общее онтологическое основание, на базе которого и возможна разработка интегративной теории права. Она фактически станет новой единой теорией правопонимания, опирающейся на идею человекообразности права. Мировоззренческим основанием такого правопонимания является современный антропоцентризм, признающий человека высшей ценностью.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 565 с.
2. *Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства — путь к консолидации общества // *Философские науки.* 2014. № 6. С. 8–22.

3. *Бжезинский З.* Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015. 288 с.
4. *Вопленко Н.Н.* Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
5. *Зарубина Н.Н.* Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // *Социологические исследования.* 2014. № 1. С. 10–18.
6. *Иконников Г.И., Лященко В.П.* Философия права. М.: Гардарики, 2007. 303 с.
7. *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И. Соч.: в 6 т.* М.: Мысль, 1965. Т. 4. С. 107–438.
8. *Лазарев В.В.* Поиск права // *Журнал российского права.* 2004. № 7. С. 3–14.
9. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.
10. *Лукашева Е.А.* К вопросу о правопонимании: основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // *Государство и право.* 2003. № 5. С. 5–33.
11. *Львов Д.С.* Россия: рамки реальности и контуры будущего // *Журнал экономической теории.* 2007. № 1. С. 6–20.
12. *Малько А.В.* Каким быть законам XXI века?: По материалам науч.-теорет. конф., посв. 75-летию ИЗиСП // *Журнал российского права.* 2001. № 3. С. 16–49.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Соч.* Т. 4. С. 419–459.
14. *Мартышин О.В.* Совместимы ли основные типы понимания права // *Государство и право.* 2003. № 6. С. 13–21.
15. *Марченко М.Н.* Источники права. М.: ТК Велби: Проспект, 2005. 760 с.
16. *Мусаелян Л.А.* Научная теория исторического процесса: становление и сущность / *Перм. гос. нац. иссл. ун-т.* Пермь, 2015. 421 с.
17. *Мусаелян Л.А.* Становление концепции исторического процесса и проблема отчуждения родовой сущности человека // *Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. трудов.* Пермь, 2002. Вып. 11. С. 60–81.
18. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М.: Юристъ, 2005. 400 с.
19. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: Норма: Инфра-М, 2000. 552 с.
20. *Палеха Р.Р.* Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // *Вестник Воронежского государственного университета.* 2010. № 1(8). С. 61–72.
21. *Поляков А.В.* В поисках интегрального типа правопонимания // *История государства и права.* 2003. № 6. С. 7–8.
22. *Поляков А.В.* Источник права и нормативность:

- соотношение понятий // Источники права: проблемы теории и практики. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. С. 91–101.
23. *Примаков Е.* 2013: тяжёлые проблемы России // Российская газета. 2014. 15 янв. URL: <http://rg.ru/2014/01/13/primakov.html> (дата обращения: 23.12.2015).
 24. *Реутов В.П.* Исследования по общей теории права: сб. науч. трудов / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2015. 270 с.
 25. *Сендеров В.А.* Тоталитарное мышление в России и Карл Шмидт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 167–175. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1003 (дата обращения: 23.12.2015).
 26. *Стёпин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
 27. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 464 с.
 28. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 3 т. М.: Юрисинформ, 2000, 2007. Т. 1, 3. 528 с., 512 с.
 29. *Сырых В.М.* Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 552 с.
 30. *Тарлавский В.* Богач, бедняк. URL: <http://www.eg-online.ru/article/275745/> (дата обращения: 23.12.2015).
 31. *Червонюк В.И.* Теория государства и права. М. Инфра-М, 2009. 704 с.
 32. *Шафиров В.М.* Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004. 260 с.
- 2007, 303 p. (In Russian).
7. Kant I. [Metaphysics of morals]. *Soch.: v 6 t.*, [Works: in 6 vol.]. Moscow: Mysl' Publ, 1965, vol. 4., pp. 107–438. (In Russian).
 8. Lazarev V.V. [Searching of law]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Russian law journal]. 2004, no 7, pp. 3–14. (In Russian).
 9. Lejst O.Je. *Sushhnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [Essence of law. Problems of theory and philosophy of law]. Moscow: IKD «Zercalo-M» Publ., 2002, 288 p. (In Russian).
 10. Lukasheva E.A. [Revisiting understanding of law: main concepts of law and state in modern Russia (based on proceedings of round table in Centre of theory and history of law and state of State and Law Institute of Russian Academy of Sciences)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2003, no 5, pp. 5–33. (In Russian).
 11. L'vov D.S. [Russia: frames of reality and lineaments of the future]. *Zhurnal jekonomicheskoy teorii* [Journal of economic theory]. 2007, no 1, pp. 76–95. (In Russian).
 12. Mal'ko A.V. [What laws to be like in XXIst century: based on proceedings of scientific and research conference devoted to 75-year anniversary of Institute of Legislation and Comparative Law]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian law]. 2001, no 3, pp. 16–49. (In Russian).
 13. Marx K., Engels F. [Manifest of communist party]. *Soch.* [Works]. vol. 4, pp. 419–459. (In Russian).
 14. Martyshin O.V. [Are the main types of law understanding compliant?]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2003, no 6, pp. 13–21. (In Russian).
 15. Marchenko M.N. *Istochniki prava* [Sources of law]. Moscow: TK Velbi Publ.; Prospekt Publ., 2005, 760 p. (In Russian).
 16. Musayelyan L.A. *Nauchnaya teoriya istoricheskogo processa: stanovlenie i sushhnost'* [Scientific theory of historical process: establishment and essence]. Perm, Perm State University Publ., 2015, 421 p. (In Russian).
 17. Musayelyan L.A. [Establishment of concept of historical process and problem of clan essence of a human estrangement]. *Novye idei v filosofii: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [New ideas in philosophy: interacademic collection of scientific papers]. Perm, 2002, iss. 11, pp. 60–81. (In Russian).
 18. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Yurist Publ., 2005, 400 p. (In Russian).
 19. Nersesyants V.S. *Obshhaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of state and law]. Moscow: Norma Publ., Infra-M Publ., 2000, 552 p. (In Russian).
 20. Paleha R.R. [Integrative concept of understanding of law as methodological paradigm of law]. *Vestnik*

Получено 24.01.2016

References

1. Alekseev S.S. *Obshhaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: TK Velbi Publ.; Prospekt Publ., 2008. 565 p. (In Russian).
2. Belyaeva L.A. [Negotiation of social space tensions as a way towards society consolidation]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. 2014, no 6, pp. 8–22. (In Russian).
3. Bzhezinskij Z. *Strategicheskij vzglyad. Amerika i global'nyj krizis* [Strategic view. America and global crisis]. Moscow: AST Publ., 2015, 288 p. (In Russian).
4. Vopenko N.N. *Ocherki obshhej teorii prava* [Sketchs of general theory of law]. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2009, 898 p. (In Russian).
5. Zarubina N.N. [Mutual respect in Russians' everyday life]. *SocIs* [Sociological studies]. 2014, no 1, pp. 10–18. (In Russian).
6. Ikonnikov G.I., Lyaschenko V.P. *Filosofija prava* [Philosophy of law]. Moscow: Gardariki Publ.,

- Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Voronezh State University Herald]. 2010, no 1(8), pp. 61–72. (In Russian).
21. Polyakov A.V. [Searching Integral type of understanding of law]. *Istorija gosudarstva i prava* [History of state and law]. 2003, no 6, pp. 7–8. (In Russian).
 22. Polyakov A.V. [Source of law and normalization: correlation of notions]. *Istochniki prava: problemy teorii i praktiki* [Sources of law: problems of theory and practice]. Moscow, 2008, pp. 91–101. (In Russian).
 23. Primakov E. [2013: difficult problems of Russia]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian gazette]. 15 Jan, 2014. Available at: <http://rg.ru/2014/01/13/primakov.html> (accessed: 23.12.2015). (In Russian).
 24. Reutov V.P. *Issledovanija po obshhej teorii prava: sb. nauch. trudov* [Researches on general theory of law: collection of scientific papers]. Perm, 2015, 270 p. (In Russian).
 25. Senderov V.A. [Totalitarian thinking in Russia and Karl Shmidt]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2014, no 8, pp. 167–175. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1003 (accessed: 23.12.2015). (In Russian).
 26. Styopin V.S. *Filosofiya nauki. Obshhie problemy* [Philosophy of science. General problems]. Moscow, Gardariki Publ., 2006, 384 p. (In Russian).
 27. Syryh V.M. *Istoriya i metodologija yuridicheskoy nauki* [History and methodology of juridical science]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2012, 464 p. (In Russian).
 28. Syryh V.M. *Logicheskie osnovanija obshhej teorii prava. V 3 t.* [Logical foundations of general theory of law. In 3 vol.]. Moscow, Juriscinform Publ., 2000, 2007, vol. 1, 3, 528 p., 512 p. (In Russian).
 29. Syryh V.M. *Materialisticheskaja filosofija chastnogo prava* [Materialistic philosophy of private law]. Moscow, Yurlitin-form Publ., 2014, 552 p. (In Russian).
 30. Tarlavskiy V. *Bogach, bednyak* [The poor, the rich]. Available at: <http://www.eg-online.ru/article/275745/> (accessed: 23.12.2015). (In Russian).
 31. Chervonyuk V.I. *Teorija gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Infra-M Publ., 2009, 704 p. (In Russian).
 32. Shafirov V.M. *Estestvenno-pozitivnoe pravo. Vvedenie v teoriju* [Natural-positive law. Introduction into theory]. Krasnoyarsk, 2004, 260 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 24.01.2016

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, Букирева, 15; e-mail: lmusaelyan@yandex.ru

About the author

Musayelyan Lyeva Askanazovich

Doctor of Philosophy, Docent, Professor of the Department of Philosophy

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia; e-mail: lmusaelyan@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мусаелян Л.А. Об онтологических основаниях права: философский анализ проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 13–22.

Please cite this article in English as:

Musayelyan L.A. On ontological foundations of law: philosophical analysis of the problem// Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 13–22.

УДК 1 (091)

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ*Мальшева Дарья Сергеевна**Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Статья посвящена вопросу конституирования объективности в феноменологии Эдмунда Гуссерля. Раскрывается роль связи между импрессией и репродукцией в формировании представления о едином гомогенном объективном времени, о темпоральных и внетемпоральных объектах. Дается обоснование феноменологического различия между «комплексами ощущений» и объектами, независимыми от сознания и действия субъекта. Показано совпадение феноменологического и объективного времени как условие коммуникации и действия в объективном мире.

Ключевые слова: сознание времени; интенциональность; редукция; импрессия; ретенция; репродукция; конституирование; явление; вещь; темпоральность; объективность.

CONSTITUTION OF THE OBJECTIVITY IN PHENOMENOLOGY*Darya S. Malysheva**Perm National Research Polytechnic University*

The article is about a problem of constitution of the objectivity in Husserl's phenomenology. The author analyses the role of connection between impression and reproduction in genesis of idea about one homogeneous objective time, of temporal and non-temporal objects. The author gives substantiation for phenomenological distinction between «systems of perceptions» and objects, which are independent from our consciousness and actions. Also the author shows the conjunction of phenomenological and objective time, which is the condition of communication and actions in objective world. The important thesis is the influence of intentionality on the constitution of the objectivity. Intentionality is the main quality of consciousness, which made a connection between the consciousness and the object.

Key words: time-consciousness; intentionality; reduction; impression; retention; reproduction; constitution; phenomenon; thing; temporality; objectivity.

Реализация феноменологического проекта предполагает возвращение к миру «самих вещей» после процедуры эпохэ, в которой мир теряет свой естественный статус и каждая вещь редуцируется до имманентного объекта (*vóησις*). Эта процедура может регистрироваться как последовательное различение или разложение естественного сознания на иерархические слои. В нефеноменологической установке процесс сознания и восприятия объективного мира предстает в свернутом виде, когда впечатление непосредственно касается самого предмета, а воспоминание или фантазия о воспринятом предмете касаются ирреального образа. Например, Франц Brentano, праотец феноменологического проекта, описывает воспоминание как действие фантазии, не проводя различия между первичной и вторичной памятью. Гуссерль, в свою очередь, «отличает ретенцию как первичную память от фантазии, усматривая одно

из главных упущений Brentановской теории как раз в игнорировании различия между воспринимаемой и воспроизводимой в воспоминании длительностью» [1, с. 118].

Гуссерль, развивая учение об интенциональности, обнаруживает, что любой акт сознания интенционален по отношению к объектам, и это отношение содержит два уровня: феноменологический и объективный. С точки зрения феноменолога, всякий объект, находящийся в отношении к сознанию (схваченный в опыте или представлении), является прежде всего имманентным. Часть таких имманентных объектов являются одновременно объективными (трансцендентными в феноменологическом смысле). То есть сознание схватывает объективность посредством формирования имманентных предметов, а объективное время — через конституирование имманентного времени. Отметим, что Гуссерль в разные перио-

ды пересматривает свое понимание «соотношения субъективного и объективного в анализе времени» [6, с. 77], переходя от формальной структуры к встроенности субъективного времени в жизненный мир и intersубъективные структуры. «Конституирование временной формы тематизируется не только как само-темпорализация (Selbst-Zeitigung) трансцендентального Эго, но и как переход к со-конституированию intersубъективного времени» [6, с. 78].

Называя объективное время intersубъективным, мы не имеем в виду, что время создается сознаниями индивидов, но указываем, что для совместного бытия они необходимо должны быть синхронизированы. По аналогии с феноменологическим девизом «к самим вещам» можно сформулировать скрытое направление «к самому времени». Но в этих процессах конституирование имманентного объекта и конструирование имманентного времени являются обязательными, первичными актами сознания. Именно с имманентными объектами связаны акты фантазии, воспоминания и представления, как и опосредованно акты восприятия. Имманентные объекты имеют прямую связь с трансцендентными (внешними) объектами, не являются их образами или отзвуками, как пытался показать Брентано. Имманентный объект («вещь» воспоминания) и внешний объект (вещь в объективном мире) представляют собой ступени иерархии работы сознания.

Итак, мы не утверждаем, что объективный статус реальности зависит от сознания, но полагаем, что в сознании происходит формирование (конституирование) такого статуса. В случае если в мировоззрении индивида мы встречаем проявления «солипсизма», то можем сказать, что его сознание не дошло до стадии конституирования объективности, остановившись на уровне имманентных предметов. Подробно проблему «солипсизма» в феноменологии рассматривает Николас де Варрен [8, р. 209–249].

В представленной статье мы раскрываем проблему конституирования объективности на основе анализа темпорального сознания. Гуссерль полагал, что схватывание сознанием вещей в их объективном статусе возможно тогда, когда сознание само обладает сложной структурой, способной отражать объективные свойства мира, не искажая их. Структура темпорального сознания, способного различать и располагать в определенном порядке полученные впечатления, позволяет формировать представление об объективном мире и вещах. В частности, эта функция происходит из

связи импрессии (первичного впечатления) и репродукции (воспроизведения впечатления). Связь между указанными актами сознания времени позволяет формировать представление о едином гомогенном времени, которое разворачивается за пределами конкретного сознания как объективное условие всех возможных восприятий. Мы рассмотрим ниже, каким образом сознание конституирует представление о вещах как объективных элементах объективного же мира и, следовательно, чем отличаются для сознания «комплексы ощущений» от объектов, независимых от сознания субъекта.

Процесс конституирования объективности раскрывается и в связи с формированием поперечной и продольной интенциональности, так называемого поля имманентного времени, которое не чуждо объективному времени, или, тем более, не есть нечто, заменяющее его. Имманентное время есть объективное время, существующее в отношении к сознанию (в связи с сознанием). Автор принципиально не разводит имманентное и объективное как две сферы бытия, но стремится показать, что имманентное время, конституированное как гомогенное поле, совпадает и сливается с объективным временем, превращаясь в него. В свою очередь, последовательно собранные сознанием «комплексы ощущений» и темпорально различающиеся восприятия приводят вслед за формированием имманентного объекта к конституированию объекта трансцендентного (внешнего). Кроме объектов, имеющих реальное отношение ко времени, например, вещей, существующих определенный срок, сознание конституирует вне-темпоральные объективности, к которым Гуссерль относит ценности и идеи. Их объективный статус в гомогенном мире определяется не столько сознанием времени, сколько судящим (выносящим суждение) сознанием.

Для раскрытия заданной проблемы (конституирование объективности) мы должны рассмотреть несколько теоретических элементов феноменологии внутреннего времени Гуссерля.

А. Связь импрессии и репродукции

Для понимания способа конституирования объективности необходимо определить связь импрессии и репродукции, поскольку объективность конституируется в процессе формирования целостной структуры сознания времени. Импрессия (первичное схватывание настоящего) и репродукция (воспроизведение схваченного в памяти или фантазии) служат основой для всякого процесса

конституирования. Рассмотрим подробнее, как организовано сознание времени.

Отметим заранее, что в первичном сознании конституируются переживания двух фундаментальных классов. Первый составляют акты, суть которых заключена в дефиниции «сознание о...», т.е. интенциональные акты, переживания, относящиеся к чему-либо (к вещи, идее). Второй класс переживаний не имеет предмета направления, интенционально не фиксирован. Например представление о цвете.

Содержания импрессионального (первичного) сознания возникают из первичного впечатления (источник импрессионального содержания всегда определяется как внешний по отношению к субъекту). Первичное сознание, как указывает Гуссерль в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени», имеет собственную структуру, состоящую из трех элементов: момент Теперь, ретенция (первичное удержание момента), протенция (первичное предчувствие следующего момента времени). Ретенция описывается Гуссерлем как первичная память, она ничего не прибавляет к содержанию восприятия, ее роль заключается в изменении статуса объекта по отношению к актуальному теперь (кроме восприятия временных объектов, таких как мелодия, когда ретенция определяет не только темпоральный статус события, но и конституирует его временную форму). Ретенцию Гуссерль называет первичной памятью. Переход впечатления в ретенцию является первичным феноменом времени. Этот переход по своему значению так же фундаментален, как и первичное впечатление. Именно первичная временная модификация формирует присутствие интенционального объекта, где «невозможно зафиксировать непосредственное настоящее, не нарушив конституирования длящейся предметности» [7, с. 130].

Содержания репродукции (представленные в акте воспоминании или фантазии), в свою очередь, формируются из импрессии, в частности, из первичной ретенциальной модификации. Первичные воспоминания неразрывно связаны с импрессией, так как возникают в результате первичного непрерывного изменения схваченного содержания в сознании (принцип ретенциальной модификации — первичная память, или ретенция, всегда с необходимостью следует за импрессией). В свою очередь, вторичное воспоминание (репродукция) не связаны напрямую с импрессией, поскольку воспроизведение может быть фрагментарным, но содержания репродукции возникают из первично конституированной временной мате-

рии. Они не приносятся извне, но «всплывают» в сознании, в отличие от импрессиональных впечатлений. Импрессия и репродукция подобны в том, что их смысл заключается в пассивном принятии первичного или репродуцированного содержания.

Каждое сознание настоящего — восприятие, желание или ощущение — несет в себе возможность воспроизведения этого сознания. Акт воспроизведения или репродукции регистрируется всегда сознанием как настоящий, а конституируемое переживание встраивается в континуум «теперь», будучи, однако, привязанным к собственной уникальной временной точке прошлого. Любая репродукция протекает внутри импрессионального ряда, накладывается на него (например, одновременно я могу воспринимать и вспоминать нечто). *Восприятие есть осуществление настоящего (ein Gegenwartigen) и является сознанием некоторого (имманентного или трансцендентного) предмета, присутствующего в качестве настоящего. Воспроизведение, или репродукция же всегда относится к ранее воспринятому, схваченному в настоящем объекту.*

Импрессия формируется как сознание имманентного объекта (или трансцендентного объекта, схваченного в ситуации эпохэ). Репродукция, производимая внутри импрессии, суть воспроизведение имманентного. Сама по себе импрессия противоположна воспроизведению и представляет собой первичное сознание, не имеющее позади себя никакой истории, никакого сознания. Воспроизведение суть вторичное сознание, существует за счет интенции к зафиксированному в первичном сознании темпоральному опыту импрессиональных содержаний.

Конституирование объективного времени возможно прежде всего потому, что все содержание темпорального сознания структурно зависит от восприятия, происходит из него. Нет ничего в памяти, чего не было бы в восприятии, говорит феноменолог. Мы «аффицированы миром ещё до осуществления способности познавать его» [5, с. 46]. Кроме того, каждое восприятие и соответствующее ему воспоминание (или ряд воспоминаний) относятся к единственному имманентному объекту, интенционально связаны с ним. Следовательно, мы находим здесь, как минимум, два условия для конституирования объективности: «внешний» по отношению к его источник содержаний и структурная организация сознания времени, удерживающая связь с гомогенным объектом, первично конституированным в импрессии.

Б. Конституирование «вещи»

Каким образом конституируется сама «вещь», как она обретает свой трансцендентный статус, привычный для естественной установки? Обратимся к описанию восприятия любой предметности, доступной в непосредственном опыте. Рефлексия показывает нам двойственность восприятия, пишет Гуссерль. Мы имеем: *восприятие (ноэма)*, т.е. схватывание с данными ощущений, и *воспринятое (ноэзис)* как полагаемое. Естественное полагание (*das Meinen*) всегда присутствует в восприятии, поскольку восприятие всегда отнесено к некоторой вещи, всегда интенционально. Заметим, что в рамках феноменологической установки «внешнее восприятие структурировано так, что из этой структуры не следует существование воспринятого» [4, с. 173]. В первичном сознании конституируется явление вещи, т.е. схватывание ее как длящегося неизменного или изменяющегося феномена. В единстве этой длительности осознается единство самой вещи в ее собственном времени и свойственной ей длительности. Так, в импрессиональном сознании конституируется само воспринятое. Полагающий взгляд может быть направлен как на чувственное ощущение (явление), так и на сам предмет. *В рамках феноменологической проблематики вопрос можно поставить следующим образом: как можно имманентное схватывание с его содержаниями ставить в отношение к трансцендентному?*

Комплексы содержаний ощущений представляют собой конституируемые единства. Они связаны единством схватывания, которое тоже суть конституируемое единство. Единства схватывания могут быть либо имманентными, либо трансцендентными, когда речь идет о внешнем восприятии. Оба варианта тождественны в том, что представляют собой осуществление настоящего. Отличие между ними состоит в том, что в трансцендентном явлении присутствует дополнительный шаг, а именно: конституирование нового единства — являющегося объекта.

Имманентные единства конституируются в потоке внутреннего сознания времени. Каждой первичной точке потока принадлежат импрессиональные содержания и их ретенциальные модификации. Эти первичные содержания — носители первичных схватываний, конституирующих внутреннее единство имманентного содержания в его отодвигании в прошлое (параллельно с процессом конституирования гомогенной «ткани» прошлого). Явление, которое схватывается в восприятии, конституируется как целое в многообразии своих

оттенков и становится единым благодаря единству темпорального схватывания. Гуссерль понимает схватывание как аккумуляцию явлений в фазах первичного потока времени, этот процесс конституирования имманентен сознанию.

Итак, в имманентном протекании явления конституируется временное единство за счет непрерывности схватывания. Такая непрерывность дает единство изменяющихся явлений, или единство явлений длящейся или изменяющейся вещи. *Когда в имманентных явлениях конституируются объекты, тогда имманентное время объективируется, ибо за феноменальным многообразием оттенков является тождественная вещественность.*

Так «вещь конституируется в протекании своих явлений, которые сами конституированы как имманентные единства в потоке первичных импрессий» [3, с. 98]. Вещь в явлении конституируется, поскольку в первичном потоке слагаются единства ощущений и схватываний — или изображающие представления. Явление в изображающих представлениях показано в горизонте многообразия оттенков.

Синтезы сознания, описанные Гуссерлем, представляют собой условия для конституирования объективности, для выхода за пределы мира ощущений к миру объектов. Синтетическая работа сознания времени определяет, в свою очередь, возможность восприятия единого объективного времени.

В. Совпадение феноменологического и объективного времени

Поскольку чувственные данные в представлении несут в себе схватывание конституирования объективной вещи, феноменологическое время и объективное время существования вещи должны совпадать во всех точках. В каждой точке феноменологического времени представляет себя точка объективного времени. На классической диаграмме времени мы находим пересекающиеся линии поперечной и продольной интенциональности (рисунок). Первая относится к объективным временным точкам протекания восприятия (А, В, С), вторая — к ретенциальным модификациям данных точек (А', В', С'). Объективная точка порождает ряд ретенциальных модификаций и неразрывно связана с ними. Вертикальному ряду принадлежат оттенки ретенциального схватывания горизонтального ряда.

В целом связь между точками объективного и феноменологического времени является, согласно

Гуссерлю, точной и не допускает разрывов. Кроме того, следует сказать, что имманентное время, со свойственным ему объемом, образуется за счет двух линий интенциональности (первая относится к реальному положению объекта в объективном времени, вторая связывает это положение, не сжимая временные ряды, с моментом постоянно нового настоящего). Две линии сознания времени у Гуссерля позволяют описать время уже не как линию, но в качестве плоскости, поскольку в каждый реальный момент времени в сознании индивида присутствует континуум памяти, обновляющийся мгновенно в процессах пассивного синтеза.

Темпоральное сознание конкретного индивида синхронизировано с темпоральными сознаниями других его таким образом, что точка настоящего для одновременно живущих людей будет идентична. Эта синхронизация зависит от двух моментов: объективного течения времени и, не в меньшей мере, от настройки каждого конкретного сознания на течение времени и пассивной способности воспринимать мгновенно обновляющийся момент настоящего. Искажения в работе темпорального сознания не позволяют индивиду осознавать свое сопричастие в едином гомогенном объективном времени, пример чего прекрасно описан Ингарденом во «Введении в феноменологию Эдмунда Гуссерля» [4, с. 94–95].

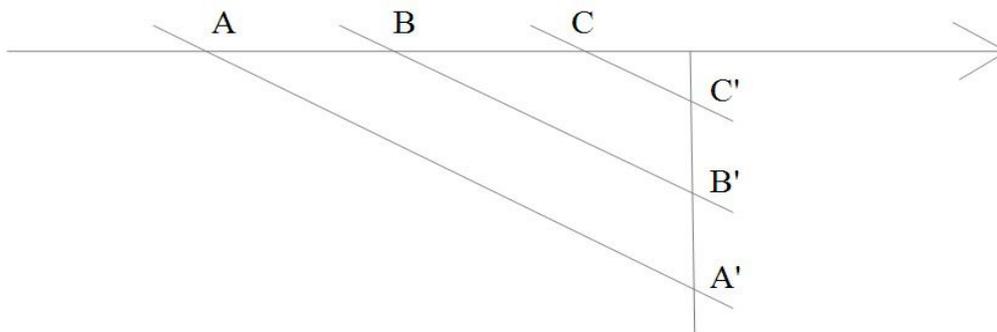

Диаграмма времени: поперечная и продольная интенциональность

Г. Внутреннее и внешнее восприятие

В восприятии интенционально конституируется двоякое: явление и являющаяся вещь. В различных явлениях мы находим неизменные или изменяющиеся объекты. Непрерывность явления вещи конституируется как в имманентном, так и в трансцендентном восприятии. Явление вещи в изображающем представлении и сама вещь суть нечто длящееся. Внутри процесса явления вещи происходит постоянное темпоральное изменение.

Гуссерль понимает явление не только в смысле внешнего восприятия, он полагает, что существование имманентного объекта «является таким же настоящим и подлинным, как существование самого представления» [2, с. 42]. При восприятии имманентного можно собрать непрерывную длительность объекта из имманентных моментов «теперь».

Восприятие внешнего объекта предполагает внешнее явление в качестве имманентного объекта, поскольку феноменологическая редукция осуществлена. Здесь восприятие и воспринятое есть нечто различное. Если мы пытаемся различить восприятие и воспринятое в случае внутреннего восприятия, то не можем сделать это, поскольку внутреннее восприятие предполагает сознание единого имманентного объекта налично без поворота внимания к объекту (существующему вне зоны внимания). В случае когда внутреннее сознание осуществляется с актом поворота внимания, схватывание представляет собой имманентный процесс, имеющий имманентную длительность, совпадающий с длительностью объекта. Внешнее восприятие предполагает внешнее явление и конституирующее сознание, в котором внешнее явление конституируется как имманентное, а также поворот внимания к являющемуся либо к явлению.

В отношении имманентного или трансцендентного воспоминания следует сказать, что они всегда имеют свою интенциональность воспроизведения, обладают единством во внутреннем сознании, позицией в имманентном времени. Любое воспоминание является одновременно и воспоминанием имманентного объекта, принадлежащего к имманентной временности.

Таким образом, можно увидеть, каким образом организовано внутреннее и внешнее восприятия, чем они отличаются для феноменолога. Гуссерль показывает, что внешнее восприятие складывается иерархично: сначала конституируется имманентное, затем, на его основе, внешний объект.

Д. Конституирование внетемпоральных трансценденций

Каждое сознание есть единство сознания предметного, но не каждое является сознанием времени. «Судящее сознание» всегда импрессионально. Например, суждение о некотором математическом положении дел, которое, по сути, внетемпорально, не может относиться к настоящему или прошлому. Акт суждения не есть акт представления настоящего.

Вещь временного бытия может представляться в фантазии или являться в настоящем. Математическое положение дел не может явиться как настоящее или воспроизведенное. Если же мы воплощаем фантазию в математическом положении дел, это не означает превращения его в представление фантазии. Конечно, сам акт суждения может длиться, иметь временное расположение или воспроизводиться в одном из возможных модусов, но обсуждаемое в акте не есть долгое, или краткое, или длящееся. Если же некое положение вещей просто мыслится, то это не значит, что оно воспроизведено, но «в нем имеет место характер нейтральной модификации» [3, с. 103]. По отношению к индивидуальному положению дел можно говорить о временности, поскольку вещь логико-аналитически выделена в положении вещей.

Конечно, явление в смысле презентации принадлежит сфере представления настоящего. Положение дел может являться и требовать удостоверения собственной данности. Положения вещей или факты природы приходят к данности именно в явлениях, в бесконечных изображающих представлениях. Такое явление положения вещей не есть изображающее представление в собственном смысле. Положение вещей в явлении существует некое определенное время, но само не есть нечто временное, как вещь или процесс. Не к положе-

нию вещи, а к самой вещи должно относиться сознание времени.

В отношении других фундированных актов Гуссерль регистрирует подобную ситуацию. Так, ценность не имеет временной позиции. Красота и полезность могут принадлежать временному предмету в определенное время, как его атрибуты, но сами они не имеют позиции в природе и времени, не являются в настоящем или прошлом.

Таким образом, можно заключить, что объективность в феноменологии конституируется на основе как темпорального, так и внетемпорального сознания, в каждом случае конституируется либо темпоральная (вещи), либо внетемпоральная объективность (положения вещей, ценности).

* * *

Итак, мы рассмотрели, каким образом сознание конституирует объективность, в том числе внетемпоральные трансценденции. Демонстрируется, каким образом формирование представления об объективности связано со структурами внутреннего сознания времени. Конституирование представления о вещах, согласно Гуссерлю, основано на изначальном имманентном синтезе сознания времени. Если этот синтез протекает без нарушений, то феноменологическое и объективное время неизбежно приходят к совпадению, что обеспечивает возможность коммуникации и действия, в том числе совместного, в объективном, общем для всех, мире.

В ходе анализа Гуссерль связывает внутреннее время с интенциональностью сознания. Именно интенциональность, сохраняющаяся после восприятия во всех темпоральных модификациях, позволяет сознанию выстраивать представление об объективном мире. Хотя первично временные ряды и формируются из материала имманентных восприятий, источник которых редуцирован, но в процессе конституирования часть впечатлений получает статус «внешних», «объективных». Этот процесс можно определить как узнавание мира, различение имманентного как такового и имманентного как ступени к объективному.

Список литературы

1. Белоусов М.А. Мгновенность ощущения и феноменологическая редукция в гуссерлевских исследованиях проблемы времени // Логос. 2010. № 5(78). С. 113–124.
2. Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 462 с.
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания-времени. М.: РИГ «Логос», 1994. 162 с.
4. Ингарден Р. Введение в феноменологию Эд-

- мунда Гуссерля. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 224 с.
5. Козырева А. Аффективное пробуждение прошлого: анализ прекогнитивного измерения воспоминания в феноменологии Эдмунда Гуссерля // *Horizon*. Феноменологические исследования. 2012. № 1(2). С. 41–63.
 6. Литвин Т.В. Время, восприятие, воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта и Гуссерля. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2013. 208 с.
 7. Чернавин Г.И. Генезис сознания времени и первичная фактичность: к феноменологической метафизике времени Э. Гуссерля // *Логос*. 2010. № 5(78). С. 125–137.
 8. Warren N. de. Husserl and the Promise of Time: subjectivity in transcendental phenomenology. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 309 p.

Получено 01.02.2016

References

1. Belousov M.A. [Momentariness of perceptions and phenomenological reduction in Husserl's research in problems of time]. *Logos* [Logos]. 2010, No 5(78), pp. 113–124. (In Russian).
2. Gusserl E. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Territoriya budushego Publ., 2005, 462 p. (In Russian).

Об авторе

Мальшева Дарья Сергеевна

ассистент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: daria.mal@gmail.com

3. Gusserl E. *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya-vremeni* [Phenomenology of the inner time-consciousness]. Moscow, RIG «Logos» Publ., 1994, 162 p. (In Russian).
4. Ingarden R. *Vvedenie v fenomenologiyu Edmunda Gusserlya* [Introduction in Edmund Husserl's phenomenology]. Moscow, Dom intellektualnoy knigi Publ., 1999. 224 p. (In Russian).
5. Kozyreva A. [Affective awakening of the past]. *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya* [Horizon. Phenomenological studies]. 2012, no 1(2), pp. 41–63. (In Russian).
6. Litvin T.V. *Vremya, vospriyatie, voobrazhenie. Fenomenologicheskie shtudii po probleme vremeni u Avgustina, Kanta i Gusserlya* [Time, perception, imagination. Phenomenological research in the problem of time by Augustine, Kant and Husserl]. Saint Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2013, 208 p. (In Russian).
7. Chernavin G.I. [Genesis of time-consciousness and primary facticity: to Husserl's phenomenological metaphysics of time]. *Logos* [Logos]. 2010, no 5(78), pp. 125–137. (In Russian).
8. Warren N. de. Husserl and the Promise of Time: subjectivity in transcendental phenomenology. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 309 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 01.02.2016

About the author

Malysheva Darya Sergeevna

Assistant of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: daria.mal@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мальшева Д.С. Конституирование объективности в феноменологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 23–29.

Please cite this article in English as:

Malysheva D.S. Constitution of the objectivity in phenomenology // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 23–29.

УДК 17.023.32: 172.1

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

*Пешина Екатерина Владимировна,
Внутских Александр Юрьевич*

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье обосновывается необходимость использования диалектического метода и фундаментально-го политэкономического анализа при изучении взаимоотношений семьи и государства. Авторы констатируют существенное сходство тенденций и проблем во взаимоотношениях семьи и государства в различных типах общества. Показано, что как «патерналистская», так и «неолиберальная» модели взаимодействия семьи и государства в современных условиях оказываются неадекватными, приводят к дальнейшему углублению кризиса семьи как социального института. Актуализируется необходимость научного обоснования государственной семейной политики как практического выражения отношений государства и семьи, философской концепции семьи, понимаемой как элемент общественного бытия, средство социального и биологического воспроизводства человека, а также как элемент общественного сознания, относящийся к сфере духовных отношений.

Ключевые слова: семья; государство; государственная семейная политика; «патерналистская» и «неолиберальная» модели взаимодействия семьи и государства; кризис института семьи.

ALTERNATIVE MODELS OF FAMILY-STATE RELATIONSHIP: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ekaterina V. Peshina, Alexander Yu. Vnutskikh

Perm State University

The article justifies dialectic method and fundamental political-economical analysis for studying relationship between family and state. The authors state substantial similarity of trends and problems of family-state relationship in societies of different types. Inappropriateness of both «paternalistic» and «neoliberal» models of family-state relationship under current conditions is indicated. Both models bring about intensification of crisis of family social institute. Relevancy of scientific grounding for state family policy, which in fact is a practical form of family-state relationship, by social-philosophical concept of family is actualized. This social and philosophical concept considers family as both an element of social being, means of social and biological reproduction of a human and as an element of social consciousness relating to cultural sphere.

Key words: family; state; state family policy; «paternalistic» and «neoliberal» models of family-state relationship; family institute crisis

Семья — это древнейший социальный институт, основная функция которого — воспроизводство новых членов общества. Семья подвержена историческим изменениям под воздействием развития способа производства, но в какой бы форме она ни существовала, именно семья обеспечивает существование общества, воспроизводя человека не только в биологическом, но и в социальном смысле.

Согласно материалистическому пониманию истории, высказанному, в частности, в работе Ф.

Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», определяющим моментом в истории является производство и воспроизводство непосредственной жизни: с одной стороны, производство средств к жизни (предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий), с другой — производство самого человека, продолжение рода. «Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: сту-

пенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи» [23, с. 29].

На протяжении своего существования семья находилась в тесной связи с другими социальными институтами, испытывая их влияние, и, в свою очередь, воздействуя на них, в силу того что именно семья является уникальным носителем и транслятором политического и социального опыта для индивидов, вступающих в различные общественные отношения. Будучи относительно автономной подсистемой общества, семья, тем не менее, изменяется вместе с ним. Современные философы подчеркивают, что семья находится не только под влиянием социально-экономических факторов, но и под воздействием различных культурно-идеологических тенденций, оказывающих позитивное или негативное воздействие на изменение функций, ценностей и образа жизни семьи [4]. В частности семья, занимая важное место в системе общественных отношений, всегда была подвержена значительному влиянию со стороны государства, зачастую выступая одним из объектов социальной политики и идеологического воздействия. Не случайно защита семьи и благополучных отношений в семье определяется российским законодательством как один из правовых и общественных приоритетов современного российского государства [20].

Каким может быть вклад философии в научное осмысление взаимодействия семьи и государства? Во-первых, этот вклад можно определить как вклад *методологический*. На наш взгляд, для изучения семьи необходимо применять диалектический метод. Действительно, система отношений между семьей и государством складывалась исторически; государство-семья — это «динамически развивающаяся... система» [8]. Семья характеризуется внутренними противоречиями, присущими ей априори (например, противоречиями между полами), и внешними, обусловленными ее изменяющимися связями с государством и другими социальными институтами. Для рассмотрения данных отношений лучше всего применим диалектический метод, в рамках которого семья рассматривается не изолированно, а «в той диалектической взаимосвязи и взаимодействии, которые существуют в самой реальной действительности между семьей и государством, выступающими как различные формы человеческого бытия» [19, с. 195].

Во-вторых, именно научная социальная философия на пути фундаментального *политэкономического анализа* способна выявить коренные при-

чины становления и развития семьи и научно объяснить определяемые ими многочисленные феномены взаимодействия семьи и государства, в том числе и хронические неудачи государственной семейной политики. Семья современного типа, а именно моногамная семья, по Энгельсу, окончательно утверждается в эпоху цивилизации. В основе моногамной семьи лежат «победа частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью» и соответственно «появление заинтересованности в передаче имущества по наследству» [23, с. 61]. Будучи таким образом обусловленной в конечном счете экономически, семья как социальный «микроскоп», ячейка общества содержит в миниатюре те противоречия, которые существуют и развиваются в обществе в целом и государстве. В облике семье, если рассматривать ее в единстве всех ее связей и отношений с обществом, проявляется действие фундаментальных формационных законов. Семья выступает своеобразным барометром стабильности государства, индикатором его устойчивости, в то время как кризисы государства, в свою очередь, отражаются на семье. Поскольку от нормального функционирования семьи во многом зависит психическое, физическое и духовное здоровье человека, его удовлетворенность жизнью, то благополучная, крепкая семья — это опора государства, основа общественного согласия, политической и социальной стабильности [3, 4, 8].

Согласно материалистическому пониманию истории государство возникает в результате общественного разделения труда, появления частной собственности и разделения общества на классы, выступая как сила, «стоящая над обществом, которая умеряет столкновение классов с противоречивыми экономическими интересами, держит его в границах “порядка”, но все более и более отчуждающая себя от него» [23, с. 174]. При этом подчеркивается, что природа отношений государства с обществом — это политическая власть господствующего класса. Вместе с тем государство как официальный представитель общества и управляющая система неизбежно должно осуществлять определенную общесоциальную деятельность, призванную поддерживать необходимые условия существования цивилизованного человеческого общежития [13].

В основе отношений государства и семьи лежит совпадение их целей по обеспечению воспроизводства человека. С точки зрения интересов государства наиболее значимыми функциями се-

мами являются репродуктивная, жизнесохранительная и воспитательная. В свою очередь для семьи рождение и воспитание детей, передача им материальных и духовных ценностей, а также поддержание здоровья своих членов являются важнейшими, хотя и не единственными функциями и потребностями.

Вместе с тем с точки зрения социальной философии семью как общественное явление нельзя отнести только к сфере воспроизводства населения или только к непроизводственной сфере. Будучи диалектическим единством материальных и духовно-идеологических отношений, семья выступает как составной элемент общественного бытия и общественного сознания. Семья поддерживает биологическую преемственность в обществе, выступает в качестве существенной производственной единицы. Одновременно семья удовлетворяет потребности общества в носителях социальных ролей, в воспроизводстве его социальной структуры и потребности отдельного индивида в психологическом комфорте, любви, заботе [4].

Однако государственная семейная политика, которая, по сути, и является концентрированным выражением взаимодействия государства и семьи, на практике зачастую нацелена только на обеспечение воспроизводства населения. Так, если проанализировать «Концепцию государственной политики в отношении молодой семьи», утвержденную в России 8 мая 2007 г., то можно сделать вывод, что государство сводит представление о молодой семье главным образом к ее репродуктивной функции. Но это угрожает подменой потребностей семьи потребностями государства, связанными с необходимостью обеспечения прироста населения. Стимулирование рождаемости рассматривается государством в качестве приоритетной задачи семейной политики, что делает ее фактически синонимом демографической политики [6].

Важным аспектом эффективности государственной семейной политики является ее согласованность с экономической политикой государства, которая, определяя материальное положение населения, в сущности, формирует экономическое положение и социальный статус конкретных семей. Целенаправленные меры государства по отношению к семье, даже будучи продуманными и научно обоснованными, не могут быть эффективными, если экономическая политика государства противоречит принципам его же собственной

семейной политики, объективным интересам семьи.

При этом речь идет не только о невозможности улучшить положение семьи с помощью пособий и других мер семейной политики без кардинального улучшения экономической ситуации в стране в целом, что актуально, в частности, для России. Как ни парадоксально, но, по мнению ряда отечественных и зарубежных ученых, попытка построить в ряде развитых европейских стран «государство всеобщего благоденствия» («welfare state»), принимающее на себя заботу о социальном обеспечении населения, также не усилила, а ослабила институт семьи, поскольку в случае реализации такой «патерналистской» модели взаимодействия с семьей государство фактически подменяло семью в выполнении ею традиционных функций. Поскольку именно государство согласно конституциям ряда европейских стран обязуется поддерживать занятость населения, его образование, здоровье, обеспеченность жильем, то благодаря его усилиям была отчасти устранена зависимость индивида в этих вопросах от помощи семьи. В «государстве всеобщего благоденствия» ослабляется роль семьи как самостоятельного экономического элемента, снижается значимость для человека родственников, столь существенная в традиционных обществах. Например, в Швеции государственная семейная политика строится на принципе универсальности, когда все семьи независимо от социального положения получают одинаковое пособие по уходу за детьми, поскольку считается, что богатые налогоплательщики должны рассматриваться не только как доноры, но и как получатели социальных выплат [18]. Но в результате в таком обществе только усиливается отчуждение, приводящее к состоянию «моральной зимы», «морального голода»: людям все меньше нужна своя семья, свои соседи, ведь за ближнего не нужно нести ответственность, это уже делает государство. Государство платит пособия на детей в том числе и семьям, которые могут себя содержать, — но тем самым государство фактически отнимает у них средства, чтобы сделать их зависимыми от себя [15]. Таким образом, семья в смысле выполнения ею экономических функций «растворяется» в государстве [16].

В силу неолиберальной деконструкции государства «всеобщего благоденствия» и все более глубокого проникновения рыночных механизмов во все сферы общественной жизни, тенденция к чему проявилась еще в 1980-х гг. [14], главным вектором семейной политики в развитых странах

становится уже не прямая финансовая поддержка семьи, а стремление обеспечить возможность совмещения семейных и других социальных функций, направленное на создание более благоприятных условий для матерей, для их работы по специальности. Однако поддержка со стороны государства экономической независимости женщин и их ориентации на профессиональную, а не на семейную самореализацию в рамках реализации «неолиберальной» модели взаимодействия с семьей также приводит к неблагоприятному изменению ценностных ориентаций женщин. Ценность семьи для них, а следовательно, и для общества в целом снижается. Многие зарубежные исследователи семьи отмечают, что женщина наравне с мужчиной становится в новом постиндустриальном обществе носителем этики индивидуализма, подразумевающей в качестве идеала такие моральные критерии, как экономическая автономия и рыночная «справедливость». Так, согласно данным социологического исследования в Германии брак для женщины становится все менее привлекательным, нежели для мужчины, и именно женщины все чаще выступают инициаторами разводов [21]. Очевидно, «маркетизация» всех сфер общественной жизни, «атомизация» общества, все более исповедующего ценности индивидуализма, опять-таки ведет к деградации семьи.

Впрочем, можно предположить, что прессинг глобальной конкуренции в условиях деградации социального государства может послужить и частичному ренессансу традиционных семейных ценностей. Как отмечает словенский социолог Р. Мочник, домохозяйства вынуждены решать возникающие проблемы при все меньшем количестве ресурсов, а это вынуждает их усиливать контроль за членами семей, что и делается благодаря «возвращению» к патриархальной семейной идеологии [24]. Но каким образом в одном обществе будут «уживаться» столь разные ценностные модели, принимаемые в том числе и представителями разных этнических групп, численное соотношение которых в той же Европе стремительно меняется, не совсем понятно. Похоже, «куда ни кинь — везде клин»: существенно различные, но оказывающиеся в этом отношении эквивалентными варианты неэффективной государственной семейной политики приводят к равно негативному воздействию на институт семьи. Следовательно, необходимо на основании социально-философского анализа понять, какие же фундаментальные причины приводят к трудностям, ко-

торые препятствуют выработке и реализации адекватной государственной семейной политики в странах с существенно различным историческим опытом и уровнем социально-экономического развития.

Отвечая на этот вопрос, следует учесть, что и «welfare state», и современное общество, формируемое в основном согласно принципам неолиберальной модели, — это несколько разнесенные во времени плоды развития *капиталистического общества*, считающегося демократическим, провозглашающего приоритет интересов индивида и над интересами государства, и над интересами семьи, опирающегося на концепцию прав и свобод человека. Однако факты свидетельствуют, что в условиях нарастающего отчуждения, порожденного развитием этого антагонистического общества, применение указанных демократических принципов оказывает скорее негативное влияние на прочность института семьи. Очевидно, что поощрение в современном западном (а вслед за ним и в постсоветском) обществе индивидуализма, известная «гипертрофия» свободы личности сама по себе ведет к снижению социально-ценностного значения семьи как социально-ценностной общности [16, 22]. Между тем если попытаться исследовать фундаментальные причины этих идеологических установок, то станет очевидным, что индивидуализм является закономерным следствием развития института *частной собственности*, которая, согласно Ф. Энгельсу, сначала создала моногамную семью, а в условиях «позднего капитализма» (по П. Дракеру) определяет процессы ее деградации, хотя конкретные пути к этой деградации и ее скорость в различных обществах могут быть разными.

В современной литературе, посвященной анализу государственной семейной политики, обычно оказывается не столько критика социально-экономических принципов, определивших в итоге «ненужность» семьи в странах с высоким уровнем развития, а критика «авторитарного» государства, нередко отождествляемого с государством советского периода, абсолютизирующим ценности коллективизма в противовес индивидуальной свободе человека, что в итоге приводит к подчинению как семьи, так и отдельной личности государству [22]. Следует, однако, отметить, что авторитарная традиция управления обществом была характерна не только для деспотий Востока, она нашла свое отражение и в западной традиции. Соответствующие идеи можно встретить уже в

работах древнегреческих философов, стоявших у истоков европейской культуры. Например, в «идеальном государстве» Платона в интересах его единства упраздняется все разобщающее людей, создающее у них противоположные интересы, в частности семья; дети воспитываются специальными людьми все вместе по унифицированной системе [17]. Критики «авторитарной» модели взаимодействия государства и семьи утверждают, что в СССР апогеем подчинения семьи интересам государства стали 1920-е гг., когда семье действительно были готовы провозгласить помехой в строительстве коммунизма, отвлекающей женщину от участия в производстве, прививающей подрастающему поколению частнособственнические интересы [7]. Предполагалось, что детские учреждения основного и дополнительного образования целиком возьмут на себя воспитательную функцию, коллектив — рекреационную, а экономическая функция семьи будет устранена за счет ликвидации частной собственности.

Однако если говорить об основоположнике советского государства В.И. Ленине, то он был не только автором «новой экономической политики», призванной использовать еще нереализованный в силу отсталости России потенциал товарного хозяйства, частной инициативы, развития кооперативного движения, он видел отправной пункт, как известно, в кооперации семейной [9, с. 346; 10]. Справедливо критикуя анахронизмы патриархальной семьи, Ленин одновременно был последовательным противником «левацких наскоков» на институт семьи как таковой. Так, в письмах к И.Ф. Арманд Ленин предлагал противопоставлять буржуазному, мещанскому браку без любви отнюдь не пресловутую «свободу любви», не «мимолетную страсть и связь», а «пролетарский гражданский брак с любовью» как высший социальный тип [11, 12]. Можно предположить, что в ленинской модели социалистическое «полугосударство» уже в силу своей подконтрольности обществу должно было установить принципиально новые, существенно равноправные отношения с семьей, эффективно помочь ей модернизироваться в условиях снижения рождаемости и быстрого «роста стоимости» воспитания и социализации новых членов общества — без сомнения, самого главного вызова, с которым на протяжении XX – начала XXI в. сталкивался и продолжает сталкиваться институт семьи [5, с. 73–74]. К сожалению, как известно, новая экономическая политика была несвоевременно свернута, а семья, несмотря на скорый отказ от левац-

ких лозунгов в ее отношении, оставалась в подчиненном положении по отношению к государству на протяжении всего периода существования СССР.

Отношение государства к семье как к подчиненному объекту управления «дает возможность для личности ориентироваться непосредственно на внесемейные институты, минуя семью, и видоизменяет само семейное поведение индивидов» [19, с. 196]. Такая «патерналистская» семейная политика до определенного момента действительно гарантирует семьям существенную поддержку, вместе с тем она ослабляет хозяйственно-экономическую функцию семьи, а значит, и индивидов, тормозит или загоняет в подполье «теневой экономики» семейную хозяйственную инициативу. В результате в СССР с определенного момента происходит то же, что и в случае «государства всеобщего благоденствия»: материальная забота о членах своей семьи перестает беспокоить людей, а сама ценность семьи в обществе существенно снижается. Таким образом, и советский вариант «патерналистской» семейной политики не смог обеспечить стабилизацию института семьи: статистика разводов и снижение рождаемости в последние десятилетия существования СССР в целом подтверждает эту точку зрения [5, с. 130–131, 173–175].

На наш взгляд, в мире в настоящее время нет сбалансированной, лишенной существенных изъянов и, главное, успешно реализованной модели, регулирующей отношения семьи и государства. Между тем ее необходимость не вызывает сомнений в свете тех вызовов, с которыми сталкивается институт семьи: развитие материального производства сначала в формате индустриального, а затем и постиндустриального уклада привело и продолжает приводить к *снижению как смертности, так и рождаемости*, а также обуславливает *быстрый рост «стоимости» воспитания и социализации новых поколений*, которая в условиях глобального капитализма главным образом ложится на семьи, доходы большинства из которых либо существенно не растут, либо сокращаются. Государство в этих условиях оказывается способным в лучшем случае гарантировать семьям лишь некоторую минимальную поддержку, которая скорее провоцирует социальное иждивенчество, нежели действительно укрепляет семью. Как следствие, приходится говорить о глобальном кризисе социального института семьи, вызванным развитием индустриально-рыночной цивилизации [1, 2]. Исследователи обращают внимание на сле-

дующие современные тенденции: ориентация деятельности социальных институтов на индивидуальность, замена совместной деятельности родителей и детей индивидуальным самообслуживанием и потреблением, преобладание внесемейного труда и досуга и уже упоминавшаяся выше передача многих функций семье государству и другим социальным институтам. Таким образом, происходит ослабление роли семьи как посредника во взаимодействии личности и общества и превращение последнего из объединения семей в объединение индивидов [1]. На наш взгляд, адекватная государственная семейная политика могла бы в существенной степени исправить такое положение, поскольку государство является значимым фактором трансформации семейных отношений в обществе, дополняющим историческое изменение института семьи, происходящее под влиянием развития способа производства. Но для этого семейная политика конкретного государства должна строиться на основе обобщенного видения — философского анализа взаимовлияния институтов семьи и государства — и представлять собой не комплекс различных мер, нацеленных на сиюминутные результаты, а выстроенную с учетом определенной стратегии целостную систему, согласующуюся с естественным историческим развитием института семьи, в конечном счете определяемым действием формационных законов. В противном случае, как свидетельствуют факты, самые разные формы государственной семейной политики, вне зависимости от благих намерений ее разработчиков, могут приводить к ослаблению института семьи и снижению ценности семейных отношений. Поиск оптимальной модели взаимодействия семьи и государства — очень важная задача, стоящая перед современным обществом; решить ее можно только при условии определенного междисциплинарного синтеза, активную роль в котором должна играть социальная философия.

Список литературы

1. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // *Семья и социально-демографические исследования*. 2014. Апрель. URL: <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov> (дата обращения: 01.09.2015).
2. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Изд. дом «Грааль», 2000. 416 с.
3. Абатурова Л.Г. Семейведение: учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. 115 с.
4. Балдицына Е.И. Семья и государство в социальном пространстве современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2005. 20 с.
5. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
6. Демидова Е.В. Демографическая и семейная политика: подходы к определению понятий // *Государство и общество: проблемы взаимодействия: матер. II Междунар. науч.-практ. конф.* / под ред. Е.А. Юшиной. Киров: Изд-во ВятГУ, 2010. С. 209–213.
7. Коллонтай А.М. Тезисы о коммунистической морали // *Коммунист*. 1921. № 12. С. 29.
8. Ласько А.И. Семья и государство // *Политика, государство и право*. 2012. № 10. URL: <http://politika.snauka.ru/2012/10/524> (дата обращения: 27.08.2015).
9. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, 1971. Т. 3. С. 1–609.
10. Ленин В.И. О кооперации // *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 369–377.
11. Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд, 17 января 1915 г. // *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, 1970. Т. 49. С. 51–52.
12. Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд, 24 января 1915 г. // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, 1970. Т. 49. С. 54–57.
13. Манов Г.Н. Государство и политическая организация общества. М.: Наука, 1974. 320 с.
14. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001. 335 с.
15. Неяскин Г. Девиз государства всеобщего благосостояния по Герду Хаберманну: «Хлеб сегодня, голод завтра!». URL: http://slon.ru/economics/gerd_khabermann_deviz_gosudarstva_vseobshchego_blagosostoyaniya_khleb_segodnya_golod_zavtra_-767566.html (дата обращения: 15.09.2015).
16. Остроух И.Г. Государство благосостояния и институт семьи в Германии // *Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество»*. 2003. № 109–110. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0109/analit04.php> (дата обращения: 25.08.2015).
17. Платон. Государство. СПб.: Наука, 2005. 572 с.
18. «Почему у Швеции получилось»: политолог Юахим Пальме о том, как построить государство всеобщего благосостояния [Электронный ресурс]. URL: <http://rugrad.eu/interview/724773/> (дата обращения: 27.09.2015).
19. Пьянов А.И. Трансформация взаимоотношений государства и семьи как социальных институтов

- российского общества в XX веке // Альманах современной науки и образования. 2007. № 1(1). С. 195–200.
20. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995, № 223-ФЗ. Разд. 1, гл. 1, ст. 1. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (дата обращения: 30.08.2015).
 21. Статистика: большинство разводов в Германии инициируют женщины // Информационный портал Deutsche Welle (Немецкая волна). URL: <http://www.dw.com/ru/статистика-большинство-разводов-в-германии-инициируют-женщины/a-16087489> (дата обращения 25.09.2015).
 22. Хубиев Б.Б. Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Пятигорск, 2008. 48 с.
 23. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 3. С. 28–178.
 24. Mochnik R. Some Relevant Contemporary Social Trends and Processes. The Demise of Euro-Atlantic Hegemony and its Consequences. URL: <http://vk.com/event69566629> (accessed: 12.09.2015).
 7. Kollontaj A.M. [Theses of communist morals]. *Kommunist* [Communist]. 1921, no 12, p. 29. (In Russian).
 8. Las'ko A.I. [Family and state]. *Politika, gosudarstvo i parvo* [Politics, state and law]. 2012, no 10. Available at: <http://politika.snauka.ru/2012/10/524> (accessed 27.08.2015). (In Russian).
 9. Lenin V.I. [Development of capitalism in Russia]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow, Politizdat Publ., 1971, vol. 3, pp. 1–609. (In Russian).
 10. Lenin V.I. [On cooperation]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 45, pp. 369–377. (In Russian).
 11. Lenin V.I. [Letter to Inessa Armand. 17 Jan. 1915]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 49, pp. 51–52. (In Russian).
 12. Lenin V.I. [Letter to Inessa Armand. 24 Jan. 1915]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 49, pp. 54–57. (In Russian).
 13. Manov G.N. *Gosudarstvo i politicheskaya organizatsiya obschestva* [State and political structure of society]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 320 p. (In Russian).
 14. Martin G.P. Shuman H. *Zapadnaya globalizatsiya: ataka na protsvetanie i demokratiyu* [Western globalization: an attack on prosperity and democracy]. Moscow, Alpina Publ., 2001. 335 p. (In Russian).
 15. Neyaskin G. *Deviz gosudarstva vseobshego blagosostoyaniya po Gerdu Habermannu «Hleb segodnya, golod zavtra!»* [Motto of welfare state by G. Habermann: «Bred today, starvation tomorrow!»]. Available at: http://slon.ru/economics/gerd_khabermann_deviz_gosudarstva_vseobshchego_blagosostoyaniya_khleb_segodnya_golod_zavtra_-767566.xhtml (accessed 15.09.2015). (In Russian).
 16. Ostrouh I.G. [Welfare state and family institute in Germany]. *Demoscop Weekly. Elektronnyaya versiya byulletenya «Naselenie i obschestvo»* [Demoscope Weekly. Online version of «Population and society» bulletin]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0109/analit04.php> (accessed 25.08.2015). (In Russian).
 17. Plato. *Gosudarstvo* [State]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005, 572 p. (In Russian).
 18. «*Pochemu u Shvetsii poluchilos'»*: *politolog*

Получено 02.12.2015

References

1. Antonov A.I. [Institutional crisis of the family and family-demographic structures within the context of social changes and social inequality]. *Sem'ya i sotsial'no-demograficheskie issledovaniya* [Family and social-demographic researches]. April, 2014. Available at: <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov> (accessed 01.09.2015). (In Russian).
2. Antonov A.I., Sorokin S.A. *Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka* [Fate of the XXI-st century family in Russia]. Moscow, Graal Publ., 2000, 416 p. (In Russian).
3. Abaturova L.G. *Sem'evedenie: Uchebnoe posobie* [Family science: Study guide]. Khabarovsk, Far Eastern State Transport University Publ., 2005, 115 p. (In Russian).
4. Balditsyna E.I. *Sem'ya i gosudarstvo v sotsial'nom prostranstve sovremennoj Rossii: Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk* [Family and state in social space of modern Russia: Author's abstract for procuring of degree of candidate of philosophic sciences]. Stavropol', 2005, 20 p. (In Russian).
5. Vishnevskij A.G. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii* [Demographic modernization of Russia]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, 608 p. (In Russian).
6. Demidova E.V. [Demographic and family policy:

- Yuakim Pal'me o tom, kak postroit' gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya* [Why Sweden succeeded: politologist Joachim Palme on ways of constructing welfare state]. Available at: <http://rugrad.eu/interview/724773/> (accessed 27.09.2015). (In Russian).
19. P'yanov A.I. [Transformation of relationship between state and family considered as social institutions of Russian society in the XXth century]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. 2007, no 1(1), pp. 195–200. (In Russian).
 20. *Semejnyj kodeks Rossijskoj Federatsii of 29.12.1995, no 223-ФЗ* [Family Code of Russian Federation no 223-ФЗ]. P. 1, ch. 1, art. 1. Available at: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (accessed 30.08.2015). (In Russian).
 21. [Statistics: the majority of divorces is initiated by women]. *Informatsionnyj portal Deutsche Welle (Nemetskaya volna)* [Information portal Deutsche Welle (German Wave)]. Available at: <http://www.dw.com/ru/статистика-большинство-разводов-в-германии-инициируют-женщины/a-16087489> (accessed 25.09.2015). (In Russian).
 22. Hubiev B.B. *Sem'ya kak sotsial'no-tsennostnaya obschnost' form bytiya cheloveka: Avtoref. diss. ... d-ra filos. nauk* [Family as social and value communion of existence forms of a human: Author's abstract for procuring of degree of doctor of philosophic sciences]. Pyatigorsk, 2008, 48 p. (In Russian).
 23. Engels F. [The Origin of the family, private property and the state]. *Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Marx K., Engels F. Selected works: in 3 vol.]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, vol. 3, pp. 28–178. (In Russian).
 24. *Mochnik R.* Some Relevant Contemporary Social Trends and Processes. The Demise of Euro-Atlantic Hegemony and its Consequences. Available at: <http://vk.com/event69566629> (accessed 12.09.2015). (In Russian).
- The date of the manuscript receipt 02.12.2015*

Об авторах

Пешина Екатерина Владимировна
соискатель кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kathriona@rambler.ru

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: avnut@inbox.ru

About the authors

Peshina Ekaterina Vladimirovna
PhD student of Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kathriona@rambler.ru

Vnutskikh Alexander Yur'evich
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пешина Е.В., Внутских А.Ю. Альтернативные модели взаимодействия семьи и государства: социально-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 30–37.

Please cite this article in English as:

Peshina E.V., Vnutskikh A.Yu. Alternative models of family-state relationship: social-philosophical analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 30–37.

УДК 1.316

АРМИЯ И МАСКУЛИННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИАРХАТНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Семенова Вера Эдуардовна

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

Семенова Лидия Эдуардовна

*Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
(Мининский университет)*

В статье рассматривается специфика армии как маскулинизированного социального института современного общества. Рассматриваются ее функции, даются основные характеристики. Анализируется связь армии с патриархатной идеологией, ценностями мужской культуры, традицией поляризации маскулинности и феминности, исключения, подавления феминного и утверждения маскулинного. Показаны некоторые социальные, в том числе гендерные, механизмы институционализации маскулинизированной армии. Описаны происходящие в ряде стран изменения вооруженных сил, обусловленные демократизацией и трансформацией гендерных отношений. Констатируется, что намечающаяся в последнее время тенденция феминизации российской армии носит внешний характер, не затрагивая ее сущностной основы, системы внутренних отношений. Делается вывод о наличии в современной российской армии противоречий, отражающих существующие в обществе тенденции.

Ключевые слова: армия; современное общество; социальный институт; патриархатная идеология; маскулинность; феминность; феминизация армии.

THE ARMY AND MASCULINITY IN THE CONTEXT OF THE PATRIARCHAL SYSTEM OF MODERN SOCIETY

Vera E. Semenova

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

Lidiya E. Semenova

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Minin University)

The article deals with the specificity of the army as masculinity and social institution in modern society. The study marked its functions and key features. The authors explore the relationship of the army with Patriarchal ideology, values of the male culture, tradition polarization of masculinity and femininity, exclusion, suppression of the feminine and masculine approval. They show some social, including gender, mechanisms of institutionalization masculinizing army. Described what is happening in some countries changes of the armed forces, due to the democratization and transformation of gender relations. It is stated that the emerging recent trend of feminization of the Russian army is external in nature, without affecting its essential framework, systems of internal relations. The authors makes conclusion about the presence in modern Russian army contradictions, reflecting societal trends.

Key words: army; modern society; a social institution; Patriarchal ideology; masculinity; feminist; the feminization of the army.

Становление и развитие государственности, институционализация социальной власти представляют собой процесс утверждения традиционной гендерной системы как совокупности социальных институтов, поведения и социальных взаимодействий, предписывающихся в соответствии с по-

лом [8]. Действительно, оформление современной, но по-прежнему патриархатной по своей сути модели государственного устройства, как и в традиционном обществе, было сопряжено с жесткой поляризацией социально сконструированных по параметру биологического пола гендерных ка-

тегорий феминности и маскулинности, идеологическим маркированием последней в качестве социально-позитивного и организованного, противостоящего стихийной неоформленности и хаотичности феминного/природного, требующего структурного подавления. Подобного рода методологические основания способствовали маскулинизации социальных институтов, вытеснению феминного за пределы государственности, маргинализации женщин, «сущностно» противоположных социальному субъекту.

Именно на данной идеологической платформе происходил переход к гендерному разделению труда, жестко закрепляющему дифференцированные роли женщин и мужчин, противопоставляющиеся не только по своей направленности, но, самое главное, по своей социальной значимости. Маскулинность объявлялась не просто эталоном, а начинала мыслиться, выстраиваться и многократно воспроизводиться в качестве фактически единственно реально существующей в пределах публичного социального пространства, что нашло свое отражение в официальном философском дискурсе, бурно развивающейся научной мысли, обосновывающих «естественность» и «незыблемость» подобного единственно возможного варианта социального строительства.

Жесткая структуризация социального пространства наложила отпечаток и на личностную сферу человека. В соответствии с установленными практиками подавления маркированная в качестве феминного приватная область начинает испытывать постоянное давление со стороны социального нормирования. Утверждается жесткий контроль за сексуальностью, при котором одни формы подкрепляются и многократно воспроизводятся, другие — порицаются и подавляются [8]. К первым из них относится гетеросексуальность, которая узаконивается в виде института брака, жестко воспроизводящего дихотомичную гендерную систему в пределах семьи. В свою очередь гомосексуальность, как провокация традиционной маскулинизированной организации общественного устройства, подавляется, подвергается гонению [2]. Как следствие, гомофобия пронизывает общественное и индивидуальное сознание, выступая в качестве основного инструмента поддержания патриархатной идеологии, обосновывающей и узаконивающей главенство маскулинного в социальном пространстве [9, 10, 11].

Таким образом, человек, конструируемый социумом как женщина или мужчина, встраивается в гендерную систему общества, воспроизводит ее

нормы и ценности посредством включенности в ежедневные практики гендерных отношений.

Индустриализация общества, высокая потребность в новых материальных ресурсах привели к индустриализации и институционализации армии как основного средства поддержания и сохранения не только политической, но и экономической стабильности и независимости государства. Этому способствовали ее особые социальные функции, среди которых, как правило, выделяют внешние и внутренние [15]:

- Внешние — сохранение неприкосновенности границ, обеспечение суверенитета государства, благоприятных условий для решения внутреннего комплекса задач, проблем, имеющих общечеловеческое значение, помощь жертвам агрессии и союзникам.

- Внутренние — обеспечение власти господствующей социальной группе, прекращение и предотвращение внутренних социальных конфликтов, грозящих развалом государству, т.е. сохранение его территориальной целостности, воспитание у граждан готовности защитить свою Родину, формирование навыков нравственного поведения в последующей трудовой деятельности, морально-психологическая подготовка молодежи к жизненным трудностям.

Согласно С. Хантингтону [4], для современной армии как социального института характерны:

1. Профессионализм в управлении силовыми методами воздействия. Современная армия обладает, несомненно, более мощными средствами, нежели те, которые оказываются доступными гражданскому населению.

2. Корпоративность. Для военнослужащих, особенно офицерского состава, характерно развитое чувство внутригруппового единства, которое отсутствует у гражданских лиц. Для представителей вооруженных сил создаются собственные школы, ассоциации, издания, у них формируются собственные традиции и обычаи. К тому же все их контакты и дружеские отношения нередко ограничены представителями собственной среды. Все это позволяет говорить о наличии особой армейской субкультуры, которая становится предметом специального научного изучения [3, 5, 16 и др.].

3. Клиентурность. Главным «клиентом» современных вооруженных сил, перед которым они и несут свою ответственность, выступает правительство страны.

4. Идеология военного сознания. Традиционно в качестве особого достоинства воинов считалась

доблесть. Кроме того, поэтизировалось и идеализировалось любое военное сражение. На сегодняшний день к несомненным достоинствам представителя вооруженных сил также относятся умение подчиняться интересам группы, способность к сотрудничеству, следование главенству порядка и дисциплины.

Кроме того, ряд исследователей [4, 13, 14, 15 и др.] выделяют следующие специфические признаки армии как социального института:

1. Будучи государственной организацией, армия является силовой структурой, которая используется для защиты интересов правящей элиты и при разрешении различного рода конфликтов (как внутренних, так и международных), когда мирные средства наведения порядка уже исчерпаны.

2. Современная армия — правовая организация, функционирование которой соответствует законодательству страны и нормам международного права.

3. В отличие от других социальных институтов армия обладает боевой мощью и так называемым легитимным «духом агрессивности». Однако вместе с тем в общественном сознании армия, как правило, ассоциируется с безопасностью.

4. Являясь жестко авторитарной, иерархической системой, армия центрирована на особой группе ценностей, которые релевантны мужской культуре, традиционным стандартам маскулинности (сила, смелость, отвага, рискованность, авторитарность, иерархичность и др.). Специфика армии заключается в повышенной властности межличностных отношений и необходимости наличия у ее субъектов социально-психологической готовности к действиям как в экстремальных ситуациях, так и в условиях повседневной воинской деятельности.

5. Согласно И. Гоффману [21], можно утверждать, что армия является одним из тотальных институтов (наряду с тюрьмой, психиатрической больницей и т.п.), т.е. таким институтом, который отделен жесткой границей от остального общества, в котором стерто различие между частной и общественной сферами жизни, в котором все виды деятельности жестко регламентируются и полностью контролируются, что в целом обеспечивает относительную автономию армию как «государства в государстве», ее закрытость и «непрозрачность».

6. Неотъемлемым атрибутом армии считается дисциплина. Именно дисциплина «составляет основу морального состояния войск» [12, с. 46].

Опыт свидетельствует, что ни одна армия не может быть боеспособной, пока повиновение солдат не станет привычным. Однако привычка к беспрекословному подчинению ни в коем случае не должна убивать инициативу и чувство личной ответственности военнослужащих.

7. Как социальный институт армия неотделима от социальных идеалов и крайне чувствительна к различным «общественным болезням». По утверждению специалистов, культурные ценности и идеалы, в том числе и те, которые являются частью целенаправленной государственной политики и идеологии, оказывают значительное влияние на моральный и боевой дух армии [12]. «Ушли в прошлое те дни, когда было возможно отделить моральный дух армии от морального духа нации...» И, следовательно, «если моральное состояние нации подорвано, падает и уровень боевого духа армии...» Иными словами, «самое мощное оружие армии — ее идеалы, но этот вид оружия, как и все другие, должен быть выкован нацией» [12, с. 78–79]. Однако ничтожные идеалы не могут быть источником энтузиазма военных. Не случайно уже давно замечено, что солдаты, вдохновляемые бескорыстными идеалами, сражаются с большим энтузиазмом, чем те, у которых нет таких идеалов [12].

Подобные характеристики, определяющие сущность армии, свидетельствуют о некоей консервативности, ориентированности на сохранение традиций, восходящих еще к временам Античности [6]. Одной из таковых является конструирование и воспроизведение армии в качестве маскулинизированного социального института. Высокая заинтересованность в притоке человеческих/мужских ресурсов в подобные военизированные структуры реализовывалась за счет манипуляции гендерными символами мужской идентичности, нормализации «истинной» маскулинности. Военная пропаганда объявляла «настоящим» мужчиной воина, обладающего такими атрибутами мужественности, как активность, агрессивность, жесткость и стойкость [19]. Поэтому как в обществе в целом, так и в армии в частности маскулинности, противоположные доминирующей, всячески маргинализируются, низводятся до уровня феминности, противоположной самой социальности, общественной приемлемости.

В то же время, как это ни парадоксально, сама возможность существования армии как маскулинизированного социального института, жестко противостоящего всему феминному, невозможна без существования последнего. Однако подобное

бытие мыслится в качестве необходимого лишь как существующее за пределами данного института, как то, на что направлены подчиняющие и подавляющие воздействия, определяемое пропагандистской идеологией как нуждающееся в защите, поддерживающее и питающее тем самым миф о высокой миссии вооруженных сил. Не случайным является тот факт, что наиболее беззащитными, а следовательно, страдающими от вооруженных конфликтов становятся женщины и дети, именно против них направлены агрессивные воздействия противоборствующих сторон [7 и др.]. Последствия военной агрессии используются в качестве важнейшего аргумента в оправдание необходимости усиления армии как аппарата подавления и подчинения. Иными словами, «незащищенность» феминного обосновывает институционализацию маскулинизированной армии.

Следуя логике гендерной идеологии, мужчины будут выступать поборниками войны до тех пор, пока они хотят считаться «настоящими» мужчинами, а женщины, напротив, — бороться за мир, по-прежнему нуждающийся в «защите» со стороны сильной армии. Так, манипуляция гендерными символами воспроизводит и обосновывает эскалацию социального насилия.

Конструирование армии по маскулинной модели, оправдывающей проявление агрессии, обусловливает необходимость прохождения военнослужащими обязательной строевой подготовки и подчинения их строгой дисциплине. Именно подобные занятия призваны совершенствовать физическую форму и поддерживать групповую сплоченность солдат, без которых невозможно одержать победу. Кроме того, данные занятия делают воинов терпимее к пролитию крови. Дело в том, что «прирожденных солдат», получающих несомненное удовольствие от мужского товарищества, от преодоления психологических и физических трудностей в бою и при подготовке к нему, не испытывающих трудностей, если необходимо убить человека в ситуации, дающей моральное оправдание подобного поступка, в армии не так уж и много. Большинство военнослужащих не отвечают подлинной норме твердости, их необходимо специально обучать убивать, создавая и воспроизводя особые армейские условия [4].

Армия с ее униформой, строевой подготовкой, при которой все идут в ногу, строгой дисциплиной и жесткой субординацией постепенно становилась эталоном бюрократической организации, вписанной в патриархатную идеологию и систему ценностей традиционных гендерных отношений,

провозглашающих приоритет и превосходство маскулинных эталонов как единственно возможных в рамках социального устройства. Абсолютизация армии как сферы приложения профессиональных возможностей и усилий для «настоящих» мужчин, как одного из наиболее «правильных» социальных устройств, способствовала ее популяризации, притоку большого количества людей, желающих сделать карьеру, превратила ее в одну из важнейших и влиятельных сфер жизнедеятельности. Неслучайно, что подобного рода элитная организация стала одной из наиболее иерархизированных, определяющих превосходство своих членов не только по отношению к располагающимся за ее пределами, но и жестко выстраивающих статусные позиции внутри собственной структуры. Вплоть до начала XIX в. офицерами были, как правило, аристократы [4]. В дальнейшем элитарность офицерского статуса стала поддерживаться посредством системы военного профессионального образования, всеобщий доступ к которому охранялся различного рода дискриминационными барьерами и преградами, например, гендерными, когда речь шла о женщинах.

Однако для мужчин более низкого статуса все же оставалась возможность повысить свой социальный ранг. Ее предоставляла всеобщая воинская повинность, существовавшая и существующая во многих странах, позволяющая примерить на себя одну из доминирующих маскулинностей. При этом воинская повинность, когда вступление в вооруженные силы лишено добровольности, становилась сродни инициации, позволяющей перейти из категории «мальчиков» в категорию «настоящих мужчин». Мужчина, добровольно избегнувший подобной участи, традиционно высмеивался, поскольку подобный шаг подвергал сомнению сам факт существования у данного субъекта мужественности.

В связи с зафиксированной маскулинизованностью армии до недавнего времени вооруженные силы оставались одним из оплотов гендерной дискриминации. Боевые части всех армий формировались из мужчин, командование которыми возлагалось также исключительно на представителей мужского пола. Женщинам туда путь был заказан. Все дело в том, что сконструированные традиционные идеалы воинской службы, такие как отвага, риск и мужество, всегда считались исключительно маскулинными идеалами, характеризующими «настоящих» мужчин, и не входили в стандарты феминности.

В настоящее время, под воздействием активного движения неправительственных гендерных организаций произошли реальные изменения в приоритетных направлениях политики многих стран, провозгласивших необходимость движения в сторону гендерного, расового, этнического и религиозного равенства. Наступила эпоха пропаганды борьбы с гендерной дискриминацией в сфере труда и занятости. В соответствии с декларируемыми принципами по инициативе правительств стали происходить изменения и внутри вооруженных сил.

Воинская служба перестала быть исключительно мужским делом. На сегодняшний день вооруженные силы уже немыслимы без представительниц женского пола. В этой связи в обществе продолжается процесс пересмотра патриархальных гендерных стереотипов восприятия социальной активности женщин. Так, с позиции председателя комитета начальников штабов США генерала Веси, феминизация армии представляет собой уникальную тенденцию: «Для наших вооруженных сил, — отметил генерал, — это более важное по своей значимости событие, чем изобретение ядерного оружия» [18]. Приток женщин в американскую армию стал нарастать в связи с принятием конгрессом в марте 1972 г. поправки к Конституции Соединенных Штатов «О равных правах», запрещающей любую дискриминацию по признаку пола во всех областях профессиональной деятельности граждан США. Этот шаг стал весомой победой американского либерального феминизма и дал возможность миллионам женщин реализовать свои профессиональные возможности во многих сферах общественной жизни, включая и армию. Как следствие, к началу 2005 г. женщины стали составлять 18 % представителей вооруженных сил США [17], а в настоящее время в соответствии с данными Центра оборонной информации США женщины составляют 14,4 % офицерского и 14,7 % рядового и унтер-офицерского состава вооруженных сил Соединенных Штатов. В современных американских войсках женщин-офицеров больше, чем чернокожих офицеров-мужчин. За всю историю вооруженных сил США более 50 женщинам было присвоено воинское звание генерала или адмирала. На сегодняшний день американские женщины служат во всех видах и родах вооруженных сил: они составляют 180 тыс. рядовых, сержантов и офицеров [20].

Интересен тот факт, что впервые женщины наравне с мужчинами без каких-либо ограниче-

ний стали восприниматься в качестве полноправных военнослужащих в Канаде в 1895 г. Традиции феминизированной армии в этой стране поддерживаются и в наши дни: из 33 офицерских специальностей женщины представлены в 29 [1].

Процесс феминизации армии иностранных государств продолжается. В последнее время женщины получили право служить в рядах вооруженных сил и в тех странах, где ранее это было запрещено. Так, в Италии это произошло в 1997 г. А уже с 2000 г. военные академии ВВС, ВМС и сухопутных войск начали вести прием женщин [18].

На сегодняшний день в странах Запада женщины отдают предпочтение службе в авиации. К примеру, в ВВС США женщин 13 %, Австралии — 13,2 %, Франции — 10 %, Великобритании — 6,8 %, что превышает средний показатель по вооруженным силам обозначенных государств [1].

Рост феминизации характерен и для вооруженных сил России. Если до 1985 г. количество женщин-военнослужащих в нашей стране составляло не более 0,5 %, то в 2004 г. военную службу в Российской Федерации проходило уже 95 тыс. женщин, т.е. 9,5 % общего числа военнослужащих. Звание полковника имели 27 женщин, подполковника — 97, майора — более 350. Но, несмотря на эту положительную динамику, в нашей армии по-прежнему нет ни одной женщины-генерала [18]. Да и статистика относительно распределения женщин внутри армейской должностной иерархии однозначно свидетельствует о присутствии скрытой гендерной дискриминации. Так, получив доступ к военной службе, женщины занимают в армии самые низшие позиции, не отличающиеся высоким статусом и уровнем оплаты труда. Кроме того, женщины в основном сосредоточены на таких рабочих местах, которые по своим характеристикам приближены к гражданским (медицинские работники, связисты, секретари и т.д.), т.е. согласующихся с традиционными гендерными стереотипами, закрепляющими за женщинами традиционную функцию заботы. В этом плане весьма красноречивыми являются следующие данные: женщины-офицеры в основном представлены в медицинской службе (74,7 %), каждая десятая трудится военным переводчиком (11,3 %), в войсках связи служат 8,7 %, в финансовой службе — 3,8 %. Незначительное представительство женщин фиксируется среди преподавателей и научных сотрудников — 1,5 % общего количества всех женщин-офицеров. Женщины могут служить в отечественных вооруженных си-

лах по 172 специальностям [17, с. 170–171]. В военных компаниях постсоветского периода непосредственное участие в боевых действиях с прямым соприкосновением с противником принимали не более 1,2 % военнослужащих-женщин из разведывательных и десантно-штурмовых батальонов, женщины-снайперы и медицинские сестры [17, с. 182]. И это в то время как в США и странах Европы женщины успешно осваивают традиционно «мужские» военные специальности: служба на подводных лодках, боевых кораблях, в ракетных частях стратегического назначения и др. К тому же им теперь совсем незнакома гендерная дискриминация при поступлении в военные академии, в которых женщины получили возможность обучаться с 1986 г. [1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что феминизация современной российской армии носит исключительно внешний характер. Дело в том, что, открыв границы для женщин, современные вооруженные силы по-прежнему полностью воспроизводят гендерную иерархию современного общества, согласно которой женщины получают доступ во многие сферы жизнедеятельности, но лишь на правах рядовых участников, лишенных возможности определять и управлять. При этом смена приоритетов в вооруженных силах, их направленность в сторону толерантности по отношению к представительницам женского пола вряд ли обусловлена исключительно процессами гуманизации. Скорее всего подобный шаг является вынужденным, поскольку в России, как, впрочем, и в ряде других стран, например в Испании, престижной службу в армии считают далеко не все молодые мужчины. Испытывая недостаток в человеческих ресурсах, военные министерства и военное командование вынуждены обращать внимание на женщин как на дешевую резервную силу, что уже не раз происходило в истории многих государств в XX в. в эпоху индустриализации промышленного производства.

Иными словами, несмотря на некоторые трансформации и движение в сторону открытости, армия по-прежнему остается оплотом маскулинных ценностей и приоритетов. Она до сих пор не является гендерно нейтральной, поскольку, поступившись незначительными привилегиями в пользу женщин, мужская армейская «элита» сохранила главные ортодоксальные маскулинные основания своего бытия, неизменно противостоящие подавляемым феминным. В то же время, будучи одним из главных социальных институтов, вооруженные силы уже не могут оставаться в

стороне от происходящих изменений в гендерных отношениях современного общества. Именно поэтому в российской армии начала XXI в. находят свое отражение общие тенденции и противоречия, типичные для общества в целом, как то: декларация всех видов равенства и одновременно изобретение и использование все более изоциренных скрытых форм дискриминации по разным основаниям, что требует поиска альтернативных путей анализа и преодоления.

Список литературы

1. Батракова Л.Г., Краснова Г.Н. Гендерная структура занятости в вооруженных силах стран мира // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. I, № 2 (Гуманитарные науки). С. 81–85.
2. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2004. 336 с.
3. Бойко Б.Л. Языковая картина мира армейской субкультуры (на материале немецкой и русской военной лексики) // Вестник Военного университета. 2008. № 4. С. 96–110.
4. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
5. Головин В.В., Лурье М.Л., Кулешов Е.В. Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 186–230.
6. Гришин В.В., Фихтнер Е.Н., Шиловская Н.С. Античные проекты человека // Вестник Мининского университета. 2015. № 2. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/261/2-antichnye-proekty-cheloveka.pdf> (дата обращения: 20.01.2016).
7. Зверев П.Г. Защита женщин и детей в миротворческих операциях ООН // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 451–453.
8. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Гендерная система // Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. С. 44–46.
9. Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2008. С. 38–57.
10. Кон И.С. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. 2007. № 4(90). С. 59–69.
11. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 495 с.
12. Коупленд Н. Психология и солдат. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1958. 136 с.

13. Макарычев А.С. Гендерные аспекты безопасности в контексте проблем глобализации // Гендерные аспекты безопасности в регионах Приволжского федерального округа / под ред. А.С. Макарычева, О.Ю. Романовой. Н. Новгород: Центр социально-экономической экспертизы: Женская сетевая программа ИОО, 2003. С. 7–42.
14. Охремчук С.И. Жить — Родине служить // Педагогика. 2001. № 2. С. 3–8.
15. Пузикова С.М. Армия как социальный институт: проблемы и перспективы // Вестник КазГУ. Серия экономическая. 1998. № 7. С. 35–38.
16. Романова Е.Н. Военная культура и ее основные характеристики // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1. С. 213–219.
17. Рыков С.Л. Личностная самореализация военнослужащих-женщин в военно-социальной среде // Гендерные стереотипы в современной России / сост. и общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 169–186.
18. Рыков С.Л. У армии теперь и мужское и женское лицо // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2005-07-29/4_science.html (дата обращения: 19.01.2016).
19. Рябов О.В. Матушка-Русь. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
20. Слабые мужчины, сильные женщины или унисекс? URL: <http://www.b17.ru/journal/9218/> (дата обращения: 22.01.2016).
21. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. 9th ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. 336 p.
5. Golovin V.V., Lure M.L., Kuleshov E.V. [Subculture of conscripts]. *Sovremennyj gorodskoj folklore* [Modern urban folklore]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2003, pp. 186–230. (In Russian).
6. Grishin V.V., Fihntner E.N., Shilovskaya N.S. [Antique projects of person]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University]. 2015. no 2. Available at: <http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/261/2-antichnye-proekty-cheloveka.pdf> (accessed 20.01.2016). (In Russian).
7. Zverev P.G. [The protection of women and children in UN peacekeeping operations]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2014, no 7, pp. 451–453. (In Russian).
8. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. [Gender system]. *Slovar gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms]. Moscow, Informatsiya XXI vek Publ., pp. 44–46. (In Russian).
9. Kimmel M. [Masculinity as homophobia: fear, shame and silence in construction of gender identity]. *Naslazhdenie byt' muzhchinoy: zapadnye teorii maskulinnosti i postsovetskie praktiki* [Pleasure to be a man: Western theories of masculinity and post-Soviet practices]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2008, pp. 38–57. (In Russian).
10. Kon I.S. [Homophobia as a litmus test of Russian democracy]. *Vestnik obschestvennogo mneniya* [Herald of public opinion]. 2007, no 4(90), pp. 59–69. (In Russian).
11. Kon I.S. *Muzhchina v menyayuschemsya mire* [A man in a changing world]. Moscow, Vremya Publ., 2009, 495 p. (In Russian).
12. Kouplend N. *Psihologiya i soldat* [Psychology and the soldier]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo MD USSR Publ., 1958, 136 p. (In Russian).
13. Makarychev A.S. [Gender aspects of security in the context of globalization]. *Gendernye aspekty bezopasnosti v regionah Privolzhskogo federalnogo okruga* [Gender aspects of security in the regions of the Volga Federal district]. Nizhniy Novgorod, Center of social and economic expert evaluation and Women net program IOO Publ., 2003, p. 7–42. (In Russian).
14. Ohremchuk S.I. [To live — to serve the Motherland]. *Pedagogika* [Pedagogics], 2001, no. 2, pp. 3–8. (In Russian).
15. Puzikova S.M. [Army as a social institution: challenges and prospects]. *Vestnik Kazakhskij state University. Seriya ekonomicheskaya* [Herald of Kazakh state University. Economic series]. Almaty, 1998, no 7, pp. 35–38. (In Russian).
16. Romanova E.N. [Military culture and its main characteristics]. *Vestnik Samarskogo gos. Universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2008, no 1, pp. 213–219. (In Russian).

Получено 24.01.2016

References

1. Batrakova L.G., Krasnova G.N. [The gender structure of employment in the armed forces of the countries of the world]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Herald]. 2013, vol. I, no 2, (Humanities), pp. 81–85. (In Russian).
2. Bem S. *Linzy genera: transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2004. 336 p. (In Russian).
3. Bojko B.L. [Language picture of the world of the military sub-culture (on the material of German and Russian military vocabulary)]. *Vestnik Voennogo universiteta* [Herald of the Military University]. 2008, no 4, pp. 96–110. (In Russian).
4. Giddens A. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Editorial Publ., 2005, 632 p. (In Russian).

17. Rykov S. [Personal self-realization of military women in the military-social environment]. *Genderные стереотипы в современной России* [Gender stereotypes in modern Russia]. 2007, pp. 169–186. (In Russian).
18. Rykov S. [The army has both male and female face]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent military review]. Available at: http://nvo.ng.ru/concepts/2005-07-29/4_science.html (accessed 19.01.2016). (In Russian).
19. Ryabov O.V. *Matushka-Rus'* [Mother-Rus]. Moscow, Ladomir Publ., 202 p. (In Russian).
20. *Slabye muzhchiny, sil'nye zhenschiny ili uniseks?* [Weak men, strong women or unisex?]. Available at: <http://www.b17.ru/journal/9218/> (accessed 22.01.2016). (In Russian).
21. Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. 9th ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. 336 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 24.01.2016

Об авторах

Семенова Вера Эдуардовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65; e-mail: verunechka08@list.ru

Семенова Лидия Эдуардовна

Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры классической и практической психологии

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1; e-mail: verunechka08@list.ru

About the authors

Semenova Vera Eduardovna

PhD. in Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy and Politology

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 65, Ilyinskaya str., Nizhniy Novgorod, 603950, Russia; e-mail: verunechka08@list.ru

Semenova Lidiya Eduardovna

Doctor of Psychology, Docent, Professor of Department of Classical and Practical Psychology

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Minin University), 1, Ulyanov str., 603950, Nizhniy Novgorod, 603950, Russia; e-mail: verunechka08@list.ru

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Армия и маскулинность в контексте патриархатной системы современного общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 38–45.

Please cite this article in English as:

Semenova V.E., Semenova L.E. The army and masculinity in the context of the patriarchal system of modern society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Вып. 1(25). P. 38–45.

УДК 141.32

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА И ОТЧУЖДЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Багаева Ольга Николаевна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

В статье рассматривается философско-социальный смысл одиночества. Значимость такого осмысления одиночества заключается в актуализации внимания на важности данного феномена. Обращение к проблематике отчуждения человека и разотчуждения социальных отношений обусловлено повышением роли телекоммуникационных технологий в жизнедеятельности людей. Актуальность данной темы обусловлена потребностью теоретического осмысления феномена отчуждения человека, незавершенностью процесса концептуализации понятия «отчуждение». XX в., как известно, внес существенные изменения в жизнедеятельность людей, а следовательно, и во взаимоотношения между ними. Появление средств массовой информации, все более усиливающаяся механизация всей жизни, исчезновение из нее рефлектирующей основы, укорененности в традиции, — эти и другие насущные проблемы с явной очевидностью встают перед лицом человека XX и XXI вв. Ситуация усугубляется усиливающейся разобщенностью индивидов, переходящей во враждебность, явное или скрытое противостояние.

Ключевые слова: одиночество; отчуждение; индивидуализация; социальные процессы; друг; чужой; коммуникация; диалог.

THE PROBLEM OF LONELINESS AND ALIENATION IN THE PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY

Olga N. Bagaeva

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

This article discusses the philosophical and social sense of loneliness. The importance of social and philosophical understanding of loneliness is the actualization of the importance of this phenomenon for a single person and society as a whole. Appealing to the problems of the phenomenon of alienation in social relations is determined by the increasing role of communications technology in the life of people. The scientific aspect of the relevance of the topic is determined by the need for a theoretical understanding of the phenomenon of alienation, the uncompleted process of conceptualizing the definition of «alienation». XX century, as it is known, has made significant changes in vital activity of humans, and, consequently, in the relationships between them. The emergence of the mass media, more and more increasing mechanization of all life, the disappearance of reflective base, rootedness in tradition — these and other pressing issues with clear evidence stand before the face of a man of XX and XXI centuries. The situation is aggravated by the increasing fragmentation of individuals, turning into hostility, obvious or hidden opposition.

Key words: loneliness; alienation; individualization; social processes; friend; stranger; communication; dialogue.

Развитие научного способа познания вводит в круг исследования бытия все новые проблемы, которые отражают процессы, происходящие как в самой науке, так и в обществе. Часто используемое в работах экзистенциальных мыслителей и в повседневной жизни понятие «одиночество» все сильнее привлекает общественное внимание. Это может быть вызвано прежде всего усиливающимся процессом персонализации, усложнением со-

циальных интеракций, интенсивностью использования средств массовой информации и коммуникации, острой необходимостью социальной адаптации личности к изменяющимся условиям жизнедеятельности. Возникающие в этом «калейдоскопичном» взаимодействии переживания отражаются на социальном самочувствии человека, влияют на его поведение. «В обществе наблюдается незримое, но пугающее явление отчуждения

и развития крайнего индивидуализма» [15, с. 3]. Проблему распространения остро переживаемого чувства одиночества человека, его разобщенности с миром, которое все более приобретает метафизический смысл, автор исследовал в диссертационной работе «Сравнительный анализ проблемы общения в философских воззрениях Н.А. Бердяева и К. Ясперса».

«Я» имеет свойство переживать острое, жгучее чувство одиночества, как отмечают мыслители. Через переживание одиночества рождается личность, ее самосознание, считает Бердяев. Ощущение одиночества не было свойственно людям, живущим в коллективе, по правилам родового устройства жизни. Выход личности из родового сознания сопровождался нестерпимым чувством одиночества. Человек имеет свойство горько переживать свою особенность, единственность, неповторимость и несхожесть с другими. Исследователь Н.В. Хамитов пишет по этому поводу: «Человеческая жизнь есть бесконечное разрушение одиночества и углубление в него...» [16, с. 5]. Когда «я» переживает свое одиночество в особо острой форме, то все и вся кажется чуждым и чужим. «Я» ощущает себя словно не у себя дома, не у себя на родине, не в мире его собственного существования. И другие воспринимаются «я» как принадлежащие к «не моему» миру. Этот мир и эти люди в восприятии «я» являются как объекты, с которыми человек не только связан, но прикован к ним железными путями. Объективированный мир, куда его «насильственно втискивают...и жизнь его распределяют по таблицам...» [2, с. 51], не выводит человека из состояния одиночества. С.С. Хоружий называет такое состояние индивида «бытием повседневности» (неподлинный способ бытия) и «дискурсом неподлинности», основными чертами которого являются такие свойства, как несобственность, уклонение, стремление спрятаться, заслониться, убежать [17, с. 60]. Ошибочно предполагать, считает Бердяев, что одиночество является крайним солипсизмом. Оно, по его мнению, наоборот, подразумевает наличие другого и других. Но этот другой оказывается посторонним объектом. «Я» одиноко не в своем внутреннем существовании, а перед лицом другого и среди других. Трудно представить абсолютное одиночество, оно всегда относительно. «Абсолютное одиночество есть ад и небытие, его нельзя мыслить положительно, его можно мыслить лишь отрицательно», — пишет Бердяев [8, с. 268].

Относительное одиночество, как считает он, может стоять и под положительным знаком. Оно может означать другое состояние «я», возвышающее его над общим, над тяжестью объективированного мира. Относительное одиночество предполагает отпадение не от Бога и Божьего мира, а от давящей социальной обыденности. «Я» отрывается от жестких уз социальной обыденности и повседневности и устремляется к подлинному и глубинному существованию, от мира падшего к миру просветленному. Это состояние экзистенциального субъекта может означать рост души, рост личности, «...она разворачивается, развивается, обогащается...» [3, с. 13]. Такие понятия, как пространство и время, являются источниками одиночества, в то же время они могут быть прозрачным показателем преодоления состояния одиночества. Из-за пространства и времени люди разъединяются, а самое страшное, считает Бердяев, люди могут соединяться в пространстве и времени не в подлинном существовании и общении, а в объектности. Преодоление пространства и изменения во времени являются для экзистенциального субъекта выходом из «зафиксированного, стабилизированного одиночества» [8, с. 269]. Между тем одиночество предполагает не только механическое преодоление пространства, но органическую потребность в общении. «Только через углубление одиночества можно утвердиться в бытии и обрести единство со всем живущим в доме бытия. Одиночество есть путь к любви. Одиночество является необходимым мостом к истинной дружбе» [16, с. 156]. Н.В. Хамитов отмечает положительную сторону этого состояния. Когда «я» осознает в себе личность и хочет в себе ее реализовать, то «я» осознает невозможность остаться замкнутым в себе, но в то же время ощущает трудность выхода из себя в другое «я». Одиночество, согласно Н.А. Бердяеву, также может быть социальным. По мнению философа, ощущение себя одиноким в обществе, своей «неукорененности в мире» [5, с. 35] является самым мучительным. Проблема одиночества и есть проблема социального одиночества. Это — одиночество в мире чуждых, разобщенных объектов.

Чувство одиночества, согласно Н.А. Бердяеву, может быть переживаемо как неверное отражение в другом. Г.М. Штопельман в этой связи пишет, что «другие пребывают в его мире как особые партнеры по субъектности» [18, с. 118]. Каждый субъект жаждет быть услышанным и увиденным, хочет быть правильно отраженным в другом и

тем самым получить подтверждение о своем существовании, утверждение своего «я». «Я» ощущает глубокую потребность «отразиться» в другом «я», чтобы тот другой увидел, услышал, признал его в его единственности и неповторимости. В этом кроется глубокий и сокровенный смысл явления любви. «Одиночество — величественное условие развития персоны и развития вообще — всегда есть средство, любовь — исход и цель» [16, с. 169]. Одиночество в самом высшем своем измерении есть «выражение тоски по Богу, по Богу, как субъекту, а не объекту, как “ты”, а не как “оно”» [8, с. 270]. В Боге и заключается суть преодоления одиночества, обретение смысла существования, нахождение родственности и онтологической близости, подтверждение того, что ты есть не все. «...Перед Богом, в обращенности к Богу человек подымается, он высок, он побеждает ничто» [7, с. 298]. Бог, и только Бог, уверен Н.А. Бердяев, есть то, чему можно довериться без остатка. Представитель религиозного течения экзистенциальной философии Карл Ясперс высказывает такую же точку зрения.

Можно сделать предположение, что одиночество — это явление субъективного характера. Бытие имеет свойство раскрываться перед «я» субъективно. Отношение «я» к бытию, к миру двояко. С одной стороны, это болезненное переживание своего прихода в этот мир из мира иного, чуждого этому, это острое ощущение «я» своей покинутости, заброшенности, одиночества в этом мире. С другой — «я» транслирует историю мира на себя, хочет пропустить ее через собственные онтологические слои и ощутить как свою. Отношения с Другим трансформируются в отношения с Чужим, что, по мнению А.П. Романовой и С.Н. Якушенкова, является «своеобразным маркером уровня развития общественного сознания» [13, с. 50].

Бердяев отмечает, что не все, что происходит с «я», должно переживаться как родственное, а иногда даже «я», по мере возможности, следует абстрагироваться от псевдоблизкого. Речь в данном случае идет об обществе, в котором люди вынуждены существовать, об «обманчивом социальном покрове бытия...» [6, с. 47]. Общество для Н.А. Бердяева «не экзистенциально», оно не способно решить вопрос об одиночестве. Общество для глубинного «я» есть объект; принудительная «выброшенность» человека в его сеть является чуждым ему самому. Но тот факт, что человек «оставлен», «выброшен» в общество, имеет большое значение для экзистенциальной судьбы

«я». «Выброшенность» «я» в общество, в социальную обыденность — показатель падшести человека. Общество, по Бердяеву, есть фатум человека в этом царстве разобщенных, чуждых объектов. «Я» по каким-либо причинам может отпасть от своего внутреннего «я», от глубины своего существования и попасть в омут общественных отношений, таким образом может произойти «экстериоризация микрокосмичности человека...» [4, с. 228]. «Я», отпавшее от своей глубины, должно защищать свою исключительность от общества как от злостного неприятеля. Ведь это не «я» должно входить в общество как часть в целое, а наоборот: общество является лишь маленькой толикой того универсума, что именуется человеческой личностью. Таким образом, можно сказать, что не «я» находится в обществе, а общество существует в «я».

Человек, для того чтобы успешно реализовать себя в общении с другими, вынужден играть ту или иную роль: отца или матери семейства, директора крупного промышленного предприятия, преуспевающего артиста, озабоченного судьбой страны чиновника, светского человека и т.д. Выступая в той или иной социальной роли, человек показывает не настоящее, не истинное «я». «...Вся наша сознательная культурная и социальная жизнь с ее неисчислимыми условностями есть жизнь ненастоящая, призрачная, лживая и в сущности людям ненужная, ...за ней скрыта стихийная, бессознательная первожизнь, подлинная, глубокая и единственно нужная», — пишет Бердяев [1, с. 39]. Он утверждает, что проблема одиночества в самой высокой своей степени есть суть проблемы смерти. Прохождение через смерть является прохождением через крайнюю, последнюю степень одиночества, когда происходит окончательный разрыв со всеми и со всем. Абсолютное уединение, утрата всех связей, нитей общения, полный разрыв со всей сферой существования, бытия есть смерть (здесь следует отметить, что, по Бердяеву, «индивидуум умирает, ...но личность не умирает...» [3, с. 151]).

Человек, по сути, остается одиноким, неотраженным в Другом. Более того, наличие псевдоконтактов грозит самому субъекту как ядру отношений распадением, разложением на мелкие разрозненные составляющие или, что является вероятностью, «полностью нивелировать реальное самосознание отдельного человека» [9, с. 70]. Ясперс отмечает, что в настоящее время чуждость и несамосущность довлеют над человеческой личностью, диктуя неправильные законы жизни,

где личность полностью нивелируется, истребляется, где самость единичного бытия подвергается уничтожению. Исследователи неоднократно подчеркивают, что довлеет «...повседневность, где все рассчитывается и планируется с точки зрения эффективности, результативности и рациональности, где господствует экономика обмена, где нет места жертвенности и великодушию, где человек довольствуется товарами, сведениями и справками, и забывает о творении и общении» [10, с. 184]. Ж.П. Сартр в своих философских воззрениях исходит из противоположения Я и Другого, утверждая, что любой акт общения носит разрушительный характер, так как Я в процессе выхода к Другому испытывает острое напряжение и наталкивается на препятствия, исходящие от Другого. В широко употребляемом умозаключении философа о том, что «ад — это другие», кроется очевидное противоречие. Над ним Сартр размышляет в труде «Бытие и ничто»: «Другой является неизбежным посредником, соединяющим меня со мной самим» [14, с. 246].

Типичной характеристикой общества новой формации является стандартизация способов мышления и поведенческих схем, конформизм, унификация поведения людей, что приводит человека к потере собственного «я». «Расширяется “псевдокультурное” поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу узнавания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур» [11, с. 36]. Все выше указанное усиливается острой разобщенностью индивидов, что переходит в явно выраженную враждебность, а иногда — в противостояние. Происходят процессы слома «старых» социальных и духовных структур, присущих «традиционным» вариантам общества, для которых характерны устойчивые связи, укоренившиеся нравственные и эстетические ценности, более гармоничное мировосприятие. Отношения между индивидами носят характер «обрывочной» и сжатой во времени, поверхностной связи. Ортега-и-Гассет, рефлектируя о сущностных параметрах современной действительности, утверждает, что каждому «я» свойственно свое «здесь», т.е. глубокое соотношение себя с частью остро ощущаемого бытия. Так как «другому» присуще свое, несхожее «здесь», то эти многочисленные «здесь» разнятся. В этом, по мнению испанского мыслителя, кроется трагизм одиночества людей. Гассет пишет: «Мы внеположны друг другу и потому в корне друг другу чужды» [12, с. 530]. Поэтому появление и приближение «другого» больше пугает и настораживает. В по-

следнее время все сильнее проявляется интерес к проблематике взаимоотношения людей. Иногда в философской литературе вместо понятия «Другой» встречается философско-нарративный концепт «Чужой», который имеет тенденцию к превращению в понятия «монстр», «враг», где степень «чужеродности» и отрицательного отношения нарастает. В этом, по мнению авторов, скрывается явное стремление — «движение от Чужого, его “демонизация”, превращение во врага и монстра» [13, с. 51].

Список литературы

1. *Бердяев Н. Л.* Толстой // Н. Бердяев о русской философии / сост., вступ. ст. и прим. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. II. 239 с.
2. *Бердяев Н.* Миросозерцание Достоевского // Н. Бердяев о русской философии / сост., вступ. ст. и прим. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. I. 288 с.
3. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
4. *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация) // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
5. *Бердяев Н.А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. 220 с.
6. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства / сост., предисл. и прим. Л.В. Полякова. М.: ИМА-пресс, 1990. 280 с.
7. *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
8. *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения) // Бердяев Николай Александрович. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 380 с.
9. *Большов О.Ф.* Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 348 с.
10. *Марков Б.В.* Коммуникация, феноменология и экзистенция: К. Ясперс и М. Хайдеггер. История современной зарубежной философии: компаративистский подход / А.С. Колесников, М.Я. Корнеев, Б.В. Марков и др. СПб.: Лань, 1997. 244 с.
11. *Мионов В.В.* Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.
12. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.
13. *Романова А.П., Якушкин С.Н.* Чужой как объ-

активная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 49–55.

14. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии: пер. с фр. / предисл., прим. В.И. Колядко. М.: Республика, 2004. 306 с.
15. *Солдатова О.Н.* Сравнительный анализ проблемы общения в философских воззрениях Н.А. Бердяева и К. Ясперса: дис. ... канд. филос. наук / Нижегород. гос. пед. ун-т. Н. Новгород. 2007. 185 с.
16. *Хамитов Н.В.* Философия одиночества. Опыт вживания в проблему. Одиночество женское и мужское. Киев: Наукова думка, 1995. 171 с.
17. *Хоружий С.С.* Как обходиться без бытия, или механика Платона // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 50–66.
18. *Штопельман Г.М.* Феномен человека в деятельном и логико-культурном аспектах // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 116–127.

Получено 29.09.2015

References

1. Berdyaev N. [L. Tolstoy]. *Berdyaev o russkoj filosofii* [Berdyaev on the Russian philosophy]. Sverdlovsk: Ural University Press, 1991, 239 p. (In Russian).
2. Berdyaev N. [Philosophy of Dostoevsky]. *Berdyaev o russkoj filosofii* [Berdyaev on the Russian philosophy]. Sverdlovsk: Ural University Press, 1991, 288 p. (In Russian).
3. Berdyaev N.A. [Slavery and freedom. Experience of personalist philosophy]. *Berdyaev N.A. Tsarstvo duha i tsarstvo kesarya* [Berdyaev N.A. Realm of the spirit, and the kingdom of Caesar] Moscow: Respublika Publ., 1995, 383 p. (In Russian).
4. Berdyaev N.A. [Experience of eschatological metaphysics (Creativity and objectification)]. *Berdyaev N.A. Tsarstvo duha i tsarstvo kesarya* [Berdyaev N.A. Realm of the spirit, and the kingdom of Caesar] Moscow: Respublika Publ., 1995, 383 p. (In Russian).
5. Berdyaev N.A. *Samopoznanie: opyt filosofskoj avtobiografii* [Self-knowledge: experience of philosophical autobiography]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 220 p. (In Russian).
6. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, IMA-Press Publ., 1990, 280 p. (In Russian).
7. Berdyaev N.A. *Tsarstvo duha i tsarstvo kesarya* [Realm of the spirit, and the kingdom of Caesar] Moscow: Respublika Publ., 1995, 383 p. (In Russian).
8. Berdyaev N.A. [I and the world of objects (Experience the philosophy of solitude and communication)]. *Filosofiya svobodnogo duha* [The philosophy of free spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 380 p. (In Russian).
9. Bol'nov O.F. *Filosofiya ekzistentsianolizma* [The philosophy of existentialism]. Saint Petersburg, Lan' Publ., 1999, 348 p. (In Russian).
10. Markov B.V. *Kommunikatsiya, fenomenologiya i ekzistentsiya: Haidegger i Karl Yaspers. Istoriya sovremennoj zarubezhnoj filosofii: komparativnyj podhod* [Communication and existential phenomenology: Heidegger and Karl Jaspers. History of modern foreign philosophy: comparative approach]. Saint Petersburg, Lan' Publ., 1997, 244 p. (In Russian).
11. Mironov V.V. [Communication space as a factor of transformation of modern culture and philosophy]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2006, no 2, pp. 27–43. (In Russian).
12. Ortega y Gasset J. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Moscow, Ves' mir Publ., 1997, 704 p. (In Russian).
13. Romanova A.P., Yakushenkov S.N. [Alien as an objective reality, given us in sensation and reflection]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2013, no 2, pp. 49–55. (In Russian).
14. Sartre J.P. *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: experience of phenomenological ontology]. Moscow, Respublika Publ., 2004, 306 p. (In Russian).
15. Soldatova O.N. *Sravnitel'nyj analiz problemy obshcheniya v filosofskih vozreniyah N.A. Berdyaeva i K. Yaspersa: dis. ... kand. filoz. nauk* [Comparative analysis of communication problems in philosophical views of N.A. Berdyaev and K. Jaspers: dissertation of candidate of philosophical sciences]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Publ., 2007, 185 p. (In Russian).
16. Khamitov N.V. *Filosofiya odinochestva. Opyt vzhivaniya v problemu. Odinochestvo zhenskoe i muzhskoe* [The philosophy of solitude. The experience of getting used to the problem. Loneliness male and female]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1995, 171 p. (In Russian).
17. Horuzhij S.S. [How to be without being or mechanic of Plato]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2013, no 10, pp. 50–66. (In Russian).
18. Shtopelman G.M. [The phenomenon of human activity and the logical and cultural aspects]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2014, no 8, pp. 116–127. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 29.09.2015

Об авторе

Багаева Ольга Николаевна

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; e-mail: olga_bagaeva1@yahoo.com

About the author

Bagaeva Olga Nikolaevna

Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer of Department of Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, 31a, Minin str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia; e-mail: olga_bagaeva1@yahoo.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Багаев О.Н. Проблема одиночества и отчуждения в философии XX века // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 46–51.

Please cite this article in English as:

Bagaeva O.N. The problem of loneliness and alienation in the philosophy of the XX century // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 46–51.

УДК 111.1:33

ТРАНСЛЯЦИЯ ЗНАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ: К ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Соболев Николай Андреевич

Школа философии НИУ «Высшая школа экономики»

Исследование проблемы трансляции знания научной и философской мыслью претерпело значительные изменения. Если изначально акцент ставился на трансляцию знаний от индивида к индивиду, а позже в 60-е гг. XX в. — как между индивидами, так и между организациями, то в 90-е гг. трансляция знания рассматривается уже как управленческий процесс. В настоящее время наиболее актуальным становится вопрос о том, что такое знание, трансляцией которого мы пытаемся управлять, и каковы его свойства. В рамках дисциплины, исследующей данный процесс — менеджмента знания, сформировались несколько подходов. Их отрицательной стороной является недостаточная обоснованность в выборе того или иного варианта ответа на вопрос, что такое знание. В настоящей работе утверждается, что для его решения необходимо обратиться к истокам менеджмента знания, лежащим в предметном поле эпистемологии. Выяснилось, что рассматриваемая дисциплина в своей основе опирается на теорию социального конструкционизма, поэтому в ней имплицитно воспроизводится подход к знанию, используемый в этой эпистемологической теории. Данный подход включает в себя такие свойства знания, как организационность, воплощённость, прагматичность, конструируемость. Трансляция знания в менеджменте рассматривается в рамках «подхода воплощённого знания», согласно которому любое знание всегда выражено в деятельности субъекта, и поэтому трансляция знания зависит от контекста самой деятельности, а успех данного процесса определяется тем, насколько переданное знание смогло быть воплощено.

Ключевые слова: знание; трансляция знания; менеджмент знания; эпистемология; социальный конструкционизм.

KNOWLEDGE TRANSFER IN MANAGEMENT: THE PROBLEM STATEMENT

Nikolay A. Sobolev

The School of Philosophy, National Research University «Higher School of Economics»

An approach to knowledge transfer has dramatically transformed through the 20th century. While it was initially commonly regarded that knowledge transfers only between individuals, in 1960s the focus moved on how this process goes between organizations as well as individuals. In 1990s knowledge transfer became a managerial process. As for now, researchers face new question: what is knowledge which transfer is to be managed and what properties does it have? Knowledge management investigators adopted several answers to such a question, but, unfortunately, did not sufficiently grounded their choices. This paper argues that to solve such a question means to find out what definition of knowledge is implicitly used in knowledge management theory and practice. To do so, it should be clarified how the theory in which knowledge management originated defines knowledge and its properties. This paper shows that knowledge management has arisen from social constructionism. That means that the former applies to knowledge as being organizational, embodied, pragmatic and constructive. Thus, an approach to knowledge transfer implicitly used in knowledge management theory and practice can be described as «embodied knowledge approach». According to it, knowledge always exists in activity of a person or an organization so that to have knowledge successfully transferred means to reconstruct the context of activities in which the knowledge was initially embodied. The results of this paper would be important for both epistemology and knowledge management because they provide a linkage between both subject fields.

Key words: knowledge; knowledge management; knowledge transfer; epistemology; social constructionism.

Представители научной и философской мысли неоднократно обращались к проблеме трансляции знания — важной составляющей общественной жизни. Изначально акцент делается на трансляцию знаний между индивидами, а с 60-х гг. XX в. — как между индивидами, так и между организациями. В 90-е гг. трансляция знания рассматривается уже как управленческий процесс: это было связано с появлением нового научного и практического направления — менеджмента знания [1]. Целью данной области управленческой науки было управление генерацией, трансляцией и использованием знания. Будучи изначально набором практик, менеджмент знания становится активно развивающейся прикладной дисциплиной [12]. Причем с конца 2000-х гг. внимание исследователей привлекает новый аспект: что такое знание, трансляцией которого мы пытаемся управлять, и каковы его характеристики?

Актуальность подобной постановки для практической сферы бесспорна. Действительно, для создания эффективных технологий обмена знаниями необходимо иметь представления о свойствах передаваемого объекта. Это означает, что нужно не отдельное определение знания, а концепция, в которой описываются его свойства и условия, при которых оно возможно, другими словами — эпистемологическая теория. Таким образом, перед менеджментом встал вопрос: на основе каких эпистемологических теорий следует рассматривать проблему трансляции знания?

Возможны несколько вариантов решения. Один из них — выработка подхода, отвечающего задачам, стоящим перед практикой трансляции знания и их теоретических обобщений. Так, Б. Выссусек с коллегами предлагает социопрагматический подход к трансляции знания [15], апробированный ими для решения конкретных задач в области создания информационных систем [16]. Его минус заключается в том, что никакая теория не может охватить всех возможных явлений. Следовательно, для более полного охвата реальности необходимы несколько концепций, что и предлагают такие исследователи, как Н. Джейкобсон [5]. К сожалению, в данном случае трудно аргументировать выбор конкретных направлений развития теории трансляции знания. Сама Джейкобсон считает, что в качестве базиса следует опираться на теории социальной эпистемологии, но аргументирует это лишь тем, что в последние годы большей популярностью пользуются исследования, посвященные внутри- и межорганизационному распространению знания [5, p. 120].

Мы предлагаем рассмотреть знание в рамках теории, которая бы легла в основу менеджмента знания. При этом само выявление данной теории сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, многие организации, которые занимаются управлением знания, редко определяют для себя искомый термин [11]. Во-вторых, несмотря на то, что в теории менеджмента знания предлагаются разные определения данного термина [9], как правило, при этом не ссылаются на другие дисциплины, прежде всего на эпистемологию. Многие исследователи, например П. Ламбе, отмечают наличие такой «академической забывчивости», приводящей к эффекту «изобретенного велосипеда» — идеи, которые в менеджменте знания считаются очевидными, на самом деле были взяты из более ранних теорий, например, из теории организаций [7].

Таким образом, можно предположить, что менеджмент знания так или иначе неявно ссылается на определённую эпистемологическую теорию. На наш взгляд, таковой является социальный конструктивизм (конструкционизм). Суть данной теории, изложенной П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности», заключается в следующем. Находясь в обществе, человек сталкивается с реальностью, обусловленной социальным взаимодействием людей. Даже обращаясь, казалось бы, к внесоциальной реальности (природе), человек использует язык, который существует благодаря социальным взаимодействиям. Более того, субъект социализируется и усваивает знания посредством этих же взаимодействий. Следовательно, знание о реальности, сконструированной обществом, также конструируется благодаря этому же обществу. А поскольку социальная среда постоянно изменяется, то процесс конструирования и того, и другого (знания о реальности и самой реальности) происходит постоянно [2].

Подобный подход к знанию (часто ограниченный конструированием знания в рамках организации) теоретики менеджмента знания нередко маркируют как либо господствующий в данной дисциплине [9, 14], либо один из основных [5, 11]. Согласно Х. Цукасу, организация есть не что иное, как распределённое знание. Действительно, все участники организационных процессов обладают компетенциями, позволяющими им данные процессы осуществлять. Последние, в свою очередь, сами являются результатом организационной деятельности. Даже если организация начинается с нуля, то через некоторое время её члены приобретают специфическое знание, характерное

только для неё и реализуемое в ходе её жизнедеятельности [13]. М. Демаре, описывая отношение коммерческих фирм к термину «знание», указывает на такие характеристики данного предмета, как социальная природа и прагматическая направленность [3]. Первое означает, что знание в организации генерируется и используется множеством людей одновременно: во многих случаях нельзя точно сказать, кто именно сгенерировал знание о правильном ходе организационного процесса. Второе означает, что организацию не интересует истинность знания, если это не сказывается на работоспособности фирмы. Высокие индексы цитирования данных работ позволяют утверждать, что подобная точка зрения является достаточно распространённой в среде теоретиков рассматриваемой дисциплины.

Однако популярность подхода не означает, что менеджмент знания изначально формировался под влиянием социального конструктивизма. Действительно, практика управления знанием формировалась независимо в компаниях разных стран — США, Швеции, Японии. Следовательно, в разных местах должны были сформироваться различные подходы. Тем не менее, по утверждению А. Серенко и Н. Бонтиса, упомянутые различия касаются прежде всего конкретных управленческих практик, но практически не влияют на становление менеджмента знания как дисциплины [12].

Возможно ещё одно возражение на утверждение о происхождении менеджмента знания от теории социального конструктивизма. Любая теория всегда формируется под воздействием нескольких концепций, при этом возможна ситуация, когда ни одна из них не оказывает определяющего влияния. Для ответа на подобный контраргумент следует обратиться к истокам рассматриваемой дисциплины. Менеджмент знания формировался на основе теории организаций [7] и некоторыми исследователями считается её органичной частью [12]. В данной теории примерно с 80-х гг. XX в. возникла мысль, что организация может быть субъектом работы со знанием, а с середины 90-х данная точка зрения стала доминировать [4]. Этот феномен объясняется тем фактом, что классический труд по менеджменту знания И. Нонаки и Х. Такеучи «Компания, создающая знание» не только признаёт социальную природу знания, но и прямо ссылается на фундаментальный труд П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [10, р. 64]. Кроме того, А. Лаймон и Л.Э. Бастиас указывают на существенное влияние работ У. Матураны и Ф. Варелы (авторов теории автопоэзиса) на ста-

новление теории организаций и — далее — менеджмента знания [8].

Таким образом, имеются основания утверждать, что рассматриваемая дисциплина сформировалась под влиянием социального конструктивизма, т.е. фактически является практическим приложением данной теории. Следовательно, мы можем ответить на вопрос: какими свойствами обладает знание, трансляция которого понимается, как управленческий процесс?

1. Организационность. Знание — это не столько компетенции конкретного человека, сколько то, чем обладает организация как целое, не сводимое к сумме своих частей. Иными словами, допускается, что может существовать нечто, чего не знает ни один человек в организации, но что знает организация как целое.

2. Прагматичность. Истинность имеющегося знания определяется через прагматический критерий: знание считается истинным постольку, поскольку следствия из него подтверждаются в ходе деятельности.

3. Конструируемость. Знание получается как результат деятельности организации и существует в организационном контексте и в рамках организационных процессов.

4. Воплощённость. Организация обладает знанием, если воплощает его в своей непосредственной деятельности. Так, если у завода есть чертежи прибора, то он обладает информацией, а если он его производит, то знанием.

Следовательно, трансляция знания — это процесс, в ходе которого одна организация реконструирует знание, воплощённое в деятельности другой организации. Далее, можно сделать выводы о том, как возможна трансляция такого рода знания:

1) передача знания всегда происходит внутри некоего контекста (социального, организационного), в рамках которого оно существует;

2) транслировать знание значит частично воспроизвести организационный контекст, в котором оно существовало изначально. Поэтому возможности трансляции знания ограничены возможностями воспроизведения того же контекста в других условиях;

3) в ходе процесса передачи знания реципиент получает как явное, так и неявное знание, при этом передача последнего может даже не осознаваться участниками процесса;

4) транслируемое знание в любом случае будет изменено, поскольку организационный контекст источника знания и реципиента всегда различается (поэтому возможны ситуации, когда в ходе трансляции уже имеющегося знания генерируется

новое, которое может представлять интерес и для реципиента, и для организации-источника);

5) передача знания прошла успешно, если субъект смог использовать знание в своей деятельности;

6) на качество передачи знания положительно влияет количество общих знаний источника и получателя знания (с учётом общности контекста этого знания), наличие устойчивых каналов трансляции и способность реципиента к усвоению нового.

Вышеуказанный подход уместно было бы обозначить как «подход воплощённого знания». Предложенная формулировка подразумевает, что любое знание всегда выражено в деятельности субъекта, поэтому трансляция знания зависит от контекста самой деятельности, а успех данного процесса определяется тем, насколько переданное знание смогло быть воплощено.

Разумеется, тот факт, что менеджмент знания развивает идеи социального конструктивизма, не означает, что указанный выше подход к знанию и его трансляции является для менеджмента знания единственно правильным. Н. Джейкобсон справедливо утверждает, что в зависимости от того, на какой эпистемологической теории основываться, можно получить разные варианты постановки вопроса исследований трансляции знания, а с ними — и новые технологии [5, p. 122–123]. При этом полученные нами выводы имеют важные следствия не столько для управления, сколько для эпистемологии.

1. Поскольку менеджмент знания развивает идеи социального конструктивизма, данная теория получает доступ к значительному эмпирическому материалу, который следует обработать и использовать для её усовершенствования.

2. Согласно М. Куллу, имеется спрос на трактовку термина «знание» со стороны практиков менеджмента знания [6]. Для исследователей в области эпистемологии это означает социальный заказ на создание приложений существующих теорий познания — не обязательно социально-эпистемологических.

3. В данной статье был показан прецедент трансляции эпистемологического знания в управленческое. На наш взгляд, подобное явление заслуживает внимательного изучения, так как позволяет определить место эпистемологии среди других отраслей знания.

Отдельно следует указать на отечественную традицию исследований трансляции знания, которая развивалась аналогично западной (по Т. Беккеру). Действительно, в отечественной

мысли уделялось внимание передаче знания как между индивидами (например, в работах Л.С. Выготского), так и между организациями (например, в работах Московского методологического кружка и организационно-деятельностных играх Г.П. Щедровицкого). Из-за распада СССР в отечественной мысли не успел сформироваться третий этап — рассмотрение трансляции знания как управленческого процесса. Тем не менее, на наш взгляд, в отечественных разработках накоплен достаточный потенциал для формирования российской школы управления знанием.

Подводя итог, отметим, что выявление эпистемологических корней менеджмента знания не только позволяет понять, каковы свойства знания, трансляцией которого мы пытаемся управлять, но и открывает пространство для исследований как в области эпистемологии, так и в области управления.

References

1. Backer T.E. Knowledge utilization. The third wave. *Science Communication*. 1991. Vol. 12, no 3. P. 225–240. (In English).
2. Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. N.Y.: Anchor Books, 1967. 219 p. (In English).
3. Demarest M. Understanding knowledge management. *Long Range Planning*. 1997. Vol. 30, no 3. P. 374–384. URL: [http://doi.org/10.1016/S0024-6301\(97\)90250-8](http://doi.org/10.1016/S0024-6301(97)90250-8) (accessed 12.01.2016). (In English).
4. Easterby-Smith M., Crossan M., Nicolini D. Organizational Learning: Debates Past, Present And Future. *Journal of Management Studies*. 2000. Vol. 37, no 6. P. 783–796. URL: <http://doi.org/10.1111/1467-6486.00203> (accessed 12.01.2016). (In English).
5. Jacobson N. Social Epistemology Theory for the “Fourth Wave” of Knowledge Transfer and Exchange Research. *Science Communication*. 2007. Vol. 29, no 1. P. 116–127. URL: <http://doi.org/10.1177/1075547007305166> (accessed 12.01.2016). (In English).
6. Kull M.D. *Stories of knowledge management: Exploring coherence in a community of practice*. George Washington University. 2002. URL: <http://amplifi.com/KMcourse/StoryofKM.pdf> (accessed 12.01.2016). (In English).
7. Lambe P. The unacknowledged parentage of knowledge management. *Journal of Knowledge Management*. 2011. Vol. 15, no 2. P. 175–197. URL: <http://doi.org/10.1108/13673271111119646> (accessed 12.01.2016). (In English).
8. Limone A., Bastias L.E. Autopoiesis and

- knowledge in the organization: Conceptual foundation for authentic Knowledge Management. *Systems Research and Behavioral Science*. 2006. Vol. 23, no 1. P. 39–49. URL: <http://doi.org/10.1002/sres.745> (accessed 12.01.2016). (In English).
9. McAdam R., McCreedy S. (). A critique of knowledge management: using a social constructionist model. *New Technology, Work and Employment*. 2000. Vol. 15, no 2. P. 155–168. URL: <http://doi.org/10.1111/1468-005X.00071> (accessed 12.01.2016). (In English).
 10. Nonaka I., Takeuchi H. *The knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation*. Boston: Oxford university press. 1995. URL: <http://www.google.com/books?hl=ru&lr=&id=tmziBwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA3&dq=knowledge+creating+company&ots=pR6jJTxEyx&sig=A7vcPVSXBZf8eq25jzwGyVwG2K4> (accessed 12.01.2016). (In English).
 11. Schultze U., Stabell C. Knowing what you don't know? Discourses and contradictions in knowledge management research. *Journal of Management Studies*. 2004. Vol. 41, no 4. P. 549–573. URL: <http://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2004.00444.x> (accessed 12.01.2016). (In English).
 12. Serenko A., Bontis N. The intellectual core and impact of the knowledge management academic discipline. *Journal of Knowledge Management*. 2013. Vol. 17, no 1. P. 137–155. URL: <http://doi.org/10.1108/13673271311300840> (accessed 12.01.2016). (In English).
 13. Tsoukas H. The firm as a distributed knowledge system: a constructionist approach. *Strategic Management Journal*. 1996. Vol. 17(S2). P. 11–25. (In English).
 14. Venters W. Knowledge management technology-in-practice: a social constructionist analysis of the introduction and use of knowledge management systems. *Knowledge Management Research & Practice*. 2010. Vol. 8, no 2. P. 161–172. URL: <http://doi.org/10.1057/kmnp.2010.8> (accessed 12.01.2016). (In English).
 15. Wysusek B., Schwartz M., Kremberg B. (). Knowledge management—a sociopragmatic approach. *Proceedings of the 2nd European Conference on Knowledge Management, Slovene*. Seattle: Citeseer, 2001. P. 767–776. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.20.5850&rep=rep1&type=pdf> (accessed 12.01.2016). (In English).
 16. Wysusek B., Schwartz M., Kremberg B. Targeting the social: a sociopragmatic approach towards design and use of information systems. *Issues and trends of information technology management in contemporary organizations* (). Seattle: Citeseer, 2002. P. 832–835. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.14.9523&rep=rep1&type=pdf> (accessed 12.01.2016). (In English).

Получено 25.01.2016

The date of the manuscript receipt 25.01.2016

Об авторе

Соболев Николай Андреевич
аспирант школы философии

НИУ «Высшая школа экономики»,
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4;
e-mail: sobolevna@gmail.com

About the author

Sobolev Nikolay Andreevich
PhD student of School of Philosophy

National Research University «Higher School
of Economics»,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066,
Russia;
e-mail: sobolevna@gmail.com

Проблема ссылаются на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соболев Н.А. Трансляция знания в управлении: к вопросу о постановке проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 52–56.

Please cite this article in English as:

Sobolev N.A. Knowledge transfer in management: the problem statement // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 52–56.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

**ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ И РЕФЛЕКСИВНЫЕ АДАПТАЦИИ
ХАРАКТЕРА: ИЗОМОРФИЗМ ИЛИ ПОЛИМОРФИЗМ?***Щебетенко Сергей Александрович**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Изучался возможный изоморфизм структуры рефлексивных адаптаций в отношении черт личности. 1030 студентов заполняли «Вопросник Большой Пятерки» и ряд его модификаций, измеряющих рефлексивные адаптации характера, включая диспозициональную эффективность, отраженные черты, «прямые» и отраженные установки на черты. Изоморфизм предполагал, что при факторизации пунктов вопросника черт и его модификации произойдет конвергенция пяти факторов, получаемых в двух соответствующих версиях теста. Полный изоморфизм был получен для отраженных черт. Для диспозициональной эффективности изоморфизм наблюдался по трем чертам (добросовестность, нейротизм и открытость). Для установок на черты было получено лишь сходство по четырем чертам, а для отраженных установок — лишь по добросовестности. Вопрос об альтернативной структуре рефлексивных адаптаций решался посредством одновременного использования семи критериев определения числа факторов: очень простой структуры, минимальной средней остаточной корреляции, корня из средней квадратической ошибки аппроксимации, параллельного анализа, иерархического кластерного анализа, метода каменистой осыпи и критерия Кайзера. Были разработаны тактические критерии для выбора наиболее адекватного решения. Было показано, что для диспозициональной эффективности оптимальным является 7-факторное решение. Наряду с соответствующими «Большой Пятерке» двумя факторами поведения в «добросовестных» и «нейротических» ситуациях оно предполагало разделение открытости опыту на факторы поведения в ситуациях креативности и эрудированности, а также факторы поведения во враждебных ситуациях, ситуациях сдержанной тактичности и позитивной общительности. «Прямые» и отраженные установки на черты наилучшим образом описывались 2-факторными моделями, факторы в которых соответствовали метачертам пластичности и стабильности.

Ключевые слова: черты личности; пятифакторная теория; факторный анализ.

**PERSONALITY TRAITS AND REFLEXIVE CHARACTERISTIC
ADAPTATIONS: THE ISOMORPHISM OR A POLYMORPHISM?***Sergey A. Shchebetenko**Perm State University*

The present study examined the previously hypothesized isomorphism in the structures of personality traits and their reflexive characteristic adaptations. One hundred thirty undergraduates completed a Russian version of the Big Five Inventory and a number of its modifications aimed to four reflexive characteristic adaptations including trait efficacy, meta-traits, attitudes toward traits, and meta-attitudes toward traits. To test the isomorphism hypothesis, Tucker's congruence coefficient was employed which sought for an iterative congruence of the five-factor structures of traits and reflexive adaptations. However, the full isomorphism was warranted for meta-traits only. For trait efficacy, the factor congruence was manifested regarding three traits—conscientiousness, neuroticism, and openness. Four traits demonstrated similarity regarding attitudes toward traits, whereas among meta-attitudes a similarity was found for conscientiousness only. To determine

the numbers of factors that should be retained for reflexive characteristic adaptations, seven various statistical criteria were used and a number of logical steps for the final decision were developed. A 7-factor solution was found to be optimal for trait efficacy. Along with two factors relevant for the five-factor model — namely the efficacy in conscientious- and neurotic-driven situations — the solution includes the factors of the efficacy in creativity- and erudition-driven situations originated from the openness factor as well as the efficacy in situations of hostility, reserved tactfulness, and positive sociability. The two-factor solutions consistent with the stability/plasticity model fitted best for attitudes and meta-attitudes toward traits.

Key words: personality traits; five-factor theory; factor analysis.

В 5-факторной теории (ПФТ [30]) черты личности, относящиеся к базовым тенденциям, противопоставлены адаптациям характера. В череде последних ранее были выделены рефлексивные адаптации характера, относящиеся к мониторингу (рефлексии) индивидом своих черт, а также идеи индивидуальных различий в принципе [13]. В публикациях различаются четыре рефлексивных адаптации: диспозициональная эффективность (самооценка успешности реагирования на ситуации, релевантные данной черте), отраженная черта (самооценка восприятия черты индивида значимыми другими), установка на черту (положительная/отрицательная оценка черты индивидом), отраженная установка на черту (мнение индивида об установках на данную черту, присущих значимым другим). Одним из ключевых гипотетических допущений является структурный изоморфизм каждой рефлексивной адаптации в отношении черт личности [13].

Две системы называются изоморфными, если между их элементами, функциями, свойствами и отношениями, осмысленными для этих систем, существует или может быть установлено взаимнооднозначное соответствие [11]. Два множества А и В находятся во взаимнооднозначном соответствии, если каждому элементу множества А соответствует один и только один элемент множества В, и наоборот [1].

В психологии применение изоморфизма имеет давнюю историю, начиная с таких хрестоматийных идей, как архетипы в аналитической психологии К. Юнга [14] или принцип изоморфизма в гештальтпсихологии [28]. В современной российской психологии принцип изоморфизма объясняет широкий круг проблем и феноменов, включая проблемы организационной психологии [5], отношения личности и общества [4], различные аспекты Я-концепции [8], психологические защиты матери и ребенка [10] и т.п. Изоморфизм и гомоморфность играют важную роль в формировании программы интегрального исследования индивидуальности [7]. Так, изоморфизм как объяснительный принцип связи свойств разного порядка

(например, темперамента и нервной системы [9]), подвергается в этом подходе критике [7, с. 75] и противопоставляется полиморфизму. Последний при этом рассматривается в качестве основополагающего принципа исследования индивидуальности [2; 3; 7, с. 76]. В то же время отмечается, что гомоморфность может иметь место, например, в отношениях разного порядка, в частности, нервной системы и темперамента [7, с. 75].

В контексте рефлексивных адаптаций характера под изоморфизмом понимается взаимнооднозначное соответствие структур любой рефлексивной адаптации и 5-факторной структуры черт личности. Таким образом, мы исходили из допущения, что любая рефлексивная адаптация состоит из пяти компонентов, прямо релевантных экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизму и открытости опыту. Однако прямой тест этого изоморфизма до сих пор не был проведен. Настоящая работа восполняет этот пробел.

Исследование решает две задачи. Во-первых, если для измерения некоторой рефлексивной адаптации использовать модифицированную версию стандартного вопросника черт личности, то изоморфизм будет проявляться в сходстве факторов, извлеченных из отдельных пунктов «классической» и модифицированной версий. Таким образом, задачей исследования было изучение конвергенции факторов в моделях черт с факторами в моделях рефлексивных адаптаций.

H1: При факторизации пунктов вопросника черт личности и его модификации для измерения рефлексивной адаптации происходит конвергенция пяти факторов, получаемых в двух соответствующих версиях теста.

Во-вторых, если гипотеза H1 не получит своего подтверждения в части хотя бы одной рефлексивной адаптации, возникнет следующий исследовательский вопрос:

Q1: Какова иная, не пятифакторная (или пятифакторная, но качественно иная) структура данной рефлексивной адаптации?

Метод

Участники исследования

В исследовании приняли участие 1030 студентов одного из российских университетов в возрасте от 17 до 38 лет ($M = 19.65$, $SD = 1.72$). Одна участница не сообщила своего возраста. Среди участников была 691 женщина (67.1 %).

Вопросники

Участники заполняли русскую версию [37] 44-пунктного «Вопросника Большой Пятерки» (Big Five Inventory, BFI [25]), а также ряд его модификаций, измеряющих рефлексивные адаптации характера. Подшкалы всех вопросников продемонстрировали приемлемый уровень внутренней согласованности, $.66 < \alpha < .87$. Исключение составили подшкалы установок на экстраверсию и отраженных установок на экстраверсию, $\alpha = .57$ и $.51$, соответственно (подробнее см. [13]).

Статистическое решение

Гипотеза

Для оценки изоморфизма можно применить индекс конгруэнтности факторов ϕ Такера [27]. Индекс ϕ варьируется в диапазоне от -1 до +1. Значения $.84 < \phi < .95$ свидетельствуют о существенном сходстве факторов, $\phi > .94$ говорит об идентичности факторов. Хотя обычно ϕ используется для оценки сходства факторов, извлеченных из разных выборок, описанный выше подход к измерению рефлексивных адаптаций делает применение этого индекса вполне адекватным для внутригрупповых сравнений. Для измерения ϕ использовалась функция `factor.congruence` пакета `psych` [33].

Исследовательский вопрос

Основным методом изучения структуры личностных данных, получаемых в вопросниках, остается факторный анализ. Одна из его ключевых проблем заключена в определении числа факторов «извлекаемых», т.е. имеющих какой-либо смысл, согласующийся с теорией и «реальностью». В контексте Q1 эта проблема является ключевой.

Существует множество способов определения числа факторов — от чисто визуальных [18] до аналитических [23, 35]. При этом постоянно появляются новые средства анализа (напр., [16]). В конечном счете определение подходящего числа факторов является вопросом интуиции и теоретического смысла, который видит исследователь.

Памятуя о том, что в науке мы имеем дело с моделями реальности, поиск «истинного» числа факторов может быть не самым правильным занятием. Как отмечают Причер с коллегами [32], более пригодной задачей для исследователя, обращающегося к эксплораторному факторному анализу, должно стать определение *оптимального* числа факторов [32, р. 31]. При этом под таковым имеется в виду «лучшее число факторов, которые следует извлечь для соответствия данному критерию, направленному на достижение некоторой эксплицитно поставленной научной цели» [32, р. 31].

На практике разные способы оценки числа факторов используются непропорционально: явное преимущество отдается критерию Кайзера, несмотря на его регулярную критику. Более продуктивным выглядит одновременное использование нескольких критериев определения числа факторов, что и делается в ряде работ (напр., [29; 36]). Однако при этом практически гарантирован обескураживающий результат: разные критерии «порекомендуют» исследователю разное число факторов [34].

В этом контексте была выбрана следующая стратегия:

(1) протестировать несколькими критериями число факторов, извлекаемых из BFI при диагностике четырех рефлексивных адаптаций и собственно черт личности;

(2) изучить, насколько 5-факторная структура является релевантной данному конструкту. Если несколько критериев ее поддержат, то отдать предпочтение ей — в силу теоретических соображений;

(3) в противном случае — изучить альтернативные факторные решения на предмет их состоятельности;

(4) если факторное решение обусловлено скорее психометрическими проблемами теста, то отклонить его. Психометрические проблемы могут выражаться в расщеплении шкалы по принципу реверсивности пунктов (прямые/обратные), в выделении подгруппы в силу лексического сходства входящих в нее пунктов, без видимого психологического основания и т.п.;

(5) если факторное решение можно объяснить в терминах других уровней личностной иерархии 5-факторной структуры, то принять его. Таковыми могут быть метачерты и аспекты черт [20];

(6) если фактор образован в результате комбинации пунктов, изначально входящих в разные шкалы, попытаться его проинтерпретировать, и в случае понятной интерпретации — принять.

Использовались следующие процедуры определения числа факторов:

1) метод очень простой структуры (*very simple structure*, VSS [35]), предполагающий сравнение исходной матрицы корреляций с матрицей корреляций, полученной из «упрощенной» факторной структуры (функция *vss* в пакете *psych*). В такой матрице все нагрузки для каждой переменной, кроме максимальной (или двух максимальных — в зависимости от заданной степени сложности), приравниваются к нулю;

2) метод минимальной средней остаточной корреляции (*minimum average partial correlation* [39]), определяющий факторное решение, при котором матрица остаточных корреляций минимальна (функция *nfactors* в пакете *psych*);

3) корень из средней квадратической ошибки аппроксимации (RMSEA) (функция *nfactors* в пакете *psych*)¹. Кроме широко известного использования в структурном моделировании RMSEA применяется для определения числа факторов, извлекаемых в эксплораторном факторном анализе [32]. В этом случае лучшим решением является наименьшее число факторов, при котором RMSEA принимает значения менее условного (чаще всего $RMSEA < .06$ [24]);

4) параллельный анализ (*parallel analysis* [22]), предполагающий извлечение факторов до тех пор, пока собственные значения факторов эмпирических данных не прекращают превышать собственные значения случайных данных матрицы той же размерности (функция *fa.parallel* в пакете *psych*). Утверждается, что параллельный анализ является одним из наиболее точных методов определения числа факторов [40];

5) иерархический кластерный анализ (функция *iclust* в пакете *psych*). Является альтернативой факторному анализу. Укрупнение кластеров производится до тех пор, пока надежность кластеров, измеренных α Кронбаха и β Ревелля, не прекращает увеличиваться;

6) метод каменистой осыпи (*scree test* [18]), предполагающий анализ графика с поиском оптимальной точки замедления в снижении собственных значений факторов (функция *nScree* в пакете *nFactors*). Рекомендуемое число факторов предшествует точке замедления (излома) на графике;

7) критерий Кайзера ([26]; функция *nScree* в пакете *nFactors*), согласно которому фактор считается существенным, если его собственное значение $\lambda > 1^2$.

Для извлечения факторов использовался метод минимальных остатков (*minimal residual method*), осуществлялось косоугольное вращение об-лимин.

Результаты

Черты личности

В качестве предварительной задачи необходимо было оценить, насколько пункты BFI создают 5-факторную структуру, релевантную теоретической. Из пяти критериев два (VSS и RMSEA) поддержали 5-факторное решение (табл. 2). Пункты BFI распределились в соответствии с 5-факторной моделью с двумя оговорками (рис. 1). Во-первых, фактор Доброжелательности (MR5) был образован лишь четырьмя пунктами, характеризующими его негативный полюс, а также п. 29, относящимся формально к нейротизму («...может быть угрюмым»). Во-вторых, фактор Нейротизма (MR2) включил в себя с отрицательным знаком п. 26, относящийся к экстраверсии («...уверенный в себе»).

Параллельный анализ, MAP и критерий Кайзера поддержали 7-факторную структуру³. При этом два дополнительных фактора образованы, во-первых, позитивными пунктами Доброжелательности, не коррелировавшими с фактором ее негативных пунктов (Враждебности), $r = -.04$, и, во-вторых, фактором, выделившимся из Открытости опыту, полностью соответствующим 3-пунктному аспекту Эстетики (*Aesthetics* [38]). Этот фактор, в отличие от второго аспекта, Идей (*Ideas*), не кор-

¹ RMSEA считается одним из лучших критериев оценки правдоподобия (*verisimilitude*) модели, т.е. аппроксимации популяционной матрицы ковариаций предсказаниями модели на популяции [19]. Иными словами, RMSEA хорош в качестве критерия соответствия модели искомой «реальности», хотя и уступает информационным индексам типа AIC и BIC в плане оценки генерализованности модели, т.е. ее воспроизводимости на аналогичных выборках [32].

² Этот способ определения числа факторов используется по умолчанию в наиболее популярных программах типа SPSS или Statistica, что способствует его широкому распространению среди психологов [21]. Тем не менее, в литературе отмечается, что он является наихудшим из существующих средств [21], поскольку фактически представляет собой долю (1/3–1/6) от числа введенных в анализ переменных [34, 40].

³ Здесь и далее отсутствующие факторные диаграммы доступны: у автора, по запросу.

релировал с Экстраверсией, $r = .00$ (против $r = .35$ для Экстраверсии и Идей). В целом, согласно сформулированным выше критериям 7-факторная структура связана с ограничениями психометрического характера, а также дифференциальными корреляциями Экстраверсии с двумя аспектами Открытости.

Изоморфизм пятифакторной структуры

Между чертами личности и рефлексивными адаптациями был обнаружен частичный изоморфизм (табл. 1). Идентичность факторов была получена

для отраженных черт. Для диспозициональной эффективности идентичность наблюдалась по трем чертам, сходство — по доброжелательности, отсутствие сходства — по экстраверсии. Для установок на черты было получено сходство по четырем чертам и отсутствие сходства — по нейротизму. Наконец, для отраженных установок на черты лишь один фактор — добросовестность — показал сходство с соответствующей чертой, в то время как четыре остальных фактора были уникальными.

Таблица 1. Конгруэнтность пяти факторов черт личности и рефлексивных адаптаций характера (при извлечении пяти факторов).

Факторы	Черты личности									
	Э	Дж	Дс	Н	О	Э	Дж	Дс	Н	О
	Диспозициональная эффективность					Отраженная черта				
1	.33	.03	.09	-.11	.95	.15	-.06	.02	-.06	.98
2	.12	.05	.96	-.07	.02	.00	.10	.99	-.01	.01
2	.00	-.12	-.06	.97	.02	.98	.02	.05	-.13	.03
4	-.19	.86	.21	-.15	.04	.00	-.09	-.05	.98	.04
5	.81	.06	-.03	-.21	-.11	-.01	.97	.19	-.18	.08
	Установка на черту					Отраженная установка на черту				
1	-.02	.09	.86	-.40	.20	.58	-.23	.09	-.38	.66
2	.02	.09	-.06	-.04	.94	-.11	.11	.92	-.29	.06
3	.92	-.03	.07	-.04	.27	.24	.69	.18	-.61	-.05
4	-.26	-.38	-.10	.67	.09	-.22	.28	.04	.10	.74
5	.00	.88	.19	-.03	-.01	.25	.52	.14	.15	.17

Примечание. $N = 1030$. В таблице приведены значения коэффициента конгруэнтности факторов ϕ Такера. **Полужирный курсив** ($\phi > .94$) — идентичность факторов; **полужирный** ($.84 < \phi < .95$) — сходство факторов. Факторы черт названы в соответствии с составом пунктов. Для рефлексивных адаптаций приведены порядковые номера факторов. Э — экстраверсия, Дж — доброжелательность, Дс — добросовестность, Н — нейротизм, О — открытость опыту.

Структуры рефлексивных адаптаций

Далее оценивались число релевантных факторов и возможные факторные структуры для каждой из рефлексивных адаптаций характера (табл. 2).

Отраженные черты

Два критерия (VSS и иерархический кластерный анализ) поддержали 5-факторное решение для отраженных черт (рис. 2), которое соответствовало «Большой Пятерке». Доброжелательность вновь была образована четырьмя негативными пунктами и п. 29. Экстраверсия включила в себя п. 4 «...обычно эмоционально подавлен», формально входящий в Нейротизм. Решения, предлагающие 6–8 факторов, образованы на основе расщепления шкал Открытости и Добросовестности и потому выглядят продуктом психометрических ограничений.

Диспозициональная эффективность

Для диспозициональной эффективности ни один из критериев не поддержал 5-факторную модель. Таким образом, необходимо было искать альтернативное решение. 2-факторная структура, поддержанная VSS, не соответствовала модели стабильности/пластичности [20], а скорее характеризовала социально приемлемое и социально неприемлемое поведение, выраженное в «прямых» и реверсивных пунктах, соответственно. При 3-факторном решении, поддержанном кластерным анализом, один кластер состоял из пунктов Экстраверсии и Открытости (плюс три положительных пункта Доброжелательности (7, 17, 22)). Два остальных кластера вновь соответствовали приемлемому и неприемлемому поведению.

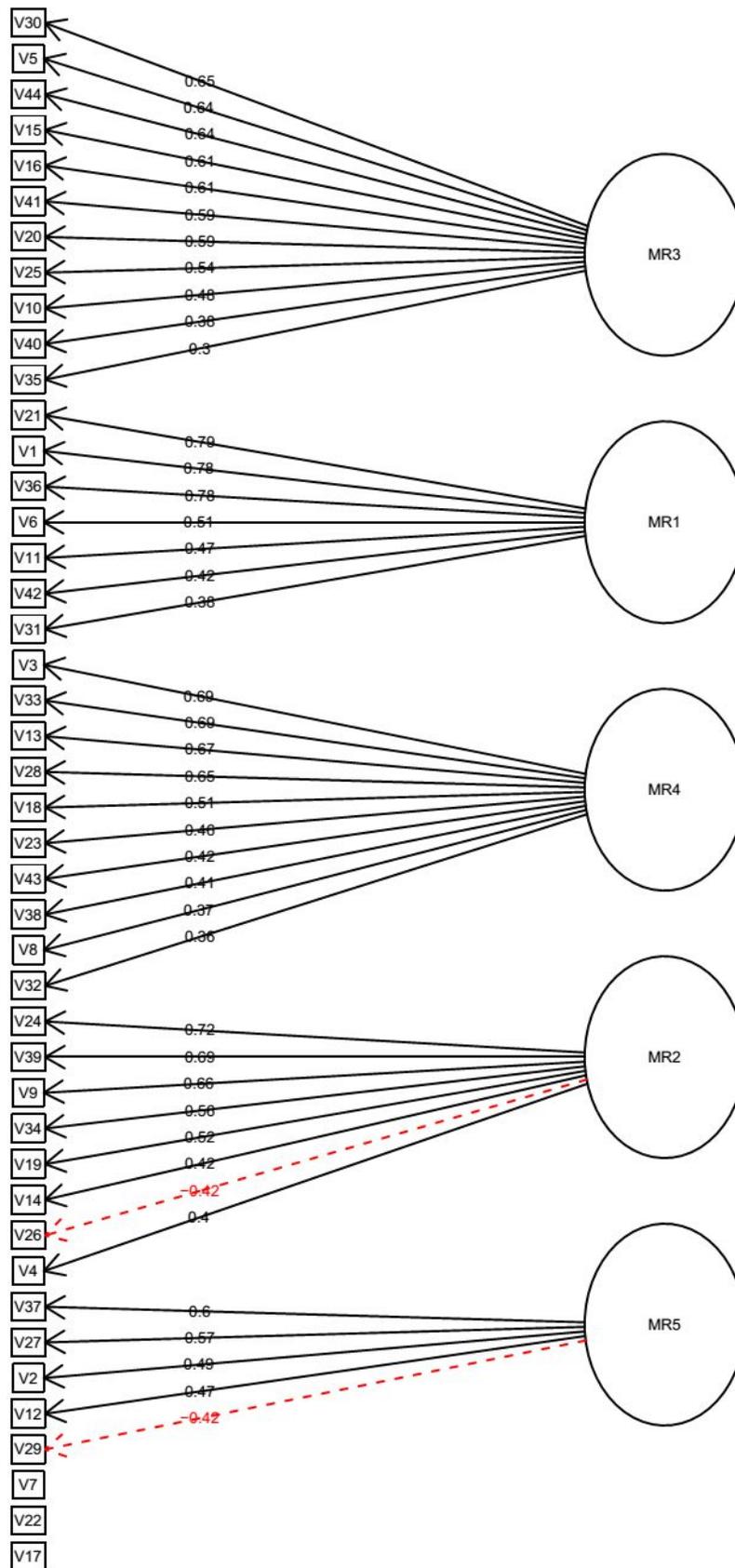

Рис. 1. Факторные нагрузки пунктов «Вопросника черт личности (BFI)» при измерении черт (5-факторное решение, метод минимальных остатков, вращение облимин; функция *fa.diagram* пакета *psych*). MR — факторы, V — пункты. Нумерация соответствует нумерации в BFI (см. ключ в приложении)

Таблица 2. Рекомендуемое число факторов в BFI, измерявшем черты личности и рефлексивные адаптации характера

Характеристики	КМО	χ^2 (Б)	VSS		MAP		RMSEA*			ПА	ИК	К	Кайзер	
			k	X_n/X_5	k	X_n/X_5	k	X_n/X_5 [90%CI]		k	k	λ_k/λ_5		
Черты личности	.87	15475.96	5	.53	7	.0068/.0083	5	.055 [.052; .056]		7	4	6	7	.43/.37
ДЭ	.89	18791.3	2	.55/.50	7	.0075/.0093	6	.049 [.046; .050]/.061 [.058; .062]		7	3	7	7	.48/.42
Отраженные черты	.89	19970.74	5	.58	7	.0075/.0114	6	.055 [.052; .057]/.067 [.064; .068]		7	5	7	8	.51/.43
УЧ	.85	11064.09	1	.45/.44	6	.0068/.0069	4	.055 [.053; .057]/.048 [.045; .049]		8	4	2	9	.37/.30
Отраженные УЧ	.90	12951.57	1	.61/.43	5	.0067	3	.059 [.057; .060]/.046 [.043; .047]		8	2	2	9	.39/.33

Примечание. $N = 1030$; КМО — тест Кайзера-Мейера-Олкина (адекватность выборки при КМО > .6–.7); χ^2 (Б) — тест сферичности Бартлетта (статистически значим, если матрица корреляций, а не единичная матрица); VSS — очень простая структура (с сохранением одной максимальной нагрузки на переменную); MAP — минимальная средняя остаточная корреляция; RMSEA — корень из средней квадратической ошибки аппроксимации; ПА — параллельный анализ; ИК — иерархический кластерный анализ; К — метод каменистой осыпи; Кайзер — критерий Кайзера; k — рекомендуемое число факторов, X — значение показателя, λ — доля объясненной дисперсии.

Четыре критерия (параллельный анализ, MAP, методы каменистой осыпи и Кайзера) поддержали 7-факторное решение, которое было принято как оптимальное (рис. 3). В этой модели вновь выделился фактор «реагирования на эстетические ситуации» (MR7). Его возникновение вновь было обусловлено слабой связью с поведением в экстравертированных ситуациях, $r = .15$. Соответственно, фактор MR1 относился к эффективности в «ситуациях идей». Факторы MR3 и MR4 имели прямое отношение к 5-факторной модели и характеризовали поведение в «добросовестных» и «нейротических» ситуациях. Фактор MR2 был образован негативными пунктами: доброжелательности (напр., «...быть грубым», п. 37) и нейротизма («...быть угрюмым», п. 29). Таким образом, этот фактор характеризовал способность адекватно реагировать на ситуации, требующие проявления враждебности. Фактор MR6 представлял собой комбинацию из трех пунктов *интроверсии* и двух пунктов доброжелательности и характеризовал способность адекватно реагировать на ситуации, предполагающие соблюдение социальных норм, в частности — проявляя тактичность и сдержанность (напр., «...быть молчаливым», п. 21 и «...быть тактичным и деликатным», п. 32). Наконец, фактор MR5 был образован тремя пунктами *экстраверсии* и тремя пунктами доброжелательности. Он характеризовал способность адекватно реагировать на ситуации, требующие коммуникаций с другими людьми (напр., «...быть разговорчивым», п. 1 и «...способным прощать других», п. 17). Таким образом, структура диспозициональной эффек-

тивности отличалась от структуры черт личности, в первую очередь расщеплением доброжелательности на три фактора, два из которых связаны с разными полюсами экстраверсии. 6-факторная структура, поддержанная RMSEA, отличалась от 7-факторной слиянием Эстетики и Идей в Открытость.

Установки на черты

Ни один из критериев не поддержал 5-факторную структуру. VSS поддержал 1-факторную, а метод каменистой осыпи — 2-факторную структуру. При 1-факторном решении 17 пунктов из 44 не вошли в единый фактор. При 2-факторном решении (рис. 4) факторы соответствовали модели Стабильности/Пластичности [20], и это решение выглядело оптимальным. Иными словами, один из факторов включал в себя установки на стабильность (пункты доброжелательности, добросовестности и нейротизма), а второй — на пластичность (пункты экстраверсии и открытости). Между ними была обнаружена умеренная корреляция, не отраженная на рисунке, $r = .30$. Отметим, что такая структура является теоретически осмысленной и качественно отличной от ранее обсуждавшейся 2-факторной структуры диспозициональной эффективности. При 4-факторном варианте структура в целом соответствовала «Большой Пятерке» — при слиянии установок на добросовестность и нейротизм (с отрицательным знаком). Решения, предлагавшие 6–9 факторов, были основаны на расщеплении прототипов «Большой Пятерки», возникшем по принципу реверсивности пунктов.

Отраженные установки на черты

При 1-факторном решении, вновь поддержанном VSS, 13 пунктов не вошли в единый фактор. 2-факторное решение, поддержанное кластерным анализом и методом каменистой осыпи, было образовано коррелирующими ($r = .39$) факторами, соответствующими пластичности/стабильности. Это решение выглядело оптимальным (рис. 5). При 3-факторном решении, поддержанным RMSEA, произошло выделение Отраженной Установки на Добросовестность в составе положительных пунктов этой шкалы, а также нескольких пунктов из других подшкал. Один критерий — MAP — поддержал 5-факторное решение. При этом содержательно эта структура заметно отличалась от прототипа «Большой Пятерки». Лишь один фактор был близок к идентичному с Отраженной Установкой на Добросовестность (см. также табл. 1). Параллельный анализ поддержал 8-факторное, а критерий Кайзера — 9-факторное решение. Они возникали в результате расщепления прототипов из «Большой Пятерки» в соответствии с реверсивностью пунктов.

Обсуждение

При разработке проблемы рефлексивных адаптаций мы исходили из интуитивной гипотезы об изоморфизме 5-факторной структуры черт личности и рефлексивных адаптаций характера. Исследование, представленное в статье, показывает, что изоморфизм в данном случае оказался частичным. Фактически он был установлен только для одной рефлексивной адаптации — отраженных черт. Индивиды достоверно использовали 5-факторную структуру только при метаперцепции своих черт. Использование этой структуры в метаперцептивных оценках занимает определенное место в современных исследованиях (напр., [17]). Наша работа наглядно демонстрирует, что обращение к 5-факторной модели в этом контексте вполне разумно. Изучение диспозициональной эффективности на уровне факторной структуры показало, что 5-факторная модель для нее не вполне уместна. Прежде всего это отличие выразилось во взаимодействии пунктов доброжелательности с обоими полюсами экстраверсии. В этом смысле диспозициональная эффективность варьировалась в двух специфических ситуациях: требующих сдержанной тактичности (доброжелательность + интроверсия) и требующих позитивной общительности (доброжелательность + экстраверсия).

Возникает очевидная аналогия с появлением на базе «Большой Пятерки» 6-факторной модели HEXACO [15]. HEXACO также обусловлена проблемами с фактором Доброжелательности. Эта модель предполагает расщепление последнего на два фактора: (1) собственно доброжелательность, включающую терпимость, миролюбие, мягкость, податливость, и (2) искренность/скромность (*honesty/humility*), включающую справедливость, щедрость, умеренность. Однако эти факторы HEXACO отличаются от вновь полученных факторов поведения в ситуациях сдержанной тактичности и позитивной общительности, а также эмпирической модели диспозициональной эффективности в целом. В отличие от HEXACO, в данном случае экстраверсия не играет самостоятельной роли, а распределена между двумя вышеуказанными факторами.

Увеличение факторной размерности приводило к расщеплению открытости опыту на два фактора, соответствующих аспектам Идей и Эстетики [38]. Причиной этого расщепления может быть сопряженность Идей с Экстраверсией и отсутствие корреляции между Эстетикой и Экстраверсией. На наш взгляд, судя по содержанию пунктов и дифференциальной корреляции с Экстраверсией, более корректным было бы обозначение их как Креативности Поведения и Эрудированности. В таком случае экстраверсия коррелировала бы с креативностью поведения и не коррелировала с эрудированностью.

Выделение в отдельный фактор поведения во враждебных ситуациях также может быть теоретически обоснованным в контексте диспозициональной эффективности. Враждебные ситуации скорее всего качественно отличны от ситуаций сдержанной тактичности и позитивной общительности (т.е. не являются их простыми антиподами). Однако надо учитывать, что в случае с чертами и другими рефлексивными адаптациями такое расщепление также наблюдалось, и оно трактовалось как психометрический изъян. Таким образом, вопрос остается открытым: имеем ли мы в данном случае дело с техническими недостатками конкретного теста, или же для популяции молодых образованных россиян доброжелательность, действительно, не предполагает отсутствия враждебности.

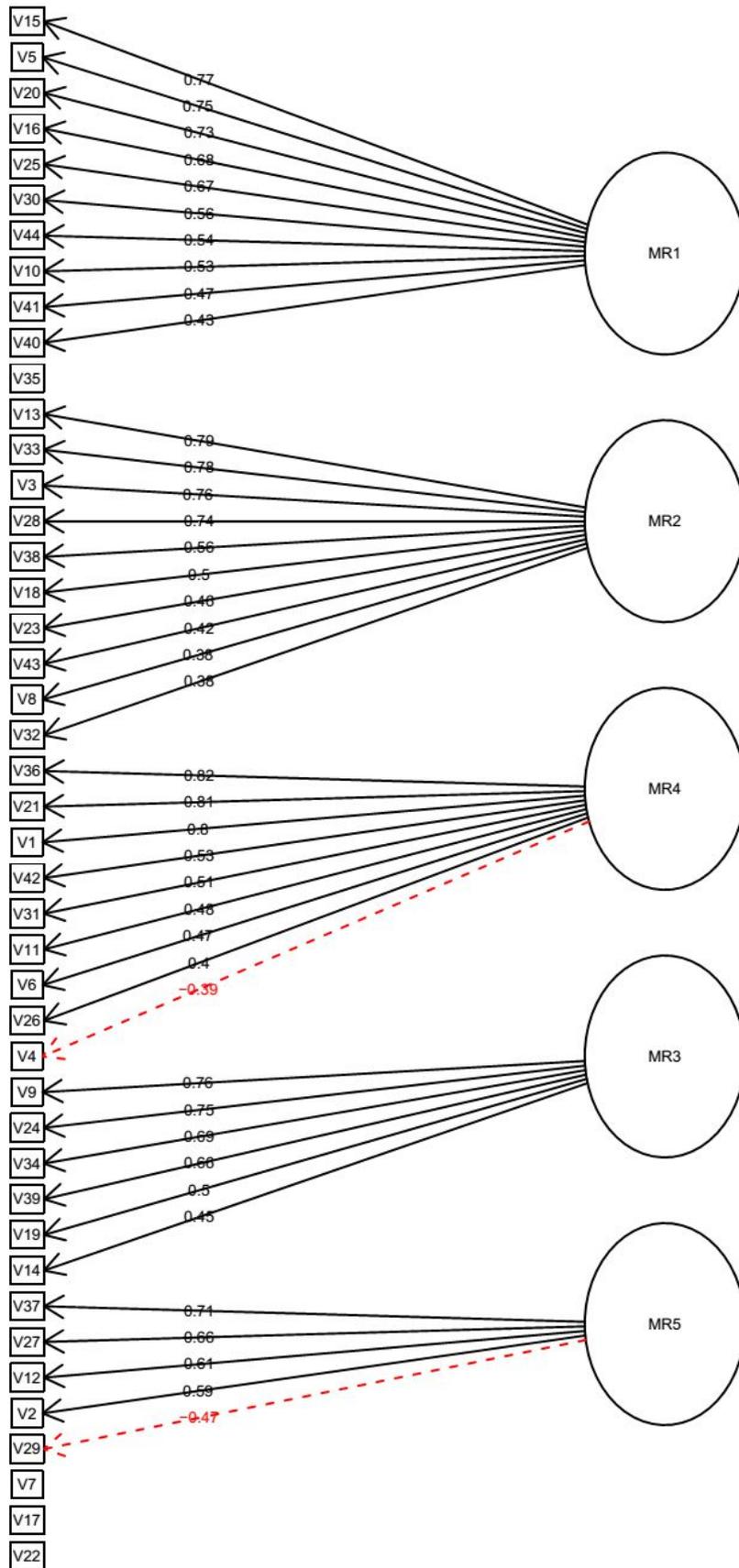

Рис. 2. Факторные нагрузки пунктов BFI при измерении отраженных черт (5-факторное решение)

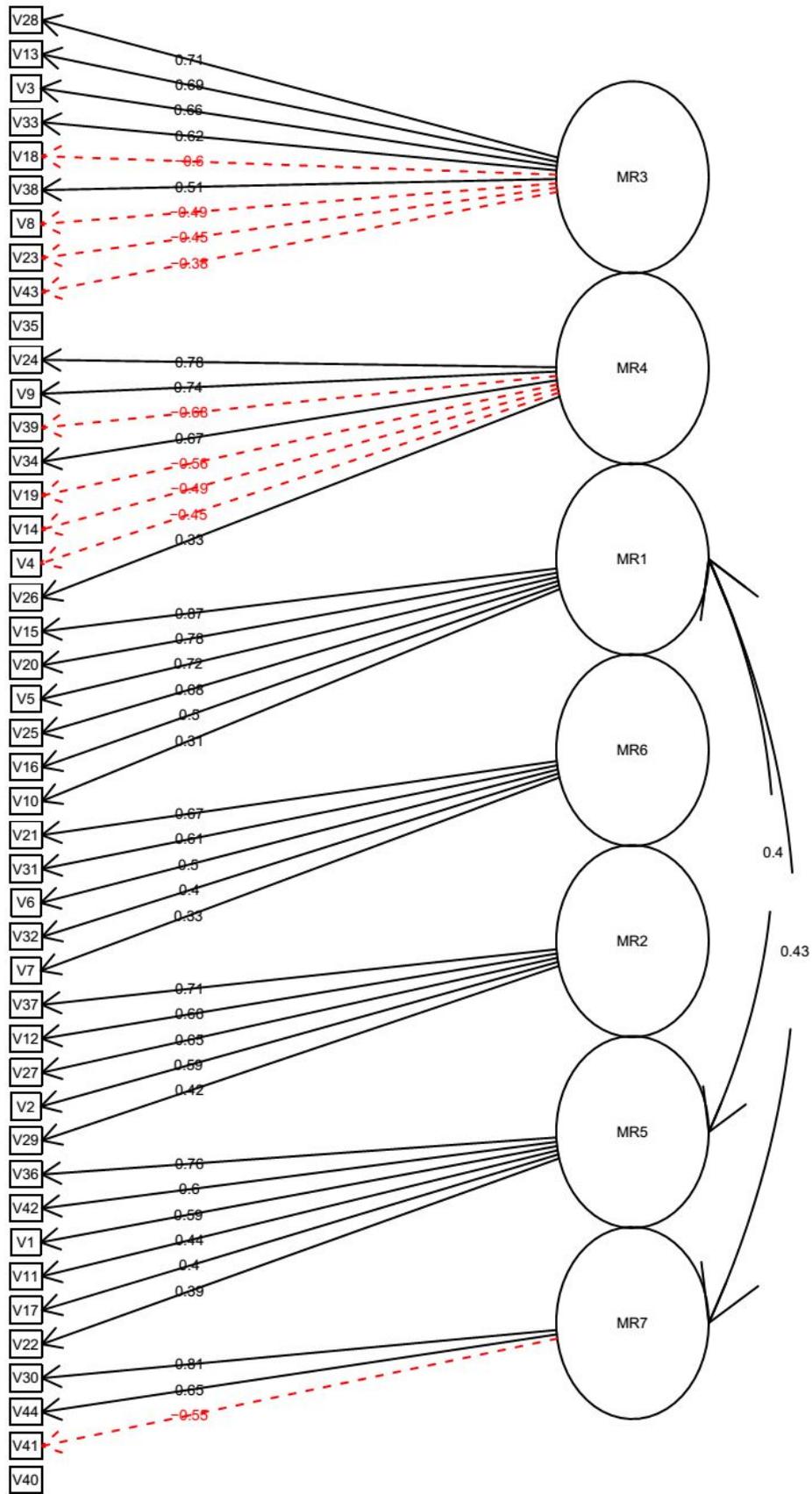

Рис. 3. Факторные нагрузки пунктов BFI при измерении диспозициональной эффективности (7-факторное решение). Пункты не реверсированы

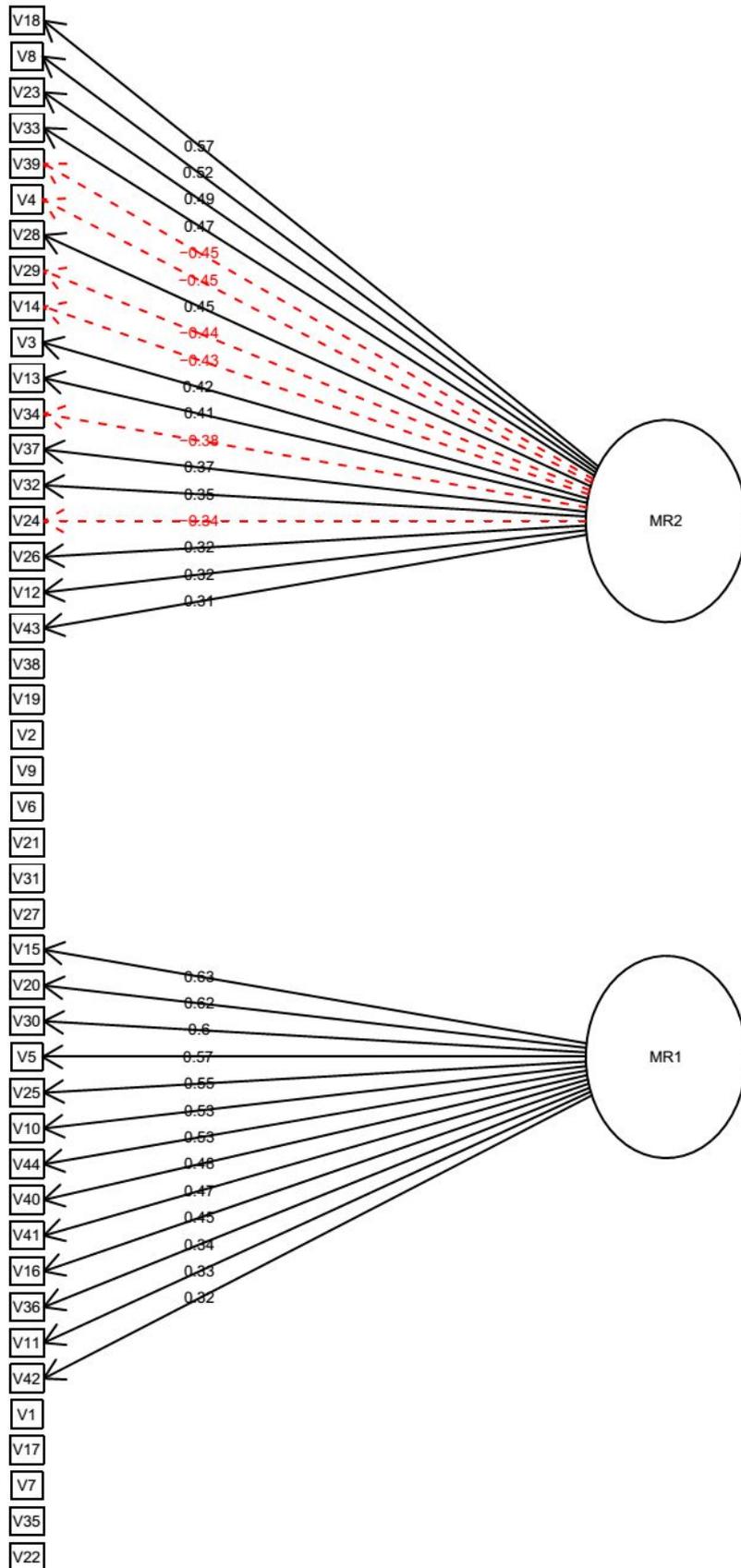

Рис. 4. Факторные нагрузки пунктов BFI при измерении установок на черты (2-факторное решение)

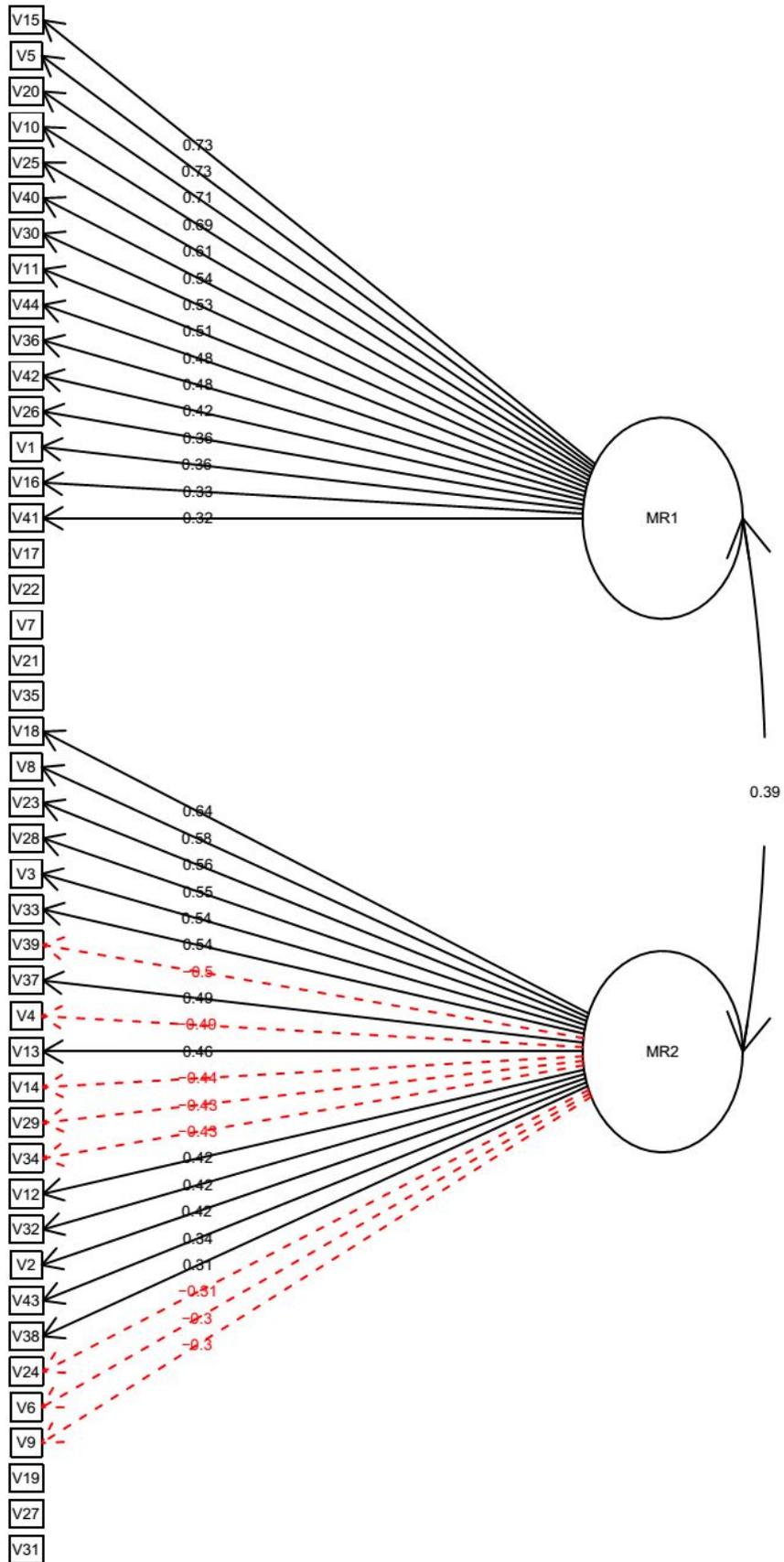

Рис. 5. Факторные нагрузки пунктов BFI при измерении отраженных установок на черты (2-факторное решение)

Исследование показывает, что для оценочных рефлексивных адаптаций («прямых» и отраженных установок) подходящим вариантом является структурирование на 2-факторном уровне мета-черт — пластичности и стабильности [20]. Хотя конгруэнтность пяти факторов «прямых» установок с чертами личности была достаточно велика, ни один из критериев не поддержал 5-факторного решения. Положительная установка на пластичность предполагает, что высокая оценка экстраверсии обычно сопровождается высокой оценкой открытости опыту. При этом два фактора, формирующие установку на пластичность скорее всего распределены нормально [13]. Далее, гипотетически, судя по ранее представленным данным об асимметрии распределения (там же), в современном обществе могут быть более распространены положительные установки на черты стабильности, чем нестабильности. Используя метафорическую аналогию, они образуют своего рода «светлую триаду» (ср.: [31]), характеризующую «нормальную личность». В то время как вариативность в пластичности (т.е. экстраверсии и открытости опыту) сама по себе является нормальной, социально нормальной («правильной») является повышенная стабильность в составе доброжелательности, добросовестности и эмоциональной стабильности.

Аналогичная ситуация характерна и для отраженных установок на черты с той лишь разницей, что здесь два фактора коррелировали между собой несколько сильнее. Оценка их конгруэнтности показывает, что пары факторов для «прямых» и отраженных установок были практически идентичны, $\phi = .96$ и $.97$. Однако, несмотря на структурную идентичность, ранее было показано, что отраженные установки на черты могут проявлять себя весьма своеобразно, в том числе — в сравнении с «прямыми» установками (напр., [12, 13]).

Как и ожидалось, критерии определения числа факторов обнаружили заметный плюрализм в их оценках. Отдельный критерий поддерживал принятые в конечном счете модели, в лучшем случае — два раза. Три критерия — MAP, параллельный анализ и критерий Кайзера — предлагали более дробные структуры, которые нельзя было объяснить теоретически.

Тем не менее, на наш взгляд, одновременное использование нескольких критериев определения числа факторов с последующей их теоретической интерпретацией может быть полезной практикой психологических исследований. Она не нова и не оригинальна в принципе (напр., [29, 36]),

но ее практическое применение остается крайне редким. Более активное использование одновременного множества критериев для определения числа факторов может привести к улучшению качества получаемых моделей и выводов. Например, в нашем случае при изучении черт личности и однозначном применении критерия Кайзера следовало бы отказаться от 5-факторной структуры и принять 7-факторную. Это, однако, не было бы теоретически обосновано и, напротив, было бы обусловлено психометрическими проблемами русской версии BFI.

Следует учесть, что 2-факторные структуры установок на черты и 6-факторная структура диспозициональной эффективности являются апостериорными и в этом смысле остаются гипотетическими. Они требуют своего воспроизведения — как на независимых выборках, так и с использованием других 5-факторных тестов (напр., [6]).

Изоморфизм является достаточно интуитивной эвристикой, когда исследователь пытается определить структурные качества вновь вводимого концепта, либо когда на кону стоит нестандартное решение в популярной и важной зоне поиска (ср., напр., с мыслями об аналогиях между науками о жизни и неживой природе в контексте Нобелевской премии за 2014 г. [5]). Изоморфизм имеет массу привлекательных свойств, среди которых — возможность проведения углубленного сравнительного анализа нескольких объектов. Однако его априорное принятие сопряжено с риском создания менее адекватных моделей и, соответственно, менее эффективной теории и практики. В нашем случае гипотеза изоморфизма оказалась однозначно полезной в отношении отраженных черт. Структура остальных рефлексивных адаптаций также укоренена в 5-факторную теорию. Но эмпирическое обнаружение полиморфизма структур рефлексивных адаптаций делает перспективу дальнейших исследований в данной области более ясной и валидной.

Ключ «Вопросника Большой Пятерки» [25, 37]

Экстраверсия: 1, 6г, 11, 16, 21г, 26, 31г, 36
 Доброжелательность: 2г, 7, 12г, 17, 22, 27г, 32, 37г, 42
 Добросовестность: 3, 8г, 13, 18г, 23г, 28, 33, 38, 43г
 Нейротизм: 4, 9г, 14, 19, 24г, 29, 34г, 39
 Открытость опыту: 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35г, 40, 41г, 44

* г — реверсивный пункт

Список литературы

1. Александров П.С. Введение в общую теорию множеств и функций. М.; Л.: Огиз, 1948. 413 с.
2. Белоус В.В. Введение в психологию полиморфной индивидуальности. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 236 с.
3. Дорфман Л.Я. Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, № 3. С. 106–121.
4. Ибрагимов К.Р. К вопросу о сущности феномена культуры личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. Вып. 42. С. 126–129.
5. Карнышев А.Д. Изоморфизм и эмерджентность как феномены нейрофизиологии и организационной психологии // Организационная психология. 2015. Т. 5, № 3. С. 26–48.
6. Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров В.А. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой Пятерки”» // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 5. С. 100–110.
7. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М: Педагогика, 1986. 253 с.
8. Мухиддинов А.Г. Интеграция аутентичной и социальной составляющих Я-концепции в процессе становления и развития личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8. С. 156–158.
9. Небылицын В.Д. Основные свойства нервной системы человека. М.: Просвещение, 1966. 384 с.
10. Русяева И.А. Изоморфизм психологических защит матери и ребенка // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 9. С. 157–162.
11. *Философский энциклопедический словарь* / Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 836 с.
12. Щебетенко С.А. Отраженные установки на черты личности как предиктор успеваемости студентов // Психология и психотехника. 2015. Вып. 76. С. 70–82.
13. Щебетенко С.А. Рефлективные адаптации характера в пятифакторной теории личности // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 6. С. 55–65.
14. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
15. Ashton M.C., Lee K. Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of personality structure // Personality and Social Psychology Review. 2007. Vol. 11. P. 150–166.
16. Brocklebank S., Pauls S., Rockmore D., Bates T C. A spectral clustering approach to the structure of personality: Contrasting the FFM and HEXACO models // Journal of Research in Personality. 2015. Vol. 57. P. 100–109.
17. Carlson E.N., Vazire S., Furr M.R. Meta-insight: Do people really know how others see them? // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 101. P. 831–846.
18. Cattell R.B. The scree test for the number of factors // Multivariate Behavioral Research. 1966. Vol. 1. P. 245–276.
19. Cudeck R., Henly S.J. Model selection in covariance structures analysis and the “problem” of sample size: A clarification // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 109. P. 512–519.
20. DeYoung C.G. Cybernetic Big Five Theory // Journal of Research in Personality. 2015. Vol. 56. P. 33–58.
21. Fabrigar L.R., Wegener D.T., MacCallum R.C., Strahan E.J. Evaluating the use of exploratory factor analysis in psychological research // Psychological Methods. 1999. Vol. 4. P. 272–299.
22. Hayton J.C., Allen D.G., Scarpello V. Factor retention decisions in exploratory factor analysis: A tutorial on parallel analysis // Organizational Research Methods. 2004. Vol. 7. P. 191–205.
23. Horn J.L. A rationale and test for the number of factors in factor analysis // Psychometrika. 1965. Vol. 30. P. 179–185.
24. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 1999. Vol. 6. P. 1–55.
25. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. The Big Five Inventory – Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
26. Kaiser H.F. The application of electronic computers to factor analysis // Educational and Psychological Measurement. 1960. Vol. 20. P. 141–151.
27. Korth B., Tucker L.R. The distribution of chance congruence coefficients from simulated data // Psychometrika. 1975. Vol. 40. P. 361–372.
28. Lehar S. Gestalt isomorphism and the primacy of subjective conscious experience: A Gestalt Bubble model // Behavioral and Brain Sciences. 2003. Vol. 26. P. 375–408.
29. Matthews G. The factor structure of the 16PF: Twelve primary and three secondary factors // Personality and Individual Differences. 1989. Vol. 10. P. 931–940.
30. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model // J.S. Wiggins. The Five-factor Model of Personality: Theoretical Perspectives

- tives. N.Y.: Guilford Press, 1996. P. 51–87.
31. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, machiavellianism, and psychopathy // *Journal of Research in Personality*. 2002. Vol. 36. P. 556–563.
 32. Preacher K.J., Zhang G., Kim C., Mels G. Choosing the optimal number of factors in exploratory factor analysis: A model selection perspective // *Multivariate Behavioral Research*. 2013. Vol. 48. P. 28–56.
 33. R Core Team R: A language and environment for statistical computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2015. URL: <https://www.R-project.org/> (accessed: 20.11.2015).
 34. Revelle W. An overview of the psych package, 2015. URL: <http://personality-project.org/r/psych/> (accessed: 20.11.2015).
 35. Revelle W., Rocklin T. Very simple structure: An alternative procedure for estimating the optimal number of interpretable factors // *Multivariate Behavioral Research*. 1979. Vol. 14. P. 403–414.
 36. Sharp C., Wright A.G.C., Fowler J.C., et al. The structure of personality pathology: Both general («g») and specific («s») factors? // *Journal of Abnormal Psychology*. 2015. Vol. 124. P. 387–398.
 37. Shchebetenko S. «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits. *Psychology // Journal of the Higher School of Economics*. 2014. Vol. 11(3). P. 129–148.
 38. Soto C.J., John O.P. Ten facet scales for the Big Five Inventory: Convergence with NEO PI-R facets, self-peer agreement, and discriminant validity // *Journal of Research in Personality*. 2009. Vol. 43. P. 84–90.
 39. Velicer W.F. Determining the number of components from the matrix of partial correlations // *Psychometrika*. 1976. Vol. 41. P. 321–327.
 40. Zwick W.R., Velicer W.F. Comparison of five rules for determining the number of components to retain // *Psychological Bulletin*. 1986. Vol. 99. P. 432–442.
 3. Dorfman L.Ya. [Methodological analysis of V.S. Merlin's integrated individuality theory]. *Metodologiya i istoriya psihologii* [Methodology and history of psychology]. 2008, vol. 3, no 3, pp 106–121. (In Russian).
 4. Ibragimov K.R. [On essence of personality culture phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Herald of Moscow State University of Culture and Arts]. 2011, no 42, pp. 126–129. (In Russian).
 5. Karnyshev A.D. [Isomorphism and emergence as neurophysiology and organisation psychology phenomena]. *Organizatsionnaya psihologiya* [Organisation psychology]. 2015, vol. 5, no 3, pp. 26–48. (In Russian).
 6. Knyazev G.G., Mitrophanova L.G., Bocharov V.A. [Validation of Russian version of L. Goldberg's inventory of Big Five factor markers]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2010, vol. 31, no 5, pp. 100–110. (In Russian).
 7. Merlin V.S. *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Sketch on integral individuality study]. Moscow, 1986, 253 p. (In Russian).
 8. Muhiddinov A.G. [Integration of authentic and social parts of I-concept during personality establishment and development]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Timely problems of humane and natural sciences]. 2013, no 8, pp. 156–158. (In Russian).
 9. Nebylitsin V.D. *Osnovnye svoystva nervnoj sistemy cheloveka* [Main characteristics of human's nervous system]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1966, 384 p. (In Russian).
 10. Rusyaeva I.A. [Isomorphism of psychological defenses of mother and child]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald]. 2012, no 9, pp. 157–162. (In Russian).
 11. *Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983, 836 p. (In Russian).
 12. Schebetenko S.A. [Reflected attitudes to personality features as a predictor of students' academic success]. *Psihologiya i psihotehnika* [Psychology and Psychotechnics]. 2015, no 76, pp. 70–82. (In Russian).
 13. Schebetenko S.A. [Reflexive adaptations of character in five factors theory]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychologic journal]. 2015, vol. 36, no 6, pp. 55–65. (In Russian).
 14. Jung K.G. *Arhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renessans, 1991, 304 p. (In Russian).
 15. Ashton M.C., Lee K. Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of per-

Получено 21.11.2015

References

1. Aleksandrov P.S. *Vvedenie v obschuyu teoriyu mnozhestv i funktsij* [Introduction into general theory of multitudes and functions]. Moscow, Saint Petersburg, Ogiz Publ., 1948, 413 p. (In Russian).
2. Belous V.V. *Vvedenie v psihologiyu polimorfnoj individual'nosti* [Introduction into psychology of polymorphous individuality]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2002, 236 p. (In Russian).

- sonality structure. *Personality and Social Psychology Review*. 2007. Vol. 11. P. 150–166. (In English).
16. Brocklebank S., Pauls S., Rockmore D., Bates T.C. A spectral clustering approach to the structure of personality: Contrasting the FFM and HEXACO models. *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 57. P. 100–109. (In English).
 17. Carlson E.N., Vazire S., Furr M.R. Meta-insight: Do people really know how others see them? *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101. P. 831–846. (In English).
 18. Cattell R.B. The scree test for the number of factors. *Multivariate Behavioral Research*. 1966. Vol. 1. P. 245–276. (In English).
 19. Cudeck R., Henly S.J. Model selection in covariance structures analysis and the «problem» of sample size: A clarification. *Psychological Bulletin*. 1991. Vol. 109. P. 512–519. (In English).
 20. DeYoung C.G. Cybernetic Big Five Theory // *Journal of Research in Personality*, 2015. Vol. 56. P. 33–58. (In English).
 21. Fabrigar L.R., Wegener D.T., MacCallum R.C., Strahan E.J. Evaluating the use of exploratory factor analysis in psychological research. *Psychological Methods*. 1999. Vol. 4. P. 272–299. (In English).
 22. Hayton J.C., Allen D.G., Scarpello V. Factor retention decisions in exploratory factor analysis: A tutorial on parallel analysis. *Organizational Research Methods*. 2004. Vol. 7. P. 191–205. (In English).
 23. Horn J.L. A rationale and test for the number of factors in factor analysis. *Psychometrika*. 1965. Vol. 30. P. 179–185. (In English).
 24. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 1999. Vol. 6. P. 1–55. (In English).
 25. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. The Big Five Inventory – Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991. (In English).
 26. Kaiser H.F. The application of electronic computers to factor analysis. *Educational and Psychological Measurement*. 1960. Vol. 20. P. 141–151. (In English).
 27. Korth B., Tucker L.R. The distribution of chance congruence coefficients from simulated data // *Psychometrika*. 1975. Vol. 40. P. 361–372. (In English).
 28. Lehar S. Gestalt isomorphism and the primacy of subjective conscious experience: A Gestalt Bubble mode. *Behavioral and Brain Sciences*. 2003. Vol. 26. P. 375–408. (In English).
 29. Matthews G. The factor structure of the 16PF: Twelve primary and three secondary factors. *Personality and Individual Differences*. 1989. Vol. 10. P. 931–940. (In English).
 30. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model. J.S. Wiggins. *The Five-factor Model of Personality: Theoretical Perspectives*. N.Y.: Guilford Press, 1996. P. 51–87. (In English).
 31. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. 2002. Vol. 36. P. 556–563. (In English).
 32. Preacher K.J., Zhang G., Kim C., Mels G. Choosing the optimal number of factors in exploratory factor analysis: A model selection perspective. *Multivariate Behavioral Research*. 2013. Vol. 48. P. 28–56. (In English).
 33. R Core Team R: A language and environment for statistical computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2015. URL: <https://www.R-project.org/> (accessed 20.11.2015). (In English).
 34. Revelle W. An overview of the psych package, 2015. URL: <http://personality-project.org/r/psych/> (accessed 20.11.2015). (In English).
 35. Revelle W., Rocklin T. Very simple structure: An alternative procedure for estimating the optimal number of interpretable factors. *Multivariate Behavioral Research*. 1979. Vol. 14. P. 403–414. (In English).
 36. Sharp C., Wright A.G.C., Fowler J.C., et al. The structure of personality pathology: Both general («g») and specific («s») factors? *Journal of Abnormal Psychology*. 2015. Vol. 124. P. 387–398. (In English).
 37. Shchebetenko S. «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. Vol. 11(3). P. 129–148. (In English).
 38. Soto C.J., John O.P. Ten facet scales for the Big Five Inventory: Convergence with NEO PI-R facets, self-peer agreement, and discriminant validity. *Journal of Research in Personality*. 2009. Vol. 43. P. 84–90. (In English).
 39. Velicer W. F. Determining the number of components from the matrix of partial correlations. *Psychometrika*. 1976. Vol. 41. P. 321–327. (In English).
 40. Zwick W.R., Velicer W.F. Comparison of five rules for determining the number of components to retain. *Psychological Bulletin*. 1986. Vol. 99. P. 432–442. (In English).

The date of the manuscript receipt 21.11.2015

Об авторе

Щебетенко Сергей Александрович

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: shebetenko@rambler.ru

About the author

Shchebetenko Sergey Alexandrovich

PhD. in Psychology, Docent, Associate Professor
of Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: shebetenko@rambler.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Щебетенко С.А. Черты личности и рефлексивные адаптации характера: изоморфизм или полиморфизм? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 57–73.

Please cite this article in English as:

Shchebetenko S.A. Personality traits and reflexive characteristic adaptations: the isomorphism or a polymorphism? // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 57–73.

УДК 159.923.5 + 316.6

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СЕПАРАЦИИ

Потапова Юлия Викторовна

Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ

Исследования сепарации в отношениях родителей и взрослеющих детей в последнее время становятся все более популярными в отечественной психологии. Современные авторы часто обращаются к семейной ситуации развития юноши, изучению сепарации через призму отношений с родителями. В данном исследовании акцент ставится на личности молодого человека, его особенностях, взаимосвязанных с параметрами внутренней, психологической, сепарации, и внешней, физической, выраженной в факте отдельного проживания от родителей. Цель исследования — сравнение копинг-поведения молодых людей, проживающих отдельно от родителей и вместе с ними, имеющих разный уровень выраженности эмоциональной сепарации. Основные задачи исследования: выделение стратегий, используемых преимущественно для преодоления трудной жизненной ситуации в целом, а также выявление в группе живущих отдельно от родителей копинг-стратегий, используемых для совладания конкретно с ситуацией физической сепарации. Сравнение показало, что если молодой человек имеет высокий уровень эмоциональной сепарации от родителей, то, как при стрессе в целом, так при совладании с трудной ситуацией ухода из родительского дома, он чаще использует положительное истолкование и рост, активный копинг. При низкой эмоциональной сепарации от родителей человек чаще обращается за эмоциональной и активной общественной поддержкой, фокусируется на эмоциях, использует религиозный копинг. Таким образом, степень эмоциональной сепарации от родителей потенциально может стать предиктором зрелости совладающего поведения в юношеском возрасте. Чем выше уровень эмоциональной сепарации от родителей, тем чаще человек использует самостоятельный, активный, рациональный копинг. Данные результаты могут быть применены при исследовании темы психологической сепарации от родителей, а также в психологической практике для разрешения противоречий в отношениях родителей и взрослеющих детей. Перспективой исследования является изучение взаимосвязей других типов сепарации — аттитюдной и функциональной — с психологическими особенностями юношей и девушек.

Ключевые слова: эмоциональная сепарация; копинг; детско-родительские отношения; юношеский возраст; личностная зрелость; трудные жизненные ситуации; ситуация сепарации.

PECULIARITIES OF COPING BEHAVIOR OF BOYS AND GIRLS WITH DIFFERENT LEVELS OF EMOTIONAL SEPARATION

Yuliya V. Potapova

Omsk State Medical University

The study of separation between parents and maturing children has been gaining popularity in the national psychology. Modern authors often turn to the family situation of the young men studying separation in terms of relations with parents. In this study, the emphasis is put on the personality of a young man, his characteristics connected with the parameters of the inner, psychological separation and external, physical one expressed in living separately from parents. The purpose of research is a comparison of coping behavior of young people living apart and with their parents and having different levels of the emotional separation. The main objectives of the study are a selection of strategies, mainly used for coping with a difficult life situation as a whole, as well as the identification of coping strategies used for dealing with the specific situation of physical separation in the group of youngsters living separately from their parents. The comparison showed that if a young person has a high level of emotional separation from parents, he often uses active coping and behaves positively under

stress in general and when coping with a difficult situation of leaving home. Having a low level of emotional separation from parents a young man often seeks the emotional and public support, is focused on emotions, uses religious coping. Thus, the degree of emotional separation from parents can potentially predict adulthood coping in adolescence. The higher level of emotional separation from parents, the more often a person uses an independent, active, rational coping. These results can be used in the study of psychological separation from parents as well as in psychological practice for resolving conflicts between parents and maturing children. Further research is aimed at studying of other types of separation, attitudinal and functional, and their connection with the psychological characteristics of boys and girls.

Key words: emotional separation; coping; parent-child relationships; adolescence; personal maturity; difficult life situations; the situation of separation.

Родители являются для ребенка первым агентом социализации, а взаимоотношения с ними — одним из значимых факторов в формировании личности. При этом важно и то, что отношения должны развиваться гармонично и соответствовать тому этапу, на котором находится семья, они должны вовремя трансформироваться и приобретать новые смыслы. К.С. Льюис в своем эссе «Любовь» замечает, что признаком хорошо исполненной родительской роли является состояние, когда родители больше не нужны ребенку [9]. Речь, конечно, идет не о разрыве отношений ребенка с родителями по достижении им определенного возраста и психического состояния, а о том, чтобы вовремя совершить важный, очень сложный и наполненный противоречивыми переживаниями шаг — отделиться от родительской семьи. Отделение, в психологии именуемое сепарацией, может быть связано с конкретным событием и четко определено во времени (скажем, это уход из родительского дома) или происходить постепенно, за счет накопления внутренних изменений в личности человека. Так или иначе сепарация является важнейшим шагом на пути к обретению личностной зрелости. Совершивший ее повзрослевший человек становится способным самостоятельно решать проблемы, формировать независимое от родителей мнение об окружающем его мире.

В психологии идеи о сепарации одним из первых озвучил З. Фрейд. Согласно его воззрениям, связь между ребенком и матерью закрепляется в результате кормления ребенка, когда он получает удовольствие, сконцентрированное на оральной области. Страх потери этого удовольствия и переживания, связанные с возрастанием напряжения от неудовлетворения основных потребностей, заставляет ребенка привязываться к матери и чувствовать печаль при расставании. Данные чувства переносятся затем во взрослую жизнь, когда человек боится потерять любимого, поскольку его образ окрашен положительными эмоциями [12].

Но наряду с достаточно высокой степенью проявления негативных чувств при сепарации З. Фрейд утверждал, что для формирования личности отделение ребенка от родителя — это неизбежное условие его благополучия [13]. По мнению ученого, в центре проблемы отделения от семьи лежит эдипов комплекс и его разрешение, преодоление инфантильной привязанности к родителю. Нарушения в этой области ведут к неврозу, состоянию душевного нездоровья. Таким образом, ученый обозначал необходимость высвобождения ребенка из-под опеки родителей, особенно подчеркивая роль матери в данном процессе.

Продолжая рассуждения З. Фрейда об эдиповом комплексе, Э. Фромм, пользуясь несколько иной терминологией, вводит понятие психологического инцеста, как глобальной трудности в развитии человека. Инцест в понимании Э. Фромма освобождается от трактовок, связывающих это понятие исключительно с сексуальным влечением, скорее это желание всегда принадлежать первичной группе (семье, а далее рассуждения экстраполируются и на общину, нацию, государство), что ведет к нескольким важным для личности и общества последствиям. Находясь в состоянии неразрывной связи с первичной группой и родителем, человек даже во взрослом возрасте не отстает от уровня развития, характерного для ребенка, стремится к оберегающим и успокаивающим его фигурам, находит у них поддержку, заботу, в конечном итоге ответы на все важнейшие вопросы. Он видит мир их глазами, не в состоянии самостоятельно взглянуть и оценить явления, чуждые по своей природе его семье. Он чувствует себя в безопасности лишь в связи со своими родителями, не в силах отдать себя по-настоящему, полюбить кого-то «чужого»: пришедшего из другой семьи (а это есть причина разводов — человек заключает брак, но не в силах терпеть инаковость установок супруга, пришедшего из другой семейной системы), другой общины, нации (этот фактор оказывает воздействие на развитие ксено-

фобии и национализма — человек не принимает тех, кто не похож на ему подобных). Любовь предполагает свободу и независимость, и только обретя данные качества, человек может полюбить другого, создать что-то свое, привнести в мир изменения, поскольку пока находится в успокаивающем и надламывающем его волю состоянии ребенка, он не чувствует потребности что-то делать и создавать самостоятельно — все уже есть, ничего не нужно менять. В этом глобальная трудность становления личности — она не подчиняется гомеостатической природе, чтобы развиваться, ей нужно начать трудный процесс отделения, вызывающий тревогу, опасения, страх перед неизвестностью. Потому многие люди выбирают для себя «бегство от свободы»: выбирая несвободное состояние, они чувствуют комфорт. В этом смысле невротики, которые выбрали «путь свободы», но не выдержали его гнета, не дойдя до достижения каких-либо результатов, гораздо здоровее с точки зрения зрелости личности, чем условно «здоровые» личности. Невротики оказались надломлены, потому что выбрали конфликт, которого средний «здоровый» с точки зрения адаптации к обществу человек просто избежал, сдавшись под натиском ужаса перед отделением от семьи, общества, общины. Развитие же общества идет от «инцеста» к свободе; формирование разума, способности судить, критически оценивать имеет свои основы в преодолении инцестуозной связи с родителем [14].

Многие ученые отмечали, что развитие сепарации является индивидуальным для каждого человека, зависит от особенностей семейной системы. Течение сепарации может быть гармоничным, запаздывающим и преждевременным. Именно последнего варианта коснулись в своих исследованиях Дж. Боулби и М. Эйнсворт, исследуя роль матери в развитии ребенка в раннем возрасте. Психоналитики сосредоточились на изучении сепарации как явления, негативно сказывающегося на развитии ребенка. Дж. Боулби, основываясь на экспериментах с разлученными с матерями детьми и наблюдении за детьми-сиротами, обосновал понятие привязанности, которое выступает базой для формирования отношения ребенка к окружающему миру, основой для его исследования и в будущем закладывает способность устанавливать близкие отношения с другими людьми [3]. Длительная сепарация в раннем возрасте приводит к негативным последствиям и препятствует формированию зрелой, способной к установлению длительных отноше-

ний личности в дальнейшем. Дж. Боулби считал, что в основе формирования привязанности лежит механизм создания «внутренней рабочей модели» — квинтэссенции чувств, мыслей, образов, связанных с образом родителя [3]. Эта модель позволяет формировать отношение к родителю, предсказывать его поведение, определяет то, каким образом человек в дальнейшем будет реагировать на привязанность, распространяясь в дальнейшем на другие близкие отношения (с сиблингами, друзьями, романтическими партнерами).

М. Эйнсворт, проведя кросскультурные исследования, выяснила, что взаимоотношения детей и родителей в раннем возрасте не зависели от культуры, подчеркивая врожденный характер действий младенца и его родителя. Однако, несмотря на эволюционно-этологический подход к интерпретации явлений этого периода, в человеческом обществе он играет гораздо более сложную роль, чем в животном. Так, формирование крепкой, надежной, в терминологии М. Эйнсворт и Дж. Боулби, привязанности младенца к матери способствует не только его эмоциональному благополучию в настоящем, но и является залогом успеха в установлении отношений с другими людьми в будущем [4]. Другими словами, чем крепче была связь с матерью на ранних этапах развития, тем легче человек будет поддерживать связи с другими людьми, устанавливать контакт, самораскрываться.

Еще одной значимой фигурой в изучении процесса сепарации маленьких детей от родителей является М. Малер. Она описала стадии процесса сепарации и ввела термин «психологическое рождение», подчеркивающий принципиальную разницу между рождением биологическим, после которого ребенок воспринимает себя как часть матери, находясь с ней в состоянии психического симбиоза, и психологическим, обозначающим момент в жизни человека, когда он обретает возможность вести себя как полноценно функционирующая личность. В ее теории сепарация уже не рассматривается в негативном ключе, как ситуация разлуки, разрушающая личность ребенка, а является одним из этапов нормального развития ребенка [10].

С 90-х гг. XX в. увеличивается количество прикладных исследований сепарации. Происходит переход от рассмотрения отношений матери и ребенка раннего возраста к исследованию феномена сепарации с точки зрения его воздействия на

личность человека юношеского возраста, отделяющегося от родителей.

Чаще всего изучалась взаимосвязь между степенью гармоничности прохождения процесса сепарации и адаптацией к среде колледжа. Так, D. Blustein с коллегами в 1991 г. описали результаты исследования, в которых обозначалась взаимосвязь уровня сепарации и привязанности к родителям с позитивной академической, социальной, личностно-эмоциональной адаптацией [17]. G.N. Holmbeck и M.L. Wandrei установили, что эффективная адаптация к условиям колледжа, возможна при наличии надежной привязанности между родителями и детьми, что подтверждает в целом выводы Дж. Боулби и М. Эйнсворт [22]. J.F. Mattanah с соавторами в 2004 г. подтвердили эти выводы в своих исследованиях [23]. В ходе исследования J.F. Mattanah по данной теме было выяснено, что надежная связь не ухудшает, а, наоборот, способствует более гармоничному отделению от семьи и позволяет решать задачи, связанные с адаптацией в школе [23]. Те молодые люди, кто разрывал эмоциональную связь с родителями или находился с ними в постоянном конфликте, хуже адаптировались к среде колледжа и испытывали академические проблемы, находясь в группе риска отчисления.

Более поздние исследования подтвердили, что психологическая сепарация проходит успешно при сохранении эмоционально близкой связи и разделении членами семьи коллективистских ценностей [16].

В вопросе корреляции между сепарацией и успешностью молодых людей в академической сфере представляет интерес исследование M. Haghbin о связи прокрастинации с неразрешенными проблемами в области межличностных отношений. Вновь делается упор на то, что сепарация не должна разрывать отношения детей и родителей и что конфликты в данной сфере лишь отвлекают юношу от эффективного решения проблем, связанных с обучением [18]. Было выявлено также влияние сепарации на самооценку, качество семейных отношений, успех в отношениях со сверстниками, уровень выраженности депрессии и тревоги в юношеском возрасте [21]. Разные виды независимости от родителей и сепарации с ними в определенных сферах влияют на уровень удовлетворенности браком у молодоженов, причем проблемы чаще встречаются в семьях, где мужчина зависим от своих родителей [19].

Отечественные ученые значительно реже обращаются к исследованию проблем сепарации. В

основном о них пишут психологи-практики, сталкивающиеся с подобными трудностями при консультировании клиентов, но в последнее время появился ряд работ, которые обосновывают изучение проблемы сепарации и на теоретическом уровне. К примеру, А.Я. Варга рассматривает процесс сепарации как представленный определенными стадиями, согласующимися с периодами в возрастном развитии ребенка (рождение, кризис самостоятельности в 3 года, выход из семьи в детские учреждения, кризис подросткового возраста, отделение от семьи в самостоятельную жизнь). А.Я. Варга следует в своих рассуждениях положениям системной семейной психотерапии М. Боуэна, в психотерапевтической работе применяя его методы для анализа российской семьи, и утверждает, что незавершенность сепарационных процессов негативно сказывается на решении основных задач, которые стоят перед человеком в юношестве и взрослости [1]. Эти задачи связаны со становлением в профессиональной сфере, поиском партнера и рождением собственных детей. Связь последней задачи с успешностью процесса сепарации исследовалась К.Н. Белогай, которая, описывая телесность женщины, приводит в качестве значимого фактора взаимоотношения с матерью [2].

Т.Н. Сытько связывает стиль воспитания с протекающими процессами сепарации и выделяет несколько типов детско-родительских отношений, предлагая их содержательные характеристики и тем самым составляя теоретическую модель процесса семейной сепарации [11]. Е.Н. Харламенкова предлагает иную модель понятия сепарации, глубоко анализируя связь данного явления с процессами отождествления и разотождествления, трансформации в отношениях молодого человека не только с родителями, но и с миром, самим собой, с трудными жизненными ситуациями [15]. В.Н. Дзукаева, опираясь на характеристики семейной системы испытуемых и особенности психологической сепарации юношей и девушек, выделяет паттерны психологической сепарации от матери у студентов колледжей, определяя для каждого из них свой путь развития процесса сепарации («зависимый», «отделяющийся», «избегающий») [6]. А.А. Дитюк изучает процесс работы с сепарационной тревогой, опираясь на принципы системной семейной терапии М. Боуэна [8].

Таким образом, в последнее время объем теоретических и эмпирических данных по вопросу о процессе сепарации начинает возрастать, компенсируя недостаток информации об этом понятии в

российской науке. Однако, следует отметить, что многие аспекты еще являются полем для исследования, открывающим большие возможности в ликвидации «белых пятен» психологии сепарационных процессов в семье.

Настоящее исследование также посвящено вопросу сепарации юношей и девушек, оно следует концепции Дж. Хоффмана о типах психологической сепарации, коих было выделено четыре: эмоциональная (независимость от поддержки, одобрения родителей); аттитюдная (свобода в формировании собственного мнения о ключевых моментах реальности); конфликтологическая (разрешенные конфликты с родителями, отсутствие ярко выраженных, хронически проявляющих себя негативных эмоций во взаимоотношениях с ними); функциональная (способность самостоятельно принимать решения, осуществлять свободный выбор в отношениях с другими людьми, карьере, семье) [20]. В исследовании мы применяли опросник PSI (Psychological Separation Inventory), созданный Дж. Хоффманом на основе данной типологии, переведенный и адаптированный для российской выборки Т.Ю. Садовниковой и В.П. Дзукаевой [7].

В исследовании мы поставили вопрос о том, каким образом уровень развития сепарации от родителей может воздействовать на особенности совладающего поведения молодого человека. Этот вопрос является важным, поскольку именно в юношеском возрасте человек, постепенно отходя от позиции ребенка к позиции взрослого, научается разрешать определенные проблемы, преодолевать трудности, неизбежно встречающиеся на пути. Юношеский возраст становится переходным этапом между эпохами «детства» и «взрослости», и от того, насколько молодой человек, находящийся на данном этапе своей жизни, научится справляться с противоречиями, будет в конечном итоге зависеть степень его успешности в деловых отношениях, гармоничности в области личных привязанностей. Таким образом, объектом нашего исследования является совладающее поведение, предметом — особенности копинг-поведения юношей и девушек с разным уровнем выраженности эмоциональной сепарации от родителей. Эмоциональная сепарация была выбрана как один из видов сепараций, наиболее трудно достижимых на практике, поскольку исследования, использующие шкалу PSI, свидетельствуют, что чаще всего ее уровень значительно ниже, чем уровень всех других типов независимости от родителей [6]. Именно эмоциональная сепарация,

т.е. независимость от родительского одобрения, возможность обходиться без поддержки близких, показывает, насколько зрелым является человек юношеского возраста на определенном этапе развития.

Цель исследования — изучение совладающего поведения в группах юношей и девушек с разным уровнем выраженности эмоциональной сепарации от родителей.

Задачи заключаются в разделении выборки молодых людей на группы с разным уровнем выраженности эмоциональной сепарации и сравнении особенностей копинг-поведения у представителей каждой группы в стрессовой ситуации в целом и в ситуации физической сепарации в частности. Данную ситуацию мы решили изучить более детально на примере молодых людей, имеющих постсепарационный статус, т.е. живущих отдельно от родителей, поскольку такой подход обеспечит комплексность в изучении вопроса сепарации. Рассматривая как психологическую сепарацию (внутреннее качество, результат определенных процессов, происходящих с человеком по мере его взросления), так и физическую сепарацию (уход из родительского дома — реальное поведение, которое можно считать отражением внутренней потребности человека в самостоятельности), мы учитываем оба эти фактора и системно подходим к вопросу от отделения молодого человека от своей семьи.

Выборка составила 206 студентов в возрасте от 18 до 25 лет, имеющих разный сепарационный статус. Критерии включения и исключения из выборки: социальный статус (студенты), национальность (русские), состав семьи (полная). Все эти факторы были учтены при проведении исследования для создания более однородной выборки и исключения из числа испытуемых тех респондентов, чьи психологические и социально-демографические особенности могли повлиять на результат.

Эмпирические методы исследования включали анкетирование и тестирование, основной организационный метод — сравнительный. Сравнивались группы молодых людей, имеющих разные уровни развития эмоциональной сепарации от родителей. Методики исследования: опросник Дж. Хоффмана «Psychological Separation Inventory» (PSI) в адаптации В.П. Дзукаевой, Т.Ю. Садовниковой [7]; опросник COPE Ч. Карвера в адаптации Л.И. Дементий [5]; авторская анкета, направленная на выявление социально-демографических характеристик испытуемых.

Методы математической статистики: критерий Колмогорова-Смирнова, U-критерий Манна-Уитни.

Методика PSI предполагает возможность определить уровень сепарации определенного типа, как от матери и отца по отдельности, так и общий уровень независимости от родителей. В нашем исследовании представлял интерес именно обобщенный показатель. Так как нормы по уровням выраженности эмоциональной сепарации (далее — ЭС) для российской выборки еще не определены, то для обозначения данного параметра была проведена процедура вычисления среднего арифметического в каждой из трех возрастных групп, далее вычислено стандартное отклонение. Низкий уровень ЭС присваивался испытуемому, если он входил в группу людей, ЭС которых была меньше разности среднего значения и стандартного отклонения, высокий уро-

вень — если значение ЭС было больше суммы среднего значения и стандартного отклонения. В итоге из 206 испытуемых 35 имели низкий уровень развития ЭС (17 %), 139 — средний (67,4 %), а 32 — высокий уровень (15,6 %). Далее сравнивались копинг-стратегии в трудных жизненных ситуациях в целом (конкретная ситуация не задавалась, инструкция для испытуемых была направлена на выявление наиболее типичных реакций на стрессовый фактор) у юношей и девушек с низким и высоким уровнями выраженности эмоциональной сепарации от родителей. Сравнение двух полярных уровней производилось для лаконичности получаемой картины данных.

Перейдем к анализу результатов. Значимые различия были определены в уровне проявления пяти стратегий: поиск активной и эмоциональной общественной поддержки, религия, фокусировка на эмоциях, отрицание (табл. 1).

Таблица 1. Особенности стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций людьми с низким и высоким уровнями выраженности эмоциональной сепарации от родителей

Копинг-стратегии в ситуации сепарации	Низкий уровень эмоциональной сепарации	Высокий уровень эмоциональной сепарации	Значение критерия (U) и величина статистической погрешности (p)
Поиск активной общественной поддержки	11,50	9,50	291, $p \leq 0,05$
Поиск эмоциональной общественной поддержки	11,47	8,14	187,5, $p \leq 0,001$
Религия	9,07	5,36	169,5, $p \leq 0,001$
Фокусировка на эмоциях	11,83	10,04	286,5, $p \leq 0,05$
Отрицание	7,47	6,29	296,5, $p \leq 0,05$

Копинг-поведение молодых людей с низким уровнем ЭС предполагает более частое обращение за поддержкой к окружающим людям, религии, фокусировку на эмоциях, а также отрицание. Таким образом, в юношеском возрасте более самостоятельными, активными и рациональными в решении своих проблем являются люди с высокой эмоциональной независимостью. Эту мысль подтверждает количество людей, выбирающих активный копинг для решения своих проблем в каждой группе: у людей с низкой ЭС лишь 10 % в качестве основной стратегии выбирают активный копинг, а самыми популярными стратегиями являются планирование (26,7 %), положительное истолкование и рост (23,3 %), фокусировка на эмоциях (16,7 %), поиск активной общественной поддержки (16,7 %). Тогда как среди юношей и девушек с высокой ЭС активный копинг является

самой популярной стратегией (в качестве основной ее выбирают 28,6 %), далее идет планирование (25 %), положительное истолкование и рост (21,4 %). Поиск активной общественной поддержки ни один из обладающих высоким уровнем ЭС не выбрал как основную стратегию, а фокусировку на эмоциях использовали только 7 % из данной группы.

При исследовании группы молодых людей, живущих отдельно от родителей, имеющих разный уровень развития эмоциональной сепарации на предмет стратегий совладающего поведения в ситуации физической сепарации, мы получили сходные результаты (табл. 2).

Таблица 2. Особенности стратегий преодоления ситуации сепарации людьми с разными уровнями выраженности эмоциональной сепарации от родителей

Копинг-стратегии в ситуации сепарации	Низкий уровень эмоциональной сепарации	Высокий уровень эмоциональной сепарации	Значение критерия (U) и величина статистической погрешности (p)
Поиск активной общественной поддержки	12,00	9,64	U = 79; p ≤ 0,01
Поиск эмоциональной общественной поддержки	12,68	7,79	U = 29; p ≤ 0,001
Фокусировка на эмоциях	11,91	9,21	U = 85; p ≤ 0,05
Религия	9,41	7,64	U = 87,5; p ≤ 0,05

В соответствии с общей тенденцией в ситуации ухода из родительского дома юноши и девушки, имеющие низкий уровень эмоциональной сепарации, чаще высокосепарированных обращаются к поиску поддержки со стороны близких, ищут утешения в своей вере, эмоционально сосредотачиваются на ситуации. Наиболее распространенный тип копинга, используемый при переживании данной трудной жизненной ситуации у людей, имеющих высокий уровень эмоциональной сепарации, — положительное истолкование и рост (ее как основную выбрали 35,7 % испытуемых этого типа), активный копинг (28,5 %), тогда как среди испытуемых с низким уровнем выраженности ЭС в качестве основных стратегий были выбраны поиск эмоциональной общественной поддержки (31,8 %), планирование (27 %), фокус на эмоциях (27 %). Снова в совладающем поведении людей с высокой эмоциональной сепарацией преобладают активность, самостоятельность, попытка не просто отреагировать эмоционально, а переосмыслить ситуацию, работать с ней в позитивном ключе. Вероятно, это происходит потому, что молодые люди, сильно зависимые от родительского одобрения и неодобрения, от их поддержки, на трудную ситуацию, вводящую их в состояние стресса, реагируют сходным образом: они ждут помощи от близких, в первую очередь надеясь на них, а не на себя. Осознание того, что у молодого человека есть «надежный тыл», люди, которые могут помочь, с одной стороны, весьма значимый ресурс, который помогает справляться с противоречиями на жизненном пути. С другой, стороны, постоянная надежда на чей-то совет, ободряющее действие, реальную помощь отражают глубокую зависимость и несамостоятельность человека. Такая реакция в юношеском воз-

расте говорит о том, что человек еще не в полной мере осознает себя как взрослого человека, ответственного за свои поступки, способного справиться с трудностями. При дальнейшем развитии такие качества потенциально могут вылиться в инфантилизм, незрелость личности, проявиться в попытках создавать созависимые отношения с доминирующим партнером, который бы ассоциировался с ролью родителя и давал бы иллюзию уверенности и спокойствия. Кроме того, в патологическом варианте неумение положиться на себя, прилагать активные усилия к разрешению ситуации может вести к обращению к копингу ухода: в случае любой трудности человек, не сформировавший в себе способности решать свои проблемы, будет стремиться укрыться от них в побочных видах деятельности, навязчивых действиях, вредных привычках. Результатом такого поведения могут стать разного рода зависимости, а также неуспешность в деловой сфере и сфере межличностных коммуникаций. Таким образом, поскольку хорошо сепарированный в эмоциональном плане человек проявляет активность, самостоятельность, независимость при решении большинства своих проблем, то формирование достаточно высокого уровня эмоциональной сепарации является важным звеном в обретении юношей личностной зрелости.

Список литературы

1. Бейкер К., Варга А.Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-Центр, 2005. 496 с.
2. Белогой К.Н. Телесность женщины в связи с реализацией репродуктивной функции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1, № 2. С. 137–143.

3. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
4. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академ. проект, 2004. 232 с.
5. Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20–25.
6. Дзукаева В.П. Паттерны психологической сепарации от матери у студентов колледжей в связи с функционированием родительской семьи // Среднее профессиональное образование. 2015. № 5. С. 35–40.
7. Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Опыт использования русскоязычной версии опросника PSI (Psychological Separation Inventory) в изучении сепарации взрослых детей с родителями // Психологическая диагностика: научно-методический и практический журнал. 2014. № 3. С. 3–20.
8. Дутюк А.А. Психологическое содержание понятия «сепарация»: история изучения и близкие понятия // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. М.: СВИВТ, 2013. Вып. 7. С. 49–59.
9. Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда. М.: Республика. 1992. 430 с.
10. Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011. 413 с.
11. Сытько Т.И. Организация эмпирического исследования семейной сепарации // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 6. С. 100–101.
12. Фрейд З. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-классика, 2010. 989 с.
13. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе / пер. с англ. М.В. Вульф, А. А. Спектор. М.: АСТ, 2006. 400 с.
14. Фромм Э. Психоанализ и религия / пер. с англ. А. Дванова. М.: АСТ, 2010. 160 с.
15. Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.Е. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 367 с.
16. Barrera A.M., Blumer M.L.C., Soenksen S.H. Revisiting Adolescent Separation-Individuation in the Contexts of Enmeshment and Allocentrism // The New School Psychology Herald. 2011. Vol. 8, № 2. P. 70–82.
17. Blustein D., Walbridge M., Friedlander M., Palladino D. Contributions of psychological separation and parental attachment to the career development process // Journal of Counseling Psychology. 1991. № 38. P. 39–50.
18. Haghbin M. Attachment Styles and Psychological Separation in relation to Procrastination: A Psychodynamic Perspective on the Breakdown in Volitional Action. Thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Canada, 2006. 123 p.
19. Haws W.A., Mallinckrodt B. Separation-individuation from family of origin and marital adjustment of recently married couples // The American Journal of Family Therapy. 1998. № 26. P. 293–306.
20. Hoffman J.A. Psychological separation of late adolescents from the parents // Journal of Counseling Psychology. 1984. № 31. P. 170–178.
21. Holmbeck G.N. Toward terminological, conceptual, and statistical clarity in the study of mediators and moderators: Examples from the child-clinical and pediatric psychology literatures // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1997. № 65. P. 599–610.
22. Holmbeck G.N., Wandrei M.L. Individual and relational predictors of adjustment in first-year college students // Journal of Counseling Psychology. 1993. № 40. P. 73–78.
23. Mattanah J.F., Hancock G.R., Brand B.L. Parental Attachment, Separation-Individuation, and College Student Adjustment: A Structural Equation Analysis of Mediational Effects // Journal of Counseling Psychology. 2004. Vol. 51, № 2. P. 213–225. (Copyright 2004 by the American Psychological Association).

Получено 27.01.2016

References

1. Bejker K., Varga A.Ya. *Teoriya semejnyh sistem Myurreya Bouena: Osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika* [Murray Bowen's family systems theory: main concepts, methods and clinical practice]. Moscow, Kogito-Centre Publ., 2005, 496 p. (In Russian).
2. Belogaj K.N. [Woman's fleshliness in relation to reproductive function realisation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Kemerovo State University]. 2013, no 2, vol. 1, pp. 137–143. (In Russian).
3. Bowlby J. *Privyazannost'* [Attachment]. Moscow, Gardariki Publ., 2003, 477 p. (In Russian).
4. Bowlby J. *Sozdanie i razrushenie eotsional'nyh svyazej* [Creation and destruction of emotional links]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.,

- 2004, 232 p. (In Russian).
5. Dementij L.I. [On the problem of diagnostics of social context and coping behaviour strategy]. *Zhurnal prikladnoj psihologii* [Journal of applied psychology]. 2004, no 3, pp. 20–25. (In Russian).
 6. Dzukaeva V.P. [Patterns of psychological separation of college students from mothers in relation to parents' family functioning]. *Srednee professional'noe obrazovanie* [Secondary vocational education]. 2015, no 5, pp. 35–40. (In Russian).
 7. Dzukaeva V.P. [Experience of using Russian version of Psychological Separation Inventory while studying separation of adult child from parents]. *Psihologicheskaya diagnostika: nauchno-metodicheskij i prakticheskij zhurnal* [Psychological diagnostics: scientific, methodical and practical journal]. 2014, no 3, pp. 3–20. (In Russian).
 8. Dityuk A.A. [Psychological content of «separation»: history of studying and close concepts]. *Sovremennye problemy psihologii sem'i: fenomeny, metody, kontseptsii* [Modern problems of psychology of family: phenomena, methods and concepts]. Moscow, SVIVT Publ., 2013, iss. 7, pp. 49–59. (In Russian).
 9. Lewis K.S. *Lyubov'. Stradanie. Nadezhda* [Love. Suffering. Hope]. Moscow: Respublika Publ., 1992, 430 p. (In Russian).
 10. Maler M.S., Pain F., Bergman A. *Psihologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladentsa: Sibioz i individuatsiya* [Psychological birth of human infant: Symbiosis and individuation]. Moscow, Kogito-Center Publ., 2011, 413 p. (In Russian).
 11. Syt'ko T.I. [Organization of empiric research of family separation]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya* [State Management University Herald]. 2011, no 6, pp. 100–101. (In Russian).
 12. Freud S. *Maloe sobranie sochinenij* [Short collected edition]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2010, 989 p. (In Russian).
 13. Freud S. *Osnovnye psihologicheskie teorii v psihoanalize* [Main psychological theories in psychoanalysis]. Moscow, AST Publ., 2006, 400 p. (In Russian).
 14. Fromm E. *Psihoanaliz i religiya* [Psychoanalysis and religion]. Moscow, AST Publ., 2010, 160 p. (In Russian).
 15. *Psihologicheskaya separatsiya: podhody, problemy, mehanizmy* [Psychological separation: approaches, problems, mechanisms]. Moscow, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences Publ., 2015, 367 p. (In Russian).
 16. Barrera A.M., Blumer M.L.C., Soenksen S.H. Revisiting Adolescent Separation-Individuation in the Contexts of Enmeshment and Allocentrism. *The New School Psychology Herald*. 2011. Vol. 8, no 2. P. 70–82. (In English).
 17. Blustein D., Walbridge M., Friedlander M., Palladino D. Contributions of psychological separation and parental attachment to the career development process. *Journal of Counseling Psychology*. 1991. No 38. P. 39–50. (In English).
 18. Haghbin M. Attachment Styles and Psychological Separation in relation to Procrastination: A Psychodynamic Perspective on the Breakdown in Volitional Action. Thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Canada, 2006, 123 p. (In English).
 19. Haws W.A., Mallinckrodt B. Separation-individuation from family of origin and marital adjustment of recently married couples. *The American Journal of Family Therapy*. 1998. No 26. P. 293–306. (In English).
 20. Hoffman J.A. Psychological separation of late adolescents from the parents. *Journal of Counseling Psychology*. 1984. No 31. P. 170–178. (In English).
 21. Holmbeck G.N. Toward terminological, conceptual, and statistical clarity in the study of mediators and moderators: Examples from the child-clinical and pediatric psychology literatures. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1997. No 65. P. 599–610. (In English).
 22. Holmbeck G.N., Wandrei M.L. Individual and relational predictors of adjustment in first-year college students. *Journal of Counseling Psychology*. 1993. No 40. P. 73–78. (In English).
 23. Mattanah J.F., Hancock G.R., Brand B.L. Parental Attachment, Separation-Individuation, and College Student Adjustment: A Structural Equation Analysis of Mediational Effects. *Journal of Counseling Psychology* (Copyright 2004 by the American Psychological Association). 2004. Vol. 51, no 2. P. 213–225. (In English).

The date of the manuscript receipt 27.01.2016

Об авторе

Потапова Юлия Викторовна

старший преподаватель кафедры педагогики
и психологии

Омский государственный медицинский универ-
ситет Министерства здравоохранения РФ,
644043, Омск, ул. Ленина, 12;
e-mail: kardova.jv@gmail.com

About the author

Potapova Yulia Viktorovna

Senior Lecturer of Department of Pedagogics
and Psychology

Omsk State Medical University,
12, Lenin str., Omsk, 644043, Russia;
e-mail: kardova.jv@gmail.com

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Потапова Ю.В. Особенности совладающего поведения у юношей и девушек с разным уровнем эмоцио-
нальной сепарации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016.
Вып. 1(25). С. 74–83.

Please cite this article in English as:

Potapova Yu.V. Peculiarities of coping behavior of boys and girls with different levels of emotional separation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 74–83.

УДК 159.9.01

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ИННОВАЦИОННЫХ СИТУАЦИЯХ

Артемьева Вероника Алиевна

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Участникам инновационного процесса постоянно приходится делать выбор, касающийся нравственных аспектов отношений между людьми, так как каждая инновация так или иначе касается материального, социального либо психологического состояния участвующих. Нарушение нравственных норм на любом этапе инновационного цикла может привести к сложным, а порой даже трагическим последствиям. В статье рассматриваются социально-психологические особенности принятия решения в ситуациях морального выбора личности, участвующей в инновационном процессе в разных социальных ролях: создателя инноваций; руководителя, занимающегося внедрением инноваций; исполнителя, реализующего инновации. Предлагается методика оценки психологических особенностей морального выбора в ситуациях, связанных с инновационным процессом.

Ключевые слова: нравственная направленность; инновационный процесс; принятие решения в ситуации морального выбора.

PECULIARITIES OF MORAL SPHERE OF ARCHITECTURE AND CONSTRUCTION STUDENTS IN INNOVATIVE SITUATIONS

Veronika A. Artemyeva

Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Participants of innovative process should constantly make the choice concerning ethical standards of human relations as each innovation so, or otherwise, concerns a material, social or psychological state of the participating. Violation of ethical standards at any stage of an innovative cycle can bring to difficult situations, even to tragic consequences. The paper describes the socio-psychological characteristics of decision-making in situations of moral choice of the person involved in the innovation process in different social roles: a creator of innovations; a manager who is engaged in introduction of innovations and a performer, implementing innovations. The technique of an assessment of psychological features of a moral choice in the situations connected with innovative process is offered.

Key words: the moral orientation; innovative process; decision-making in a situation of a moral choice.

Анализ проблем, связанных с инновационным процессом, на практике чаще всего проводится с позиций технических, технологических, экономических, организационных, правовых трудностей. Но основной группой проблем, на наш взгляд, являются психологические. Изменения окружающей среды, социума, происходящие в результате любых инноваций, как правило, нелегко даются вовлеченным в них людям. Причем как тем, кто участвует в создании и внедрении нововведений, так и тем, кто получает результаты инноваций в виде продуктов и услуг. И те, и другие должны быть готовы к постоянным изменениям, к отказу

от привычного образа действий, а иногда и от привычного образа жизни. В ситуациях, связанных с инновационным процессом, от участников требуется умение быстро адаптироваться к изменениям, происходящим в результате внедрения инноваций, к коммуникациям и формам сотрудничества в изменившихся условиях. При этом инновационный процесс, как правило, происходит в ситуации постоянной конкуренции идей и борьбы за внедрение этих идей, в условиях дефицита времени и ресурсов.

В таких условиях участникам инновационного процесса постоянно приходится совершать выбор.

Как правило, этот выбор касается нравственных аспектов отношений между людьми, так как каждая инновация так или иначе касается материального или социального положения, либо психологического состояния участников инновационного процесса. Последствия такого выбора с моральной точки зрения могут быть самые разные. Нарушение нравственных норм на любом этапе инновационного цикла, касающиеся как профессиональных, так и межличностных отношений, может привести к сложным, даже трагическим последствиям. Наибольшую высокую ответственность за последствия своего морального выбора на определенных этапах инновационного процесса несут руководители разных уровней, так как их моральный выбор может быть решающим для сотрудников, компании, страны или даже для человечества.

Под нравственностью обычно понимается личная убежденность человека, его стремление придерживаться норм и принципов поведения людей в отношении друг друга и общества в целом, санкционированных внутренним чувством, общественным мнением и традицией.

Несмотря на наличие разных концепций, пытающихся объяснить проблемы нравственности в современном мире, все они сходятся в одном: нравственность является важным аспектом духовности личности, ее внутренним ядром. Уровень нравственности конкретной личности и социума в целом в конечном итоге определяет цели развития человека и гражданина: чем выше уровень нравственности, тем гармоничнее его сосуществование социальным окружением [10].

Можно сказать, что социально-психологический контекст инновационного процесса всегда находится внутри более широкого социокультурного контекста, связанного с мировоззренческими установками участников инновационного процесса относительно традиций и инноваций, их отношения к ломке традиционного уклада конкретной общности людей. Внедрение в жизнь социума инноваций часто влечет за собой изменение традиционной иерархии ценностей, что порождает серьезные социально-психологические проблемы.

В целом социально-психологический контекст инновационного процесса можно охарактеризовать как напряженный, продуцирующий межличностные конфликты (между руководителями разного звена и подчиненными, а также между сотрудниками коллектива, занимающегося конкретными видами инноваций) [6]. Помимо межличностных конфликтов могут возникать психологические проблемы, связанные с индивидуальными особенностями нравственной сферы личности, участву-

ющей в инновационном процессе [1, 5, 8]. Такими особенностями являются: отношение личности к общечеловеческим нравственным нормам; отношение личности к нормам, принятым в конкретном профессиональном сообществе; индивидуальные психологические особенности принятия решения в ситуациях морального выбора; социальная ответственность; профессиональная ответственность.

Психология морали разрабатывалась в рамках трех фундаментальных психологических направлений: бихевиоризма, психоанализа и когнитивного подхода [3]. Наиболее объемные эмпирические исследования индивидуального морального сознания проводились в рамках научной школы Л. Колберга. Теория стадийного развития морального сознания Л. Колберга внесла значительный вклад в изучение ключевых компонентов морального функционирования человека. Однако с точки зрения практического приложения данная концепция имеет ряд серьезных ограничений: в частности, метод дилемм разработан для обоснования теории нравственных стадий и не пригоден для решения других задач исследования нравственной сферы личности [3].

Исследования определяющих факторов морального поведения личности проводили: Б.С. Братусь (1973), В.В. Знаков (1999), И.Г. Дубов и А.А. Хвостов (2000), Е.П. Ермолаева (2001), А.Б. Купрейченко (2002), А.Л. Журавлев (2007), Г.С. Никифоров (2007), А.Е. Воробьева (2010), И.А. Мироненко (2010), М.И. Воловикова (2010) и др. Данные исследования показали, что серьезной проблемой на пути изучения факторов нравственного сознания и поведения становится расхождение между моральными нормами, которые человек декларирует, и теми, которым он реально следует в жизни.

Практическим решением данной проблемы стала методика Е.К. Веселовой «Друг-советчик», разработанная в рамках созданной ею экзистенциально-онтологической концепции нравственного функционирования личности, которая обосновывает интеграцию двух структур личности — бытийной и ментальной. Методика Е.К. Веселовой позволяет исследовать особенности морального выбора личности в непростых ситуациях, которые имеют однозначное этическое решение с определенных мировоззренческих позиций, но существующие обстоятельства часто делают это решение неоднозначным. Ответ респондента позволяет понять его предпочтения в процессе решения таких ситуаций. Если эти предпочтения в целом сильно отличаются от этически однозначного решения, то можно говорить о значительном откло-

нении нравственных правил личности от традиционно принятых [3]. Исследования в данном направлении были продолжены Г.А. Токаревой, которая изучила особенности нравственной направленности современных российских менеджеров [8].

Однако ситуация участия личности в инновационном процессе не изучена в аспекте нравственности, что и побудило нас к созданию собственного инструмента исследования данной проблемы.

Цель нашего исследования — изучение некоторых особенностей нравственной сферы личности как участника инновационного процесса.

Непосредственные моральные правила, используемые личностью, зависят от ее взглядов на мир, на человека, на его назначение в мире. Индивидуальные особенности принятия решения в ситуациях морального выбора связаны с особенностями характера личности, ее воспитания, установок относительно общечеловеческих нравственных норм и этических профессиональных норм.

Эмпирическое изучение нравственной сферы личности в любой области жизни представляет собой чрезвычайно сложную задачу.

Нравственная сфера личности — это психологическое образование, включающее психологические механизмы, обеспечивающие поведение личности, соответствующее нравственным нормам [5].

Мы исследовали нравственную сферу личности, участвующей в инновационном процессе в одной из трех ролей: как создателя инновации («творец-инноватор»); как руководителя, занимающегося внедрением инновации («инновационный менеджер»), и как исполнителя, реализующего инновации («реализатор-инноватор»).

Всего в исследовании участвовали 371 чел., все они имели отношение к инновационным процессам в разных сферах деятельности. Из них группу «творцов-инноваторов» в нашем исследовании представляли будущие архитекторы (студенты старших курсов архитектурного факультета Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (СПбГАСУ)) — 101 чел. Группа «инновационные менеджеры» представлена менеджерами, студентами выпускного курса факультета экономики и управления СПбГАСУ, которым в будущем предстоит руководить процессом внедрения инноваций — 167 чел. Группа, названная нами «реализаторами-инноваторами», была представлена будущими строителями (студентами старших курсов строительного факультета этого вуза), которым в профессиональной деятельности предстоит реализовывать идеи «творцов-инноваторов» — 103 чел.

Исследования проводились в течение 4 лет: с 2012 по 2015 г. [1, 2, 5].

В качестве основного метода исследования использовалась методика В.А. Артемьевой, Е.К. Веселовой «Разговор на работе – 1».

Методика «Разговор на работе – 1» предназначена для изучения психологических особенностей морального выбора личности в ситуациях, связанных с инновационным процессом. Методика является проективной — респонденты погружаются в ситуации морального выбора, которые могут возникнуть на работе в связи с участием в инновационном процессе (14 ситуаций), и в ситуациях, которые могут возникнуть в обыденной жизни (14 ситуаций) [1, 4]. Они должны дать обоснованный совет коллеге, как поступить в каждом случае. Мы полагаем, что проективный характер предлагаемых в методике ситуаций и то, что респондент дает «совет другу», а не решает ситуацию для себя лично, значительно уменьшает эффект социальной желательности, который неизбежен в любых психологических опросах. Кроме того, в ситуациях, когда речь идет о намерениях исполнять моральные (нравственные нормы), желание их исполнять хотя бы на словах отражает принятие нравственных норм и согласие личности исполнять их тогда, когда это возможно, что тоже положительно характеризует нравственную направленность респондента. Для оценки желания скрыть свое отношение к нравственным нормам в методике предусмотрен показатель «количество уклончивых ответов». Большое количество уклончивых ответов характеризует респондента как скрывающего свою настоящую позицию и как еще не определившегося в личностном плане.

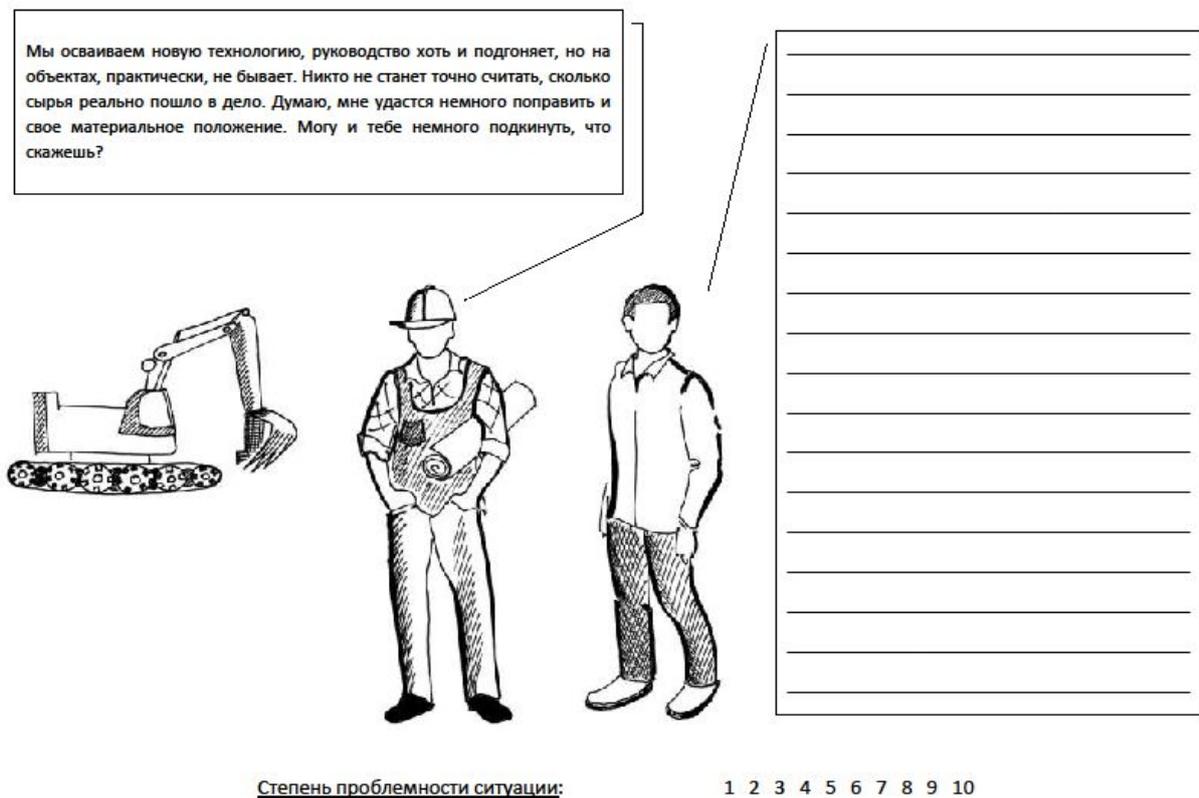
Кроме того, создавая этот инструмент, мы посчитали важным учесть некоторые особенности российского менталитета. Дело в том, что на сегодняшний день результаты многочисленных исследований проблем нравственности современного российского общества неутешительны. Особенности сознания россиян, связанные с ценностными ориентациями и нравственными представлениями, исследовались В. В. Знаковым, В.И. Воловиковой, А.Б. Купрейченко, А.Л. Журавлевым, И.А. Мироненко, А.В. Юревичем, Д.В. Ушаковым и др. Эти авторы отмечают тенденцию к несоблюдению нравственных норм как массовую. Корни такой «деградации» российского общества видятся в критическом столкновении различных культур, включая деловые, утрате традиционных символов-ориентиров в социокультурной среде из-за непрекращающихся реформ. В исследованиях А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко показаны раз-

личия в отношении к соблюдению нравственных норм у представителей разных профессий, в частности, у предпринимателей и менеджеров. «По качествам правдивости и принципиальности менеджеры гибче предпринимателей, а по справедливости и ответственности предприниматели гибче менеджеров» [6, с. 328]. Проведенные нами исследования [1, 2, 5] и анализ экспертных оценок инновационных ситуаций [1] дают возможность предположить наличие особенностей менталитета россиян, связанных с инновационной деятельностью и имеющих некую профессиональную специфику. Так, например, склонность к хищениям, особенно в ситуациях перемен, «под шумок», была выделена экспертами как особенность менталитета россиян. На этом основании в нашу методику были включены сложные ситуации, позволяющие подтвердить или опровергнуть наличие выделенных ментальных особенностей. Пример такой ситуации показан на рисунке. Полученные результаты под-

твердили правомерность включения данных ситуаций в методику [1].

Дополнительно респонденты оценивали степень проблемности ситуации по 10-балльной шкале. 14 ситуаций, вошедших в методику, взяты из методики «Друг-советчик – 2» [3], они представляют собой ситуации морального выбора из обыденной жизни. В основе каждой из 28 ситуаций лежит общечеловеческая или профессиональная моральная норма, имеющая положительное этическое решение, однако обстоятельства ситуации предполагают возможность получения личной выгоды или реализации личных интересов героя ситуации, что значительно осложняет нравственный выбор респондента.

Все ситуации сопровождаются авторскими рисунками. Пример стимульного материала приведен на рисунке.

Пример стимульного материала методики «Разговор на работе – 1»

Количественная обработка результатов методики «Разговор на работе – 1» заключается в следующем: сначала каждому ответу респондентов присваивается одна из трех категорий:

- 1) позитивный моральный выбор (Р) — полное соответствие моральному стандарту — 2 балла;
- 2) негативный моральный выбор (О) — отрицание морального стандарта, мнение о необязательности его выполнения — 0 баллов;

3) промежуточные варианты — уклончивые, неопределенные ответы, отсутствие ответа на данный вопрос (U) — 1 балл.

Далее подсчитывается «общий индекс нравственности» (I) как сумма баллов, полученных за позитивные и уклончивые решения по всем 28 ситуациям морального выбора. Диапазон изменения от 0 до 56 баллов.

Далее подсчитываются отдельно сумма негативных решений морального выбора, сумма позитивных и сумма уклончивых ответов, что также рассматривается в качестве показателей психологических особенностей поведения личности в ситуации морального выбора [3] и ее нравственной направленности.

Для оценки нравственной направленности (стремления исполнять нравственные нормы) в ситуациях, связанных с инновационной сферой, предусмотрено пять субшкал (по четыре вопроса в каждой субшкале): 1) оценка социальной ответственности респондента (создание ситуаций риска жизнью и здоровьем людей); 2) оценка правовой ответственности (поведение в ситуациях, создающих условия для возможных хищений); 3) оценка профессиональной ответственности

(стремление соблюдать профессиональные обязанности); 4) оценка организационно-коммуникативной этики (стремление соблюдать организационно-коммуникативные этические нормы); 5) оценка склонности к проявлению карьеризма (уклонение от соблюдения нравственных норм ради продвижения по «карьерной лестнице»).

Оценка ответов производилась следующим образом: 2 балла — нравственно-позитивное решение; 1 балл — уклончивое решение; 0 баллов — нравственно-негативное решение. Итоговый балл по каждой субшкале рассчитывался как сумма баллов по вошедшим в нее вопросам.

Математико-статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS (версия 19.0).

Результаты исследования

Средние значения показателей нравственной направленности по методике «Разговор на работе – 1» представлены в табл. 1.

Сравнительный анализ выраженности нравственной направленности групп респондентов, выполненный с помощью критерия Краскела-Уоллиса приведен в табл. 2.

Таблица 1. Средние значения показателей нравственной направленности участников инновационного процесса (N = 371, средний возраст респондентов — 20.5)

№	Показатели нравственной направленности	Средние значения по выборке (M ± σ)	Диапазон изменения показателя по всей выборке (min/max)	
1	I — общий индекс нравственности (по 28 ситуациям)	38.24 ± 8.21	16 – 58	
2	P — количество позитивных выборов (по 28 ситуациям)	15.45 ± 4.52	3 – 27	
3	U — количество уклонений от выборов (по 28 ситуациям)	7.31 ± 3.19	2 – 23	
4	O — количество негативных выборов (по 28 ситуациям)	6.11 ± 3.670	0 – 16	
5	Ii — индекс нравственности в инновационных ситуациях (по 14 ситуациям)	18.89 ± 3.86	4 – 27	
6	II — индекс нравственности в личной сфере (по 14 ситуациям)	16.76 ± 3.91	5 – 27	
7	Субшкалы нравственной направленности в ИС	Социальная ответственность	6.25 ± 1.78	0 – 12
		Правовая ответственность	5.81 ± 1.70	0 – 8
		Профессиональная ответственность	3.68 ± 2.08	0 – 12
		Организационно-коммуникативная этика	5.55 ± 1.56	0 – 9
		Склонность к карьеризму	3.43 ± 1.60	0 – 8

Таблица 2. Суммарные ранги показателей по методике «Разговор на работе – 1» в трех группах участников инновационного процесса

№	Показатели	(1) Студенты-архитекторы N = 101	(2) Студенты-менеджеры N = 167	(3) Студенты-строители N = 103	Критерий согласия (Хи-квадрат)	Достоверность различий по критерию Краскела-Уоллиса	
1	Общий индекс нравственности (I)	224.79	154.91	196.68	28.49	$p \leq 0.01$	
2	Количество морально-позитивных ответов (P)	218.30	149.63	211.76	34.69	$p \leq 0.01$	
3	Количество уклончивых ответов (U)	191.80	211.05	137.42	30.93	$p \leq 0.01$	
4	Количество морально-негативных ответов (O)	151.94	201.49	192.55	14.27	$p \leq 0.01$	
5	Нравственная направленность в инновационных ситуациях (Pi)	200.30	165.79	203.12	10.45	$p \leq 0.01$	
6	Нравственная направленность в личной сфере (II)	228.52	157.32	189.04	28.24	$p \leq 0.01$	
7	Субшкалы нравственной направленности в ИС	Социальная ответственность	229.94	168.77	168.89	25.34	$p \leq 0,01$
		Юридическая ответственность	204.42	173.44	186.51	5.49	$p \leq 0.05$
		Профессиональная ответственность	196.21	167.34	204.62	9.34	$p \leq 0.01$
		Организационно-коммуникативная этика	217.01	170.28	179.22	13.18	$p \leq 0,01$
		Карьеризм	192.64	176.27	193.54	2.35	$p = 0.31$

Наиболее высокий уровень нравственной направленности в нашей выборке оказался в группе студентов-архитекторов, т.е. «творцов-инноваторов», а самый низкий — в группе студентов-менеджеров. Студенты-архитекторы продемонстрировали самые высокие среди выбранных групп показатели нравственной направленности в личностной сфере. Студенты-строители продемонстрировали самые высокие показатели нравственной направленности в инновационной сфере.

Студенты-менеджеры в нашей выборке в значительно большей степени, чем строители и архитекторы, оказались склонны нарушать нравственные нормы как в инновационной, так и в личностной сферах. И продемонстрировали самые низкие показатели практически по всем субшкалам Методики.

Анализируя показатели нравственной направленности в инновационных ситуациях в трех группах, можно отметить, что значимые различия выявились и по показателю социальной ответ-

ственности. Высокий показатель по данной субшкале продемонстрировали студенты-архитекторы. А студенты-менеджеры и студенты-строители в меньшей степени готовы нести социальную ответственность. Кроме того, студенты-архитекторы продемонстрировали склонность проявлять юридическую и организационно-коммуникативную ответственность значимо выше, чем две другие группы в нашей выборке. Что касается профессиональной ответственности, то по показателям данной субшкалы студенты-строители оказались на первом месте.

По показателю карьеризма значимых различий между группами не выявлено, что, возможно, связано с минимальным профессиональным опытом студентов.

Важно отметить, что становление человека в профессии, его нравственное, позитивное участие в инновационном процессе базируется не только и не столько на приобретенных во время учебы знаниях и компетенциях, сколько на его личной

нравственности, на стремлении соблюдать нравственные нормы и принципы как на работе, так и в жизни. Мы полагаем, что при этико-правовом прогнозировании рисков, связанных с использованием результатов инновационной деятельности в социуме, необходимо учитывать фактор внутреннего самоконтроля личности, ее стремление к ответственному социальному и профессиональному поведению. Полученные нами результаты свидетельствуют о чрезвычайной важности введения в образовательные программы высшей школы блоков дисциплин, связанных с обучением студентов не только социальным, правовым и профессиональным нормам, но и с воспитанием нравственных и гражданских качеств личности будущих специалистов [4].

Список литературы

1. *Артемьева В. А.* Методика исследования особенностей нравственного сознания инновационной личности // Вестник гражданских инженеров. 2015. № 1(48). С. 256–263.
2. *Артемьева В. А.* Психологические аспекты внедрения инновационных проектов // Вестник гражданских инженеров. 2013. № 6(41). С. 252–258.
3. *Веселова Е. К.* Метод исследования нравственной сферы личности // Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. проф. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2007. С. 359–374.
4. *Веселова Е. К.* Нравственные аспекты формирования профессионализма у студентов вуза // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Педагогическое пространство вуза: технологии, смыслы, ценности» / под ред. И. Ю. Лапиной, Н. Е. Синичкиной; СПбГАСУ. СПб., 2012. С. 57–62.
5. *Веселова Е. К., Артемьева В. А.* «Инновационная личность»: нравственно-психологические аспекты // Вестник гражданских инженеров. 2014. № 4(45). С. 128–133.
6. *Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Ин-т психологии РАН, 2003. 436 с.
7. *Психология нравственности* / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 508 с.
8. *Токарева Г. А.* Психологические аспекты нравственного компонента профессиональной деятельности менеджера: дис. ... канд. психол. наук / СПбГАСУ. СПб., 2006. 134 с.
9. *Хачатрян Н. Г., Агузумцян Р. В.* Методологические предпосылки изучения духовности // Психологический журнал. 2011. № 1(5). С. 14–18.
10. *McDougall W.* An Introduction to Social Psychology. L.: Methuen & Co, 1908. 355 p.

Получено 14.11.2015

References

1. Artem'eva V.A. [Methods of studying peculiarities of moral consciousness of innovative personality]. *Vestnik grazhdanskih inzhenerov* [Herald of civil engineers]. 2015, no 1(48), pp. 256–263. (In Russian).
2. Artem'eva V.A. [Psychological aspects of innovative projects implementation]. *Vestnik grazhdanskih inzhenerov* [Herald of civil engineers]. 2013, no 6(41), pp. 252–258. (In Russian).
3. Veselova E.K. [Moral sphere of personality studying method]. *Diagnostika zdorov'ya. Psichologicheskij praktikum* [Health diagnostics. Psychological practical work]. Saint Petersburg, Rech' Publ., 2007, 950 p. (In Russian).
4. Veselova E.K. [Moral aspects of professionalism formation of higher education students]. *Materialy Vserossijskoj nauchno-practicheskoy konferentsii «Pedagogicheskoe prostranstvo vuza: tehnologii, smysly, tsennosti»* [Proceedings of All-Russia scientific and research conference «Higher educational institutions pedagogic space: technologies, senses, values»]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2012, pp. 57–62. (In Russian).
5. Veselova E.K., Artem'eva V.A. [«Innovative personality»: moral and psychologic aspects]. *Vestnik grazhdanskih inzhenerov* [Herald of civil engineers]. 2014, no 4(45), pp. 128–133. (In Russian).
6. Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. *Nravstvenno-psichologicheskaya regulyatsiya ekonomicheskoy aktivnosti* [Moral and psychologic regulation of economic activity]. Moscow, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences Publ., 2003, 436 p. (In Russian).
7. *Psichologiya nravstvennosti* [Psychology of morality]. Moscow, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences Publ., 2010, 508 p. (In Russian).
8. Tokareva G.A. *Psichologicheskie aspekty nravstvennogo komponenta professional'noj deyatel'nosti menedzhera: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological aspects of moral component of manager's professional activity: Dissertation for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2006, 134 p. (In Russian).
9. Hachatryan N.G. [Methodological prerequisites for

spirituality studying]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2011, no 1(5), pp. 14–18. (In Russian).

10. McDougall W. An Introduction to Social Psycholo-

gy. London: Methuen & Co, 1908. 355 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 14.11.2015

Об авторе

Артемьева Вероника Алиевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры управления организацией

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
190005, Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармей-
ская, 4;
e-mail: nika.artemeva@gmail.com

About the author

Artemyeva Veronika Alievna

PhD. in Psychology, Docent, Associate Professor
of Department of Organization Management

Saint-Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering,
4, 2-Krasnoarmeyskaya str., Saint-Petersburg,
190005, Russia;
e-mail: nika.artemeva@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Артемьева В.А. Особенности нравственной сферы студентов архитектурно-строительных специальностей в инновационных ситуациях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 84–91.

Please cite this article in English as:

Artemyeva V.A. Peculiarities of moral sphere of architecture and construction students in innovative situations // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 84–91.

УДК 159.9.072.59

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ «ВОПРОСНИКА БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ» (BIG FIVE INVENTORY) ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОДРОСТКОВ

Мишкевич Арина Михайловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

На выборке подростков апробировалась русскоязычная версия «Вопросника Большой Пятерки» («Big Five Inventory», BFI; John et al., 1991, 2008). По результатам фокус-группы один пункт BFI был изменен. BFI показал высокую внутреннюю согласованность. Шкалы нейротизма в тесте Айзенка и BFI сильно коррелировали между собой, так же, как и шкалы экстраверсии данных методик, что свидетельствует о конвергентной валидности. Внутренняя структура шкал BFI, объяснившая 61 % дисперсии, согласуется с теоретическими положениями модели стабильности/пластичности, что подтверждает конструктивную валидность вопросника.

Ключевые слова: личностные черты; Большая Пятерка; подростковый возраст; стабильность/пластичность.

USING THE RUSSIAN VERSION OF THE BFI IN THE STUDY OF ADOLESCENTS

Arina M. Mishkevich

Perm State University

This study aims to test a Russian version of the Big Five Inventory (BFI; John et al., 1991, 2008) using a sample of Russian adolescents. To this purpose a focus-group was performed. Prior to the data gathering, one item had been modified given a teenager focus group discussion. Internal consistency of the BFI subscales was acceptable. Extraversion measured with BFI correlated positively with extraversion measured with Eysenck Personality Inventory (EPI). Neuroticism measured with BFI similarly correlated with Neuroticism measured with EPI. These results provide evidence of convergent validity of the Russian BFI. The factor structure of its subscales was consistent with the Stability/Plasticity model (DeYoung et al., 2002). The BFI subscales explained 61 % of variance. These findings further support construct validity of the Russian BFI.

Key words: personality traits; Big Five; adolescents; stability/plasticity.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса научного сообщества к пятифакторной модели личности. В рамках этой модели активно разрабатывается направление исследования личности детей и подростков [5, 25, 40]. В то же время, несмотря на наличие некоторого количества опросников, разработанных специально для подростков, исследователи зачастую используют «взрослые» методики. При этом в исследованиях, как правило, не проверяется валидность данных методик на выборке подростков.

На русский язык переведены несколько методик исследования пятифакторной структуры черт личности [5, 7, 11]. В частности, переведен и адаптирован [12, 39] «Big Five Inventory» (BFI

[26]) — один из наиболее используемых опросников. Несмотря на то что оригинал методики применяется, в частности, на подростках (см., напр., [25, 30, 42]), нет данных о возможности применения русскоязычного варианта методики на данной популяции.

Пятифакторная модель черт личности

Исторически одним из главных вопросов психологии был вопрос о структуре личности [26]. Существует множество подходов, пытающихся дать ответ на этот вопрос. Один из них — диспозиционный, который рассматривает личность как структуру, состоящую из равноуровневых черт. Черта определяется авторами как предрасполо-

женность вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций [9]. Одной из наиболее авторитетных моделей в рамках этого направления является «Большая Пятёрка», выделяющая в структуре личности пять факторов [26]: экстраверсию (extraversion), доброжелательность (agreeableness), добросовестность (conscientiousness), нейротизм (neuroticism), открытость к опыту (openness to experience). Данная теория основана на лексическом подходе, утверждающем, что основные особенности личности можно обнаружить в языке. Изначально авторами были выделены черты личности в рамках английского языка.

Впервые пятифакторная структура личности была получена Фиске на основе результатов исследования Кеттела в 1949 г. В конце 1950-х попытку повторить результаты Кеттела сделали Тьюпс и Кристал (цит. по: [21]). Им также не удалось воспроизвести структуру личности, состоящую из 16 факторов, зато они вновь получили 5 факторов. Впоследствии, на основе данных Кеттела, ещё несколько ученых, таких как Боргатта и Смит, подтвердили пятифакторную структуру личности (цит. по: [21]). Норман в 1963 г. идентифицировал именно данные пять факторов [8]. Впервые понятие «Big Five» («Большая Пятёрка») употребил Голдберг в 1981 г. [22].

Данная структура не подразумевает, что личность можно описать всего лишь пятью факторами. Скорее данные пять измерений представляют личность на высоком уровне абстракции. Каждый из пяти факторов включает в себя большое количество более мелких конкретных характеристик [26].

Интерес к данной модели личности в международном научном сообществе растет. Так, если в 1990–1994 гг. количество публикаций, относящихся к этой теории, не достигало 500, то в 2004–2008 гг. их было больше 1500 [26].

Между пятью чертами стабильно обнаруживаются слабые и умеренные корреляции, что может указывать на то, что они не являются предельно общими. В связи с этим Digman, проанализировав 14 исследований, продемонстрировал наличие двух факторов высшего уровня [20]: α (включающий эмоциональную стабильность, доброжелательность и добросовестность) и β (включающий экстраверсию и открытость опыту). Эта модель позднее получила свое развитие в модели «пластичности/стабильности» [18, 19]. Стабильность (α) связана с устойчивостью в эмоциональной, социальной и мотивационной сфере: эмоциональная стабильность (обратная сторона

нейротизма) отражает свободу от отрицательных аффектов, высокие показатели доброжелательности связаны с доверием, прямоотой и альтруизмом, а добросовестность состоит из таких черт, как самодисциплина и аккуратность.

Пластичность (β) связана с гибкостью в когнитивной сфере и поведении: экстраверсия связана с позитивными эмоциями и социальной активностью, а открытость отражает потребность в новом опыте и когнитивную активность.

Изначально «Большая Пятёрка» была создана на английском языке, но при этом авторами подчёркивается универсальность данной модели для многих языков и культур, что подтверждается эмпирическими исследованиями [13, 27, 33, 38]. Методики диагностики личности в рамках данной модели переведены более чем на 40 языков, причём не только на индоевропейские, но и на языки других языковых семей. При этом во всех языках сохраняется структура свойств, что свидетельствует об универсальности модели для всего человеческого вида [1]. Валидность пятифакторной модели личности для российской выборки также продемонстрирована многочисленными исследованиями [2, 3, 4, 12].

Модель личности Айзенка, связь с «Большой Пятёркой»

Модель личности Айзенка, наряду с моделью Большой Пятёрки, является одной из самых авторитетных в рамках диспозиционального подхода [14, 39]. Обе теории предполагают наличие нескольких общих суперчерт. Айзенк выделял изначально две, а позже три суперчерты, которые, в свою очередь, состоят из нескольких черт, имеющих составные части — множество специфических реакций. Айзенк выделял интроверсию — экстраверсию и нейротизм — стабильность. Позже он обозначил такую суперчерту, как психотизм — сила Сверх-Я [9]. Известно, что ряд авторов, в частности МакКрей и Коста, настаивают на том, что экстраверсия и нейротизм в «Большой Пятёрке» соответствуют одноимённым чертам в модели Айзенка. Психотизм в модели Айзенка объясняет добросовестность и доброжелательность, а открытость опыту выходит за рамки модели Айзенка. При этом все пять черт, по мнению авторов, являются чертами одного уровня [23, 40]. Сам же Айзенк пишет о том, что черты «добросовестность» и «доброжелательность» являются факторами низшего порядка по отношению к психотизму. То есть наиболее ортогональными

факторами являются экстраверсия, нейротизм и психотизм [23].

Таким образом, существуют расхождения во взглядах на соотношение черт «психотизм», «добросовестность», «доброжелательность» и «открытость опыту». При этом черты «экстраверсия» и «нейротизм» модели Айзенка и «Большой Пятёрки» большинством авторов понимаются как концептуально схожие, хотя не идентичные. При этом структура факторов в данных теориях различается [15].

Известно, что МакКрей и Коста обнаружили пятифакторную структуру на материале исследования личности Айзенка [34]. Таким образом, можно предположить наличие умеренных либо сильных корреляций между этими факторами.

Это подтверждается и в исследованиях, выполненных на русском языке. В частности, в исследовании Барановской было установлено наличие стабильной корреляции между шкалами эстраверсии разных методик на уровне не более $r = 0.78$. Корреляции по шкалам «нейротизм» разных моделей находятся в пределах от 0.48 до 0.69 [3].

Методы исследования структуры личности подростков

Отдельная область исследований — изучение личности в детском и подростковом возрасте. Одним из наиболее важных моментов в подобных исследованиях является выбор валидного и надёжного метода измерения. При исследовании личности детей, как правило, используются описания, которые дают родители или учителя. По данным Кохнстама с соавторами [28, 29], порядка 76–85 % свободных описаний родителями черт личности своих детей могут быть отнесены к «Большой Пятёрке».

Ряд методик диагностирует пятифакторную структуру личности подростков. Одним из наиболее часто используемых является «Иерархический личностный опросник для детей» («Hierarchical Personality Inventory for Children»; HiPIC [35]), используемый для детей и подростков от 5 до 17 лет [16]. HiPIC состоит из нескольких шкал: добросовестность (conscientiousness), доброжелательность (benevolence), экстраверсия (extraversion), эмоциональная стабильность (emotional stability) и воображение (imagination). Таким образом, шкалы HiPIC несколько отличаются от факторов «Большой Пятёрки», но в целом с ней совпадают.

Возможность применения стандартизированных самоотчётных тестов для диагностики личности подростков остаётся спорной. Неясно, пони-

мают ли подростки вопросы, достаточно ли хорошо они понимают себя, чтобы ответить на данные вопросы [32]. В то же время эмпирические исследования подтверждают сильную взаимосвязь оценок учителей и родителей с данными самоотчётных тестов личности подростков, что указывает на достаточную валидность последних [37, 40]. В частности, валидность одной из наиболее используемых методик «Adolescent Personal Style Inventory» (APSI [31]) продемонстрирована целым рядом исследований [2, 5, 6, 11].

Шкалы APSI идентичны факторам «Большой Пятёрки». Показана высокая надёжность шкал APSI, а также их сильные корреляции с оценками личности подростков учителями, что свидетельствует о конвергентной валидности методики. На русский язык переведена и адаптирована методика диагностики черт личности детей и подростков согласно модели «Большой Пятёрки» — «Список индивидуальных особенностей ребенка» (СИОР) [5]. Данная методика состоит из 108 пунктов и может использоваться как для оценки детей и подростков родителями, так и как самоотчётный тест. Валидность и надёжность данной методики продемонстрирована рядом исследований [2, 5, 6, 11].

Многие исследования личности подростков проводятся с помощью методик, разработанных для взрослых (см., напр., [25, 30, 42]). Так, в одном из обзоров исследований взаимосвязи школьной успеваемости и черт личности [36] было показано, что APSI использовалась лишь в одном случае, а в остальных 19 исследованиях применялись «взрослые» методики.

Методы исследования пятифакторной структуры на русском языке

Впервые на русском языке таксономическую структуру личности получили Шмелёв и Похилько. Выделенная ими структура личности частично совпадала со структурой, полученной Голдбергом [41].

Подтверждение пятифакторной структуры личности на российской выборке долгое время осложнялось отсутствием методик. Одной из первых на русский язык была переведена и адаптирована А.Б. Хромовым японская версия «Большой Пятёрки» (Тсуйи) в 2000 г. При этом данная версия имеет свою специфичность. Она отличается от интерпретации структуры личности МакКрей и Костой (в рамках данной интерпретации структуры личности выделяются факторы экстраверсия – интроверсия, привязанность – отдалённость, контролирование – естественность, эмоциональность – эмо-

циональная сдержанность, игривость – практичность). Данная методика состоит из 75 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале [8].

В 2004 г. была опубликована русская версия личностного опросника NEO-PI-R («Revised NEO Personality Inventory»). Данный опросник состоит из 240 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале. Методика включает 5 шкал и 30 подшкал, т.е. по 6 на каждую шкалу. Она предназначена для диагностики взрослых психически здоровых людей [6].

Позже на русский язык была переведена и адаптирована ещё одна широко используемая в рамках исследований структуры личности методика — IPIP («International Personality Item Pool») Голдберга. Методика состоит из 100 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале [4].

Кроме того, Ивановой и Шмелёвым была разработана оригинальная версия методики диагностики структуры личности, названная «B5sPlus». Данная методика состоит из 100 пунктов и включает в себя также шкалу социальной желательности [8].

Таким образом, на русском языке представлено сразу несколько методик, продемонстрировавших свою надёжность и валидность. Однако все они достаточно громоздки, что может затруднять процесс диагностики. В связи с этим так важен был перевод и адаптация на русский язык более компактной методики — BFI («Big Five Inventory»), состоящей из 44 пунктов, каждый из которых оценивается по 5-балльной шкале [9, 32].

Big Five Inventory при измерении черт личности подростков

BFI была разработана в конце 1980-х гг. в качестве компактного инструмента для диагностики пятифакторной структуры. BFI состоит из 44 коротких высказываний, описывающих личность. Надёжность и валидность BFI для выборки взрослых продемонстрирована рядом исследований [9, 31]. Данная методика особенно интересна тем, что находится в свободном доступе, а значит, широко применяется в оценках через Интернет. Подшкалы методики стабильно демонстрируют хорошую внутреннюю согласованность, а также конвергентную валидность, показывая сильные корреляции с соответствующими подшкалами методик Голдберга и NEO-FFI («NEO Five-Factor Inventory») [17].

В то же время BFI обладает существенным преимуществом перед другими методиками, а именно компактностью и краткостью. Исследова-

тели зачастую ограничены во времени для проведения тестирования. В связи с этим особенно актуально наличие методики, которая, оставаясь валидной и надёжной, занимает немного времени. Кроме того, актуально создание компактного метода для исследований, проводимых через Интернет, а также в масштабных исследованиях, когда участник выполняет целую серию тестов, и во многих других случаях [22].

Ещё одним важным преимуществом краткой методики является устранение избыточности, т.е. возможность избежать усталости, скуки и разочарования испытуемых, а значит, получить более точные данные.

Несмотря на то что оригинальная версия BFI активно применяется на выборке подростков (см., напр., [25, 30, 41]), на данный момент нет исследований, показывающих валидность русскоязычной версии опросника для подростков. Таким образом, целью нашего исследования является апробация русскоязычной версии BFI на выборке подростков. Предварительно для адаптации BFI использовалась фокус-группа.

Для оценки конвергентной валидности BFI использовался подростковый вариант опросника черт личности Айзенка в адаптации Маталиной («Eysenck Personality Inventory»; цит. по: [10]). Предполагалось, что шкалы экстраверсии и нейротизма теста Айзенка будут умеренно коррелировать с соответствующими шкалами BFI. Кроме того, мы предполагали, что пять шкал BFI будут образовывать двухфакторную структуру, согласно модели «стабильности/пластичности» [18, 19], что будет свидетельствовать в пользу конструктивной валидности BFI.

Метод

В исследовании приняли участие 143 ученика 9–11 классов двух средних общеобразовательных школ г. Перми, среди них — 51.8 % девушек. Возраст испытуемых варьировался от 14 до 17 лет ($M = 15.2$, $SD = 0.7$). Участники заполняли методику в группах. Они привлекались к исследованию при условии положительного отношения и добровольного согласия.

Вопросники

Для анализа черт личности использовалась русскоязычная версия [12, 39] опросника «Big Five Inventory» (BFI [26]) в адаптации Щebetенко, Вайнштейн [12, 38]. Кроме того, использовалась русскоязычная версия подросткового варианта теста личности Айзенка в адаптации Маталиной

(«Eysenck Personality Inventory», EPI [10]), измеряющего экстраверсию, нейротизм и социальную желательность.

Результаты

Фокус-группа

В фокус-группе приняли участие 10 подростков в возрасте от 14 до 17 лет ($M = 15.3$, $SD = 1.3$), в том числе пять девушек. На первом этапе экспертам предлагалось самостоятельно отметить по 7-балльной шкале, насколько понятен каждый пункт анкеты. После этого они отмечали по 7-балльной шкале, насколько каждый пункт можно соотнести с собой. На втором этапе обсуждались трудности, возникшие на первом этапе, а также предлагались альтернативные варианты.

Один пункт BFI – «работать основательно» получил менее 5 баллов в среднем по степени понятности. По результатам обсуждения с экспертами было решено заменить его на пункт «старателен в учебе». Все остальные пункты по степени понятности и возможности отнести к себе в среднем получили более 5 баллов. Средние значения по степени понятности по всем пунктам $M = 6.4$ ($SD = 0.5$), средние значения по всем пунктам по возможности отнести к себе $M = 6.5$ ($SD = 0.4$). Таким образом, пункты BFI могут быть понятны подросткам.

Внутренняя согласованность шкал BFI

Шкалы BFI показали приемлемый уровень внутренней согласованности: $\alpha = .72, .67, .75, .82, .73$ – для экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту соответственно. Альфа Кронбаха также вычислялась для каждого пункта соответствующей шкалы при условии, что данный пункт удалён. Удаление любого из пунктов в каждой шкале не повышало уровень внутренней согласованности, в связи с чем ни один пункт не был удалён.

Шкалы экстраверсии и нейротизма в EPI показали высокую внутреннюю согласованность, $\alpha = .79$ и $.80$, соответственно. Шкала социальной желательности показала слабую внутреннюю согласованность, $\alpha = .53$.

Распределение подшкал

Мы проверили нормальность распределения по шкалам на выборке подростков с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Данные по нормальности представлены в табл. 1.

Таблица 1. Нормальность распределения по шкалам методики BFI ($N = 143$).

Подшкалы BFI	Критерий Колмогорова-Смирнова	p
Нейротизм	0,885	0,414
Добросовестность	0,932	0,35
Доброжелательность	1,161	0,135
Открытость опыту	1,06	0,211
Экстраверсия	1,063	0,209

Таким образом, все подшкалы методики BFI имеют нормальное распределение для выборки подростков.

Конвергентная валидность

Для проверки конвергентной валидности методики BFI был проведён корреляционный анализ шкал методики BFI и подросткового варианта методики Айзенка. Данная методика содержит следующие шкалы: экстраверсия и нейротизм. Для оценки уровня корреляций применялся метод Пирсона. Шкалы нейротизма в EPI и BFI сильно коррелировали между собой: $r = .57$, $p \leq .001$, что свидетельствует об их конвергентной валидности. Шкалы экстраверсии в EPI и BFI сильно и положительно коррелировали между собой: $r = .58$, $p \leq .001$, что также свидетельствует об их конвергентной валидности.

Конструктивная валидность

Анализ главных компонент (вращение Варимакс) зафиксировал в BFI два фактора, объяснивших в совокупности 61 % дисперсии.

Таблица 2. Факторная структура подшкал BFI (метод главных компонент, вращение Варимакс)

Подшкалы BFI	Компонента 1	Компонента 2
Нейротизм	-.78	.03
Добросовестность	.74	.13
Доброжелательность	.66	.30
Открытость опыту	.07	.83
Экстраверсия	.17	.79
Доля объясненной дисперсии, %	32.52	28.48

Отметим, что такая факторная структура согласуется с предсказаниями модели стабильности/пластичности [18; 19].

Обсуждение

Данное исследование было направлено на апробацию русскоязычной версии BFI на выборке подростков. Нами была проведена фокус-группа, по результатам которой было решено изменить один пункт опросника — «работает основательно» на пункт «старателен в учёбе», а также было установлено, что остальные пункты понятны подросткам и они могут отнести их к себе.

Подшкалы BFI показали приемлемый уровень внутренней согласованности. Все подшкалы методики свидетельствуют о нормальном распределении. Были получены сильные корреляции между тестами BFI и EPI по шкалам нейротизма и экстраверсии. Это указывает на конвергентную валидность BFI, по крайней мере, в части этих двух подшкал. Известно, что ряд авторов, в частности МакКрей, Коста и Айзенк, полагают, что экстраверсия и нейротизм в «Большой Пятёрке» соответствуют одноимённым чертам в модели Айзенка [14, 23, 34]. Кроме того, МакКрей и Коста обнаружили пятифакторную структуру на материале исследования личности Айзенка [14]. Это подтверждается и в исследованиях на русском языке. В частности, в исследовании Барановской [3] была установлена сильная корреляция между шкалами экстраверсии моделей «Большой Пятёрки» и Айзенка на уровне $r = .78$. Аналогичный результат был получен по шкалам нейротизма: $r = .69$. В нашем исследовании также обнаружены сильные корреляции между моделями Айзенка и «Большой Пятёрки» при измерении нейротизма и экстраверсии. Эти данные также согласуются с теоретическими положениями о концептуальной схожести черт моделей «Большой Пятёрки» и Айзенка.

Важным результатом является то, что вторичная факторная структура пунктов BFI соответствует модели «пластичности/стабильности» [18, 19, 20]. Ранее аналогичный результат был получен на выборке российских студентов [39]. Подтверждение теоретических положений о наличии двух факторов более высокого порядка свидетельствует о конструктивной валидности.

Таким образом, нами была ещё раз продемонстрирована достаточная валидность и надёжность русскоязычной версии BFI. Результаты исследования подтверждают возможность использования данного опросника на подростковой выборке, что согласуется с обнаруженной в исследованиях тенденцией к использованию на выборке подростков «взрослых» методик (см., напр., [24, 30, 36, 42]).

Список литературы

1. Аллик Ю., Мьттус Р., Реало А. и др. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 1, № 1. С. 2–18.
2. Ахметова О.А., Сафронова М.В., Слободская Е.Р. Личностные факторы вовлеченности подростков в употребление психоактивных веществ: сравнительная информативность моделей Айзенка, Грея и Большой Пятёрки // Сибирский психологический журнал. 2006. Т. 2, № 24. С. 94–99.
3. Барановская М.С. Пятифакторная модель личности П. Коста и Р. МакКрея и ее взаимосвязь с факторными теориями личности Г. Айзенка и Р. Кеттелла // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 4. С. 52–57.
4. Егорова М.С., Черткова Ю.Д. Полиморфизм гена моноаминоксидазы (МАОА) и вариативность психологических черт // Психологические исследования: электр. науч. журн. 2011. Т. 20, № 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.10.2012).
5. Князев Г.Г., Слободская Е.Р. Пятифакторная структура личности у детей и подростков (по данным родителей и самооценки) // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 69–77.
6. Кузнецова В.Б., Слободская Е.Р. Опросник для изучения чувствительности к наказанию и вознаграждению у детей // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 2. С. 104–113.
7. Орел В.Е., Сенин И.Г. Личностный опросник NEO PI-R: Руководство по применению. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2004. 34 с.
8. Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Неякина Ю.Ю. и др. Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке // Психологическая диагностика. 2015. № 3. С. 80–104.
9. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / пер. с англ. М.С. Жамкочьян; под ред. В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
10. Реан А.А. Психология подростка. СПб.; М.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2003. 432 с.
11. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие / Курган. гос. ун-т. Курган, 2000. 23 с.
12. Щebetenko С.А., Вайнштейн С.В. Об измерении черт личности посредством времени реакции (Ч. II: результаты исследования) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. Вып. 4. С. 52–72.

13. *Aluja A., García Ó., García L.F.* Relationships among extraversion, openness to experience, and sensation seeking // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35(3). P. 671–680.
14. *Costa P.T., McCrae R.R.* Reply to Eysenck // *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13(8). P. 861–865.
15. *Chapman B.P., Weiss, A., Barrett P., Duberstein P.* Hierarchical structure of the Eysenck Personality Inventory in a large population sample: Goldberg's trait-tier mapping procedure // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 54(4). P. 479–484.
16. *De Fruyt F., Mervielde I., Hoekstra H.A., Roland J.-P.* Assessing adolescents' personality with the NEO-PI-R // *Assessment*. 2000. Vol. 7. P. 329–345.
17. *Denissen J.J.A., Geenen R., van Aken M.A.G., et al.* Development and validation of a Dutch translation of the Big Five Inventory (BFI) // *Journal of personality assessment*. 2008. Vol. 90(2). P. 152–157.
18. *DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M.* Sources of openness/intellect: Cognitive and neuro-psychological correlates of the fifth factor of personality // *Journal of personality*. 2005. Vol. 73(4). P. 825–858.
19. *DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M.* Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? // *Personality and Individual Differences*. 2002. Vol. 33(4). P. 533–552.
20. *Digman J.M.* Higher-order factors of the Big Five // *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 73, № 6. P. 1246–1256.
21. *Digman J.M., Inouye J.* Further specification of the five robust factors of personality // *Journal of personality and social psychology*. 1986. Vol. 50(1). P. 116–123.
22. *Goldberg L.R.* Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons // *Review of personality and social psychology*. 1981. Vol. 2(1). P. 141–165.
23. *Gosling S.D., Rentfrow P.J., Swann W.B.* A very brief measure of the Big-Five personality domains // *Journal of Research in personality*. 2003. Vol. 37(6). P. 504–528.
24. *Eysenck H.J.* A reply to Costa and McCrae. P or A and C — the role of theory // *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13(8). P. 867–868.
25. *Hair E.C., Graziano W.G.* Self esteem, personality and achievement in high school: a prospective longitudinal study in Texas // *Journal of personality*. 2003. Vol. 71(6). P. 971–994.
26. *John O.P., Naumann L.P., Soto C.J.* Paradigm shift to the integrative big five trait taxonomy // *Handbook of personality: Theory and research*. 2008. Vol. 3. P. 114–158.
27. *Kallasmaa T., Allik J., Realo A., McCrae R.R.* The Estonian version of the NEO-PI-R: An examination of universal and culture-specific aspects of the five-factor model // *European Journal of Personality*. 2000. Vol. 14(3). P. 265–278.
28. *Kohnstamm G.A., Halverson C.F., Mervielde I., Havill V.L.* Parental descriptions of child personality: Developmental antecedents of the Big Five? L.; Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1998. 232 p.
29. *Kohnstamm G.A., Mervielde I., Besevegis E., Halverson C.F.* Tracing the Big Five in parents' free descriptions of their children // *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9(4). P. 283–304.
30. *Langford P.H.* A one-minute measure of the Big Five? Evaluating and abridging Shafer's (1999a) Big Five markers // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35(5). P. 1127–1140.
31. *Lounsbury J.W., Tatum H., Gibson W., Park S., et al.* The development of a Big Five adolescent personality inventory // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2003. Vol. 21(2). P. 111–133.
32. *McCrae R.R., Costa P.T., Terracciano A., Parker W.D., et al.* Personality trait development from age 12 to age 18: Longitudinal, cross-sectional and cross-cultural analyses // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Vol. 83(6). P. 1456–1468.
33. *McCrae R.R., Costa P.T.* Personality trait structure as a human universal // *American psychologist*. 1997. Vol. 52(5). P. 509–516.
34. *McCrae R.R., Costa P.T.* Comparison of EPI and psychoticism scales with measures of the five-factor model of personality // *Personality and Individual Differences*. 1985. Vol. 6(5). P. 587–597.
35. *Mervielde I., De Fruyt F.* Construction of the Hierarchical Personality Inventory for Children (HiPIC) // *Personality psychology in Europe. Proceedings of the Eight European Conference on Personality Psychology* / ed. by I. Mervielde, I. Deary, F. De Fruyt, F. Ostendorf. Tilburg: Tilburg University Press, 1999. P. 107–127.
36. *Noflie E.E., Robins R.W.* Personality predictors of academic outcomes: big five correlates of GPA and SAT scores // *Journal of personality and social psychology*. 2007. Vol. 93(1). P. 116–130.
37. *Parker W.D., Stumpf H.* A validation of the five-factor model of personality in academically talented youth across observers and instruments // *Personality and Individual Differences*. 1998. Vol. 25(6). P. 1005–1025.
38. *Pulver A., Allik J., Pulkkinen L., Härmäläinen M.* A Big Five personality inventory in two non Indo European languages // *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9(2). P. 109–124.
39. *Shchebetenko S.A.* «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits // *Психология*:

журн. Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 3. С. 129–148.

40. Schmidt D.B., Lubinski D., Benbow C.P. Validity of assessing educational–vocational preference dimensions among intellectually talented 13-year-olds // *Journal of Counseling Psychology*. 1998. Vol. 45(4). P. 436–453.
41. Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I. A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names // *European Journal of Personality*. 1993. Vol. 7(1). P. 1–17.
42. Wolfe R.N., Johnson S.D. Personality as a predictor of college performance // *Educational and psychological measurement*. 1995. Vol. 55(2). P. 177–185.

Получено 27.09.2015

References

1. Allik J., Myttus R., Realo A., et al. [Construction of national character: personality traits attributed to typical Russian]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and historical psychology]. 2009, vol. 1, no 1, pp. 2–18. (In Russian).
2. Akhmetova O.A., Safronova M.V., Slobodskaya E.R. [Personal factor of involvement of adolescents in psychedelic drug using: comparative informativity of Eysenck's, Grey's and Big Five models]. *Sibirskij psikhologicheskij zhurnal* [Siberian journal of psychology]. 2006, vol. 2, no 2, pp. 94–99. (In Russian).
3. Baranovskaya M.S. [Five factors personality model of P. Costa and R. McCrae and its connection with H. Eysenck's and R. Cattell's factor personality theories]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2005, vol. 26, no 4, pp. 52–57. (In Russian).
4. Egorova M.S., Chertkova Yu.D. [Polymorphism of monoaminooxidase gene (MAOA) and psychological features variability]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Psychological researches: online scientific journal]. 2011, vol. 20, no 6. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 12.10.2012). (In Russian).
5. Knyazev G.G., Slobodskaya E.R. [Five factor personality structure of children and adolescents (according to parents and self-esteem)]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2005, vol. 26, no 6, pp. 69–77. (In Russian).
6. Kuznetsova V.B., Slobodskaya E.R. [Inventory for studying sensibility for punishment and praise among children]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2010, vol. 31, no 2, pp. 104–113. (In Russian).
7. Orel V.E., Senin I.G. *Lichnostnyj oprosnik NEO PI-R. Rukovodstvo po primeneniyu* [Personality inventory NEO PI-R. Application manual]. Yaroslavl', NPTS Psihodiagnostika Publ., 2004, 34 p. (In Russian).
8. Osin E.N., Rasskazova E.I., Neyaskina Yu.Yu., et al. [Operationalisation of five factor personality traits model on Russian sample]. *Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki* [Journal of social policy researches]. 2013, no 2, pp. 22–30. (In Russian).
9. Pervin L., John O. *Psikhologiya lichnosti: Teoriya i issledovaniya* [Psychology of personality: Theories and researches]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001, 607 p. (In Russian).
10. Rean A.A. *Psikhologiya podrostka* [Adolescent's psychology]. Saint Petersburg, Moscow, Prajm-EVROZNAK Publ., 2003, 432 p. (In Russian).
11. Hromov A.B. *Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Five factor personality inventory: Study guide]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2000, 23 p. (In Russian).
12. Shchebetenko S.A., Weinstein S.V. [On the measurement of personality traits by means of reaction times (Part II: Results of a study)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2010, no 4, pp. 52–72. (In Russian).
13. Aluja A., García Ó., García L.F. Relationships among extraversion, openness to experience, and sensation seeking. *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35(3). P. 671–680. (In English).
14. Costa P.T., McCrae R.R. Reply to Eysenck. *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13(8). P. 861–865. (In English).
15. Chapman B.P., Weiss, A., Barrett P., Duberstein P. Hierarchical structure of the Eysenck Personality Inventory in a large population sample: Goldberg's trait-tier mapping procedure. *Personality and individual differences*. 2013. Vol. 54(4). P. 479–484. (In English).
16. De Fruyt F., Mervielde I., Hoekstra H.A., Rolland J.-P. Assessing adolescents' personality with the NEO-PI-R. *Assessment*. 2000. Vol. 7. P. 329–345. (In English).
17. Denissen J.J.A., Geenen R., van Aken M.A.G., et al. Development and validation of a Dutch translation of the Big Five Inventory (BFI). *Journal of personality assessment*. 2008. Vol. 90(2). P. 152–157. (In English).
18. DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M. Sources of openness/intellect: Cognitive and neuropsychological correlates of the fifth factor of personality // *Journal of personality*. 2005. Vol. 73(4). P. 825–858. (In English).
19. DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M. Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? *Personality and Individual*

- Differences*. 2002. Vol. 33(4). P. 533–552. (In English).
20. Digman J.M. Higher-order factors of the Big Five. *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 73, № 6. P. 1246–1256. (In English).
 21. Digman J.M., Inouye J. Further specification of the five robust factors of personality. *Journal of personality and social psychology*. 1986. Vol. 50(1). P. 116–123. (In English).
 22. Goldberg L.R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of personality and social psychology*. 1981. Vol. 2(1). P. 141–165. (In English).
 23. Gosling S.D., Rentfrow P.J., Swann W.B. A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in personality*. 2003. Vol. 37(6). P. 504–528. (In English).
 24. Eysenck H.J. A reply to Costa and McCrae. P or A and C — the role of theory. *Personality and Individual Differences*. 1992. Vol. 13(8). P. 867–868. (In English).
 25. Hair E.C., Graziano W.G. Self esteem, personality and achievement in high school: a prospective longitudinal study in Texas. *Journal of personality*. 2003. Vol. 71(6). P. 971–994. (In English).
 26. John O.P., Naumann L.P., Soto C.J. Paradigm shift to the integrative big five trait taxonomy. *Handbook of personality: Theory and research*. 2008. Vol. 3. P. 114–158. (In English).
 27. Kallasmaa T., Allik J., Realo A., McCrae R.R. The Estonian version of the NEO-PI-R: An examination of universal and culture-specific aspects of the five-factor model. *European Journal of Personality*. 2000. Vol. 14(3). P. 265–278. (In English).
 28. Kohnstamm G.A., Halverson C.F., Mervielde I., Havill V.L. Parental descriptions of child personality: Developmental antecedents of the Big Five? L.; Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1998. 232 p. (In English).
 29. Kohnstamm G.A., Mervielde I., Besevegis E., Halverson C.F. Tracing the Big Five in parents' free descriptions of their children. *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9(4). P. 283–304. (In English).
 30. Langford P.H. A one-minute measure of the Big Five? Evaluating and abridging Shafer's (1999a) Big Five markers // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35(5). P. 1127–1140. (In English).
 31. Lounsbury J.W., Tatum H., Gibson W., Park S., et al. The development of a Big Five adolescent personality inventory. *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2003. Vol. 21(2). P. 111–133. (In English).
 32. McCrae R.R., Costa P.T., Terracciano A., Parker W.D., et al. Personality trait development from age 12 to age 18: Longitudinal, cross-sectional and cross-cultural analyses. *Journal of personality and social psychology*. 2002. Vol. 83(6). P. 1456–1468. (In English).
 33. McCrae R.R., Costa P.T. Personality trait structure as a human universal. *American psychologist*. 1997. Vol. 52(5). P. 509–516. (In English).
 34. McCrae R.R., Costa P.T. Comparison of EPI and psychoticism scales with measures of the five-factor model of personality. *Personality and Individual Differences*. 1985. Vol. 6(5). P. 587–597. (In English).
 35. Mervielde I., De Fruyt F. Construction of the Hierarchical Personality Inventory for Children (HiPIC). *Personality psychology in Europe. Proceedings of the Eight European Conference on Personality Psychology* / ed. by I. Mervielde, I. Deary, F. De Fruyt, F. Ostendorf. Tilburg: Tilburg University Press, 1999. P. 107–127. (In English).
 36. Noffle E.E., Robins R.W. Personality predictors of academic outcomes: big five correlates of GPA and SAT scores. *Journal of personality and social psychology*. 2007. Vol. 93(1). P. 116–130. (In English).
 37. Parker W.D., Stumpf H. A validation of the five-factor model of personality in academically talented youth across observers and instruments. *Personality and Individual Differences*. 1998. Vol. 25(6). P. 1005–1025. (In English).
 38. Pulver A., Allik J., Pulkkinen L., Härmäläinen M. A Big Five personality inventory in two non Indo European languages. *European Journal of Personality*. 1995. Vol. 9(2). P. 109–124. (In English).
 39. Shchebetenko S.A. «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11, № 3. С. 129–148. (In English).
 40. Schmidt D.B., Lubinski D., Benbow C.P. Validity of assessing educational–vocational preference dimensions among intellectually talented 13-year-olds. *Journal of Counseling Psychology*. 1998. Vol. 45(4). P. 436–453. (In English).
 41. Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I. A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names. *European Journal of Personality*. 1993. Vol. 7(1). P. 1–17. (In English).
 42. Wolfe R.N., Johnson S.D. Personality as a predictor of college performance. *Educational and psychological measurement*. 1995. Vol. 55(2). P. 177–185. (In English).

The date of the manuscript receipt 27.09.2015

Об авторе

Мишкевич Арина Михайловна

аспирант кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: arina315@ya.ru

About the author

Mishkevich Arina Mikhailovna

PhD. Student of Department of Developmental
Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: arina315@ya.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мишкевич А.М. Об использовании русскоязычной версии Вопросника Большой Пятерки (Big Five Inventory) при изучении подростков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 92–101.

Please cite this article in English as:

Mishkevich A.M. Using the Russian version of the BFI in the study of adolescents // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 92–101.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.6

**УЛИСС В КУЛЬТУРНЫХ ДЖУНГЛЯХ:
НАСКОЛЬКО ЭМПИРИЧНА МОДЕЛЬ ШВАРЦА?****Кузнецов Александр Евгеньевич**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Вопреки тенденции отождествлять ценности с нормами и убеждениями, а также изучать их методами непосредственного наблюдения, Хэтчен предлагал рассматривать нормы как действующие критерии управления поведением, остающиеся для действующего невидимыми и неподотчетными. Мы считаем, что предложение Хэтчена находит поддержку в случае применения обоснованной теории в версии Глезера при анализе интервью о ценностях. Статья иллюстрирует применение теоретического кодирования во фрагменте интервью, основанного на индикаторах проекта кросскультурного исследования ценностей Шалом Шварца, и проведенного в рамках проекта апробации индикаторов модели Шварца. Результаты кодирования ответов респондентов на вопросы интервью дают основания сомневаться в том, что результаты интерпретации в модели Шварца отражают действительные представления респондентов о ценностях. Ответы респондентов в наших интервью не подтвердили, что (1) ценности подотчетны респондентам и являются «убеждениями» или предметом «убеждений», (2) опыт респондентов интерпретируется через категорию «выбора» или «предпочтения», (3) ответы респондентов о сходстве с образцами ценностно-ориентированного поведения могут быть приравнены к отчетам о значимости самих ценностей. Таким образом, наша апробация индикаторов модели Шварца не обнаружила подтверждений трех (вероятно, базовых) презумпций указанной модели.

Пример анализа посредством теоретического кодирования приведен нами для демонстрации способности указанной техники к обнаружению в тексте т.н. «эмержентных» структур знания (в нашем случае *chiasmus*), аналитически эксплицирующих ценности респондентов в области организации собственного опыта.

Ключевые слова: ценности; теоретическое кодирование; позитивизм; обоснованная теория.

**ULYSSES IN THE CULTURE JUNGLE:
HOW EMPIRICAL IS SCHWARTZ'S MODEL?***Alexander E. Kuznetsov**Perm State University*

Against the prevailing tendency to identify values with norms, beliefs, etc. and of studying values by way of direct observation, Hutcheon proposed to view values as operating criteria that direct behaviour while remaining invisible to agents and, for that reason, unaccountable. We find Hutcheon's conjecture amazingly keen except that we find support in Glaser's version of grounded theory. We defend the GT against some criticisms and employ theoretical coding to test the claim of the model of Schwartz to having grounded its findings in observations. We find that respondents' answers do not support the way model interprets them. Responses failed to back the three important claims Schwartz's model makes, i.e. (1) that values are accountable and, therefore, are *beliefs*, (2) that respondent's experiences can be categorized in terms of *choice* or *preference*, (3) that responses to questions about *likeness* to some exemplary displays of values-laden behaviour are responses

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

about the significance of values. The example of Glaser's theoretical coding employment on the data we bring in, is meant to substantiate the GT's claim to managing the capacity of discovering *emergent* structures of knowledge (the rarest *chiasmus* in our case). Such structures may analytically lead to values that guide humans in organizing their experiences.

Key words: values; theoretical coding; positivism; grounded theory.

Социологическая теория и практика уделяют большое внимание изучению регулярного поведения людей. Исследование институтов социального контроля, девиации предполагает объяснение поведения в терминах выбора, а выбор — в терминах руководящих принципов, т.е. норм и ценностей. Однако теория ценностей в социологии развита слабо, и остается соглашаться с оценкой: «исследование ценностей со всей очевидностью пребывает в донаучной стадии развития» [25].

Иное состояние вопроса в других поведенческих дисциплинах: в экономике, науке менеджмента и психологии исследование ценностей — тема, разрабатываемая давно и активно. Цель настоящей статьи — ответить на вопрос, почему для развития темы ценностей (в рамках теории действия в целом) социологии следует обратить внимание на наработки не указанных выше смежных наук, а моральной философии. В рамках отдельной публикации такой ответ, конечно, может быть дан лишь отчасти и — в целях иллюстрации — на примере одного конкретного проекта.

Краткий, но исчерпывающий сравнительный обзор методологий дан в работах [5, 34]. Одним из авторитетных несоциологических исследовательских предприятий по теме является многолетний проект Ш. Шварца и соавторов [напр.: 39, 40, 41]. Влияние позитивистской традиции изучения ценностей подчеркивает растущее число проектов и публикаций [напр.: 22, 23, 24, 47, 48]. Внимание к этому подходу диктуется стремлением практиков найти способы прогнозирования и управления человеческим поведением. Подход развивается как отдельная школа в контексте довольно вялого диалога по вопросу прочности его исследовательских установок — он не раз подвергался критике по методологическим и методическим основаниям [31, 43] и лишь sporadически защищался авторами-разработчиками [напр.: 21].

В настоящей статье модель Шварца (далее — МШ) рассматривается лишь в рамках вопроса о способности эмпирических индикаторов вопросника служить сбору таких данных, которые могли бы подтвердить либо опровергнуть мнение Шварца об эмпирической реализации его теоретической модели [напр.: 15, p. 32].

МШ применяет инструменты в разных версиях. Нашу апробацию мы проводили на базе варианта инструмента, принятого к применению в European Social Survey (ESS) и в России [2]. В 2014 г. пермской группой проекта ЦИСИ ИФ РАН «Социокультурная эволюция регионов России» был проведен опрос (n=1000) с применением части индикаторов МШ, а в мае–июне 2014 г. — серия интервью с целью апробации МШ (18 респондентов в возрасте 20–70 лет, принадлежащих к 4 группам: учащиеся, пенсионеры, наемные работники, предприниматели). Продолжительность интервью составляла от 1,5 до 2 и более часов. 18 полуструктурированных интервью (вопросы предъявлялись в одной и той же последовательности и в переводе [2]) дали 378 ответов (на 21 основной вопрос и в среднем 5–7 вспомогательных и уточняющих вопросов по каждому основному вопросу в каждом интервью).

Интерпретация ответов респондентов определяется не анализом данных, а теорией, положенной в основу всего исследования. Категория ценности является центральной для МШ.

«Если мы заключаем, что ценности — не то же самое, что идеалы, нормы, желаемые объекты или признаваемые убеждения насчет “нравственного” (the “good”), но, напротив, суть рабочие критерии для действия (operating criteria for action), тогда мы должны признать, что они не поддаются непосредственному наблюдению и измерению. Отсюда следует, что ценности могут быть только логическим путем выведены из поведенческого выбора — а не из того, что люди говорят о своих убеждениях, обязанностях и желаниях» [25]. В рамках настоящей статьи и в пределах рассматриваемых подходов мы рассматриваем 2 случая такого выбора: (1) выбор респондентом ответа (в вопроснике МШ) и (2) выбор способа описания своего опыта (в исследовании-апробации МШ). Если первый из указанных случаев выбора — довольно известная презумпция позитивистского подхода (выбор респондентом варианта ответа есть в то же время его согласие с соответствующей интерпретацией/операционализацией исследуемого феномена, проведенной исследователем «за спиной» респондента), то второй случай требует обращения к принципиально иной исследовательской традиции,

в которой подходы к анализу данных — предмет полемический.

Для анализа ответов респондентов мы опираемся на теоретическое кодирование, предложенное Барни Глезером [14]. Мы полагаем, что, отвечая на вопрос о ценностях, респондент должен рассуждать о ценностях, и материал его ответа должен служить гарантией тому, что интерпретация исследователем индикаторов инструмента и интерпретация их же респондентом — имеют своим предметом один и тот же феномен.

Авторские описания МШ не дают непротиворечивого представления о понимании «ценности». Например, Э. Давидов и др. утверждают, что «теория определяет ценности как желательные транс-ситуативные цели, различающиеся по важности и служащие руководящими принципами человеческой жизни» [6]. Однако Ш. Шварц отрицает, что ценности являются детерминантами поведения: в отличие от характеристик (traits) действительного поведения и личностей людей, ценности определяют важность, а не действительность поведения. Тот же обзор сначала утверждает, а затем отрицает, что ценности являются убеждениями (belief), — убеждения характеризуют истинность идей, а ценности — их важность [41].

В апробации мы все же использовали (более традиционное для МШ) определение ценностей через категорию убеждения (belief), поскольку такое определение необходимо для базовой презумпции всей модели — при ответе на вопросы респонденты должны понимать, о чем идет речь, должны иметь некое эксплицитное (не подразумеваемое и не подсознательное) представление о предмете вопроса.

Шварц называет 5 составляющих концептуального определения ценностей, по которым имеется согласие разных авторов: «Ценность — это (1) убеждение (2) относительно желаемых целевых состояний или способов поведения, которое (3) выходит за рамки отдельных ситуаций, (4) направляет выбор или оценку поведения, людей и событий и (5) упорядочено по значимости относительно других ценностей внутри системы ценностных приоритетов» [8, p. 20]. Однако формулировка вопроса отнюдь не реализует (не предъявляет респонденту) именно этот концепт. Общая преамбула вопроса «Насколько похож или не похож на Вас человек, которому важно...» завершается именем целевого стимула (item), например, «...придумывать новое и подходить ко всему творчески, которому нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом?»

Поскольку описание стимула не называет явно компоненты определения (2 — цель, 3 — независимость от ситуации, 4 — выбор), основной вопрос дополнялся вопросами вспомогательными. Вопросы интервью задавались по схеме: (1) вопрос в формулировке модели, (2) вопрос «Отвечая на этот вопрос, какие ситуации вы представляете?», (3) вопрос «В каких ситуациях для вас наиболее характерно (поведение по формулировке вопроса)?», (4) «В каких ситуациях для вас наименее характерно...?», (5) «В этих ситуациях могли бы вы вести себя иначе?», (6) «Можете ли вы объяснить, почему вы предпочли поступать именно таким образом?» (всего 21 основной вопрос со стимулами). В случае, если интервьюер считал, что ответ на основной вопрос уже включал явный ответ на подвопрос, последний не задавался.

Заметим, что, строго говоря, измеряется не *важность стимула* (как требует определение ценности в МШ, даже с учетом разночтений), а только *степень сходства* — т.е. фактически измерению подвергается именно *характеристика* (trait) поведения абстрактного «похожего» человека, против отождествления ценности, с которой автор МШ высказывается в работе [41]. Таково и оригинальное задание в инструменте МШ: «Please read each description and think about how much each person is or is not like you. Tick the box to the right that shows how much the person in the description is like you» [6]. Формат ответа — симметричная шкала с 6 альтернативами («совершенно/полностью (не)похож», «(не) похож», «скорее (не) похож»).

Таким образом, переход от теории к индикаторам в инструменте содержит уже на уровне операционализации 2 несоответствия: (1) определения ценности и вопросного задания, (2) определения целевого стимула. Респонденты должны были считать, что их просят оценить сходство, а не важность, оценить характеристики, но не выбор в ситуациях.

Анализ инструмента не позволяет утверждать, что респонденты выполняли именно то вопросное задание, какое было положено в основу интерпретации их ответов. Окончательная оценка соответствия содержания интерпретации и содержания данных требует анализа ответов респондентов. Общеизвестно, что правильных подходов к анализу естественных текстов нет и предлагаемый нами подход, возможно, лишь один из многих. Задача нашего анализа ответов определена еще Джеймсом Спэйтсом: «Пока мы не знаем, действительно ли ценностные категории, использо-

ванные для классификации, присущи изучаемому населению — т.е. пока мы не можем быть убеждены, что ценности, претендующие на описание населения, действительно принадлежат ему, а не являются просто плодом воображения (*figment*) теоретика — мы не можем знать, адекватно ли описание или нет» [43, р. 35].

Проблема адекватного или «полного» описания впервые была поставлена как принципиальная в этнометодологии. Основоположник конверсационного анализа Харви Сакс (*Sacks*) считал, что социология, чтобы стать наукой, должна работать с буквальными описаниями предмета своего исследования; но достижению такого описания препятствует ее опора на «описательный аппарат», покоящийся на неэксплицированных допущениях. Чтобы описать поведение, следует понять *способ* поведения [42, р. 351]. Что могло бы послужить критерием такой «буквальности»? Сам Сакс в работе, на которую ссылается Сильверман [3], говорит, что здесь речи не может быть о соответствии описания феномену. (Действительно, одно описание адекватно другому описанию, один феномен — другому феномену.) Сакс в комплиментарной оценке вклада Маркса — он положил конец «наивной социальной теории» — утверждает, что критерий адекватности должен быть практический. Эта позиция разделяется, по видимому, в GT. В версии Глезера критерий «рабочести» («*workability*») описания — его ориентация на потребности людей, а также на решение их проблем [20]. В этом смысле адекватность интерпретаций с применением указанного вида кодирования может быть легко подтверждена. В нашей учебной практике теоретическое кодирование — как и предполагал Глезер — оказалось очень продуктивным в плане генерации идей для анализа и уточняющих вопросов. Студенты после ряда упражнений научаются распознавать теоретические коды в интервью.

Следует указать в то же время, что теоретические коды являются не средством, а результатом анализа. Вероятно, Глезер обнаружил коды в данных, а не в теории, как подозревают комментаторы [напр., 28]; это соответствует его же заявлению, что GT была «обнаружена» (*discovered*), а не «изобретена» [15]. В нашей практике процесс перехода от данных к кодам оказался очень близок к методике анализа доменов и таксономий, предложенной Джеймсом Спрэдли (*Spradley*) в 1979 и 1980 гг. (Сальданыя, к слову, включал эти аналитические процедуры в селективное кодирование — наряду с кодированием теоретическим [36]). Спрэдли усматривал в данных интервью и вклю-

ченного наблюдения т.н. «домены» — комплексы событий/действий/объектов, объединенные семантическими отношениями (обнаруженные Спрэдли в материалах наблюдения большого жюри присяжных). Очевидно, что семантические отношения Спрэдли — не аналитические, а *эмпирические* объекты («объекты», поскольку они буквально даны как элементы реальности и как таковые распознаются в ней наблюдателем):

1. Строгое включение (X — это род Y).
2. Пространственное (X — это часть/точка в Y).
3. Причина-эффект (X — это результат Y).
4. Разумное объяснение/обоснование (*rationale*; X — это причина Y).
5. Локализация действия (*location-for-action*; X — это место совершения Y).
6. Функция (X используется для Y).
7. Средство-цель (*means-end*; X — это способ совершить Y).
8. Последовательность (*sequence*; X — это шаг/этап в ходе Y).
9. Атрибуция (X — это атрибут/характеристика Y) [44, р. 93].

Поскольку перечисленные отношения со всей очевидностью принадлежат как реальности, так и организации представлений о ней (в обыденном сознании в т.ч.), постольку обучение теоретическому кодированию опирается на подразумеваемое знание (*tacit knowledge*) о мире. В процессе обучения человек делает свои способы организации опыта очевидными для самого себя. Так, если способ построения описания в данных (ответа респондента, нарратива информанта) совпадает со способом анализа описания, то коды действительно возникают из данных, и поэтому коды эмерджентные, анализ рефлексивный, а описание буквальное. Таким образом, в основе работы с кодами лежат не имена кодов, а семантические отношения. Соответственно, данными в тексте являются отнюдь не коды, а домены. Перечень же кодов, предложенный Глезером, — лишь пособие в распознавании доменов, данных в тексте. Именно в этом качестве он был изначально предложен Глезером, критики же приняли операцию *именования* доменов (кодами Глезера) за операцию *определения* доменов (отношениями Спрэдли). Так, Келле [28, р. 207 и след.] считает теоретические коды «эвристическими инструментами (*heuristic devices*) с ограниченным эмпирическим содержанием». То же может быть сказано и о семантических отношениях, если рассматривать их *в отрыве от данных* (т.е. доменов), — как перечень [14, 44], а не реальные эмпирические

способы организации опыта, применяемые людьми в жизни и в описаниях. Критики при чтении источников ошибочно кодировали теоретические коды Глезера (и неизбежно семантические отношения Спрэдди) как «ТИП-семья» (отсюда Шармаз считает, что коды «пересекаются» [4, с. 65–66], что является ошибкой классификации), в то время как следовало кодировать «ИЗМЕРЕНИЕ-семья» (и «АТРИБУЦИЯ-отношение»: автор, рассказчик, респондент *приписывает* реальным объектам в своем опыте то или иное семантическое отношение, а читатель/слушатель/аналитик распознает его и понимает, какой именно способ — «СТРАТЕГИЯ-семья» — применяет говорящий для организации своего опыта в здесь-и-сейчас своего текста). GT действительно рефлексивна.

Спор о применении теоретических кодов принципиален для развития GT. В версии Глезера она основана на применении кодов как средство эмерджентного генерирования категорий из текста. Комментаторы, посчитавшие коды *результатом* кодирования, обратили их применение в критику насильственного наложения (*forcing*) теории на данные. Коды Глезера эклектичны [4, 27]. Происхождение кодов из разных теоретических традиций и концепций (отсюда «эклектизм») еще не является недостатком, по крайней мере, до тех пор пока одна из традиций (концепций) не декретирована в качестве единственной верной. Нам неизвестны работы, где критика теоретического кодирования велась бы по результатам применения методик. Наш опыт применения теоретических кодов в анализе транскриптов (в т.ч. и в учебной деятельности) свидетельствует о том, что освоение этого вида кодирования должно быть практическим. Сам Глезер, защищая GT, призывал: «Доверьтесь обоснованной теории... Просто возьмите, примените и опубликуйте!» [цит. по: 33, р. 38] Сильная прагматическая ориентация обоснованной теории (далее — GT) проявилась в критике Глезером формализации теории в версии Стросса–Корбин [45]. Глезер столь же резко выступает против конструктивистской версии GT, предложенной Кэти Шармаз [29]. Он реалист, убежденный в объективности внешнего мира [17].

Мы полагаем, что предложение Глезера является независимым шагом в том же русле развития, в каком этнографическая (Спрэдди) и этнометодологическая (Сакс и соавторы [см., напр.: 35]) традиции ищут способ построения полного описания феномена. Теоретическое кодирование

Глезера может быть обращено как на тексты, внешние по отношению к теории, так и на тексты самой теории — эмерджентность является одним из аспектов рефлексивности. Приведем сокращенный перечень, исключив малоприменимые семьи кодирования:

1. С-семья (источники, причины, усилия, последствия, объяснения, условия, контекст и т.д.).
2. Процесс-семья (стадии, переходы, последовательности).
3. Степень-семья (уровень, степень, интенсивность, количество).
4. Измерение-семья (часть, свойство, аспект).
5. Тип-семья (типы, классы, жанры, прототипы, классификации).
6. Стратегия-семья (стратегии, тактики, техники, механизмы, управление).
7. Интеракция-семья (взаимодействие, взаимозависимость, взаимность, симметрия, ритуалы).
8. Идентичность-самость-семья (идентичность, образ Я, самовосприятие, самооценка, трансформация идентичности, образ другого).
9. Переломный момент-семья (*cutting-point family*: пограничное или критическое положение дел, поворотный момент, порог чувствительности, точка невозврата).
10. Средства-цель-семья (цель, предназначение, задача, предвиденное последствие, продукт).
11. Культура-семья (социальные нормы, ценности, убеждения, чувства).
12. Консенсус-семья (договор, соглашение, определение ситуации, подчиненность, однородность-разнородность, конфликт, разногласие) [14, р. 75–82].

(Русскоязычному читателю перечень доступен пока только в переводе с другого перевода — не самого полного и комплиментарного [32, р. 96].)

Семьи кодирования ассоциируются с семантическими отношениями, причем т.н. «форма отношения» (в скобках в списке Спрэдди выше) помогает определить в тексте «включенные термины», состоящие в этих отношениях.

Непосредственное сравнение результатов, полученных в разных теоретико-методологических традициях, невозможно, поскольку различны исходные предположения о природе мира и метода. Нет, следовательно, общих оснований для самой процедуры сравнения. Это ограничение игнорируется теми исследователями, которые ищут подтверждения объективности своих данных или выводов в воспроизводимости результатов наблюдений. Таким образом, действительно устанавли-

вается объективность, однако как характеристика отношения результатов и метода, а не метода и мира. Иными словами, неоднократное повторение процедуры с одним и тем же результатом свидетельствует о дисциплине исследователя, но никак не характеризует основания для выбора исследовательской методологии. Поскольку многократное повторение ошибки, совершенной при переходе от мира (определения феномена) к методу (выбору индикаторов), никак не служит ее исправлению и не приближает исследователя к ее осознанию, репликация результатов, полученная при намеренном подборе разных объектов исследования (популяций, феноменов) — например, разных культур — столь же мало служит установлению объективности, сколь репликация, полученная в одной и той же выборке (популяции). Чтобы избежать подобных «методологических граблей», исследователь должен обратиться к анализу интерпретаций феномена в более полных описаниях.

Такое описание является результатом работы респондента. Работа респондента с вопросным заданием — интерпретация вопроса, вспоминание и поиск требуемой информации, формирование ответа — предположительно сложный, многоступенчатый процесс [38, 46]. Содержание описания должно соотноситься с ключевой категорией, с целевым стимулом в вопросах. Согласно МШ, «ценность — это (1) убеждение (2) относительно желаемых целевых состояний или способов поведения, которое (3) выходит за рамки отдельных ситуаций, (4) направляет выбор или оценку поведения, людей и событий и (5) упорядочено по значимости относительно других ценностей внутри системы ценностных приоритетов» [8, р. 20].

Для апробации мы берем компоненты «убеждение» (1), «целевые состояния» (2), «выбор» (4). Компонента 5 не может быть проверена из-за указанной ранее ошибки в вопросах. Компонента 3 не определена в самой МШ. Понятие «ситуация» может иметь целый ряд значений. В наиболее буквальном значении это «материальная обстановка» (setting) [напр.: 19]. В наиболее небуквальном — коммуникативная ситуация. Сэвил-Тройке [37, р. 24–25] включает ее в число единиц анализа, предложенных Деллом Хаймсом (Hymes), наряду с коммуникативными событиями (event) и действием (act). (Сам Хаймс, правда, отдает авторство «ситуации» Хабермасу [26, р. 53].) Ограничиваемся более узко очерченными параметрами определения феномена.

Определение ценности требует ожидать от респондентов описаний, содержащих указания на желания и предпочтения (КУЛЬТУРА), на объекты предпочтений, обладающие ценностно-окрашенными атрибутами (ИЗМЕРЕНИЕ), на специфику ситуаций (ТИП и ИЗМЕРЕНИЕ). Заявления о предпочтениях (КУЛЬТУРА) и о наличии у объектов предпочтений атрибутов привлекательности либо непривлекательности (ИЗМЕРЕНИЕ) — наиболее близки к теме ценностей. Однако для того чтобы предпочтения и атрибуты соотносились именно с ценностями, а не нормами, атрибуты должны содержательно различаться на уровне индикаторов, т.е. событий в самом тексте. Рассмотрим далее фрагмент интервью с целью:

- (1) продемонстрировать работу с теоретическими кодами как процесс эмерджентный (движение описания от данных к теории, а не от теории к данным);
- (2) продемонстрировать, руководствуется ли респондент ценностями и осознает ли их.

Для иллюстрации возьмем ответ, апеллировавший к именно способам КУЛЬТУРА, СТЕПЕНЬ и ИЗМЕРЕНИЕ. В ответах респондента (женщина 40–49 лет, высшее образование, инженер) обращает на себя внимание точное понимание вопросного задания (04 «сложно сказать, насколько похож»); зачастую респонденты воспринимали тему вопросов ошибочно — как «Какой я?» либо «Что я хочу?».

- 01 И: Насколько похож или не похож на Вас человек,**
- 02 которому важно жить в безопасном окружении,**
- 03 избегать всего, что может угрожать его безопасности?**
- 04 Р: (.) ну сложно сказать, насколько похож — [СТЕПЕНЬ: «насколько»]
- 05 во всяком случае, мне хотелось бы жить в такой среде — [КУЛЬТУРА: предпочтение: «такая среда»]
- 06 и хотелось бы быть именно таким человеком, который живет именно в такой среде [КУЛЬТУРА: предпочтение: «такая среда»].
- 07 Но: понятно, что (1.5) окружающий мир преподносит иногда (1.5)
- 08 ну ситуации, в которых ты, к сожалению (1.5), не — оказываешься в безопасности [С: следствие: «окружающий мир» — ИСТОЧНИК «ситуаций»].

Выполнив задание «Оценить степень сходства» (04), респондент переходит к модели описания «Я хочу быть/делать». Измерение *важности* безопасности в этом ответе не происходит. Ход рассуждения респондента мы комментируем по форме [КОД: основание для присвоения кода: индикатор в тексте]. Как это видно из первого и последующих фрагментов, индикаторы в тексте, как правило, пустые: «такая среда», «такие условия». В действительности респонденты очень редко прибегают к явным атрибуциям. Первая атрибуция, которая явно реферирует к искомой теме, встречается в последней (72-й) строке ответа: «Пассивно себя веду — наверное, это неправильно», — говорит респондент, однако мы не знаем, относится ли это «неправильно» к ценностям либо к нормам.

09 И: А какие ситуации вы могли бы в качестве примеров привести? [ТИП: строгое включение - X это род Y]

10 Ситуации опасности.

- 11 Р: Ну вот в частности — действия коммунальных служб — [С: источник]
- 12 на территории двора — [ТИП: пространственное отношение]
- 13 то есть разрытые котлованы, не закопанные — [ИЗМЕРЕНИЕ: атрибуция опасности]
- 14 неделями. [ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ: порог чувствительности]
- 15 Т.е. это как бы — к сожалению — мне неподвластно — [СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: нет средства]
- 16 но я бы хотела жить, конечно, не в таких условиях. [КУЛЬТУРА: предпочтение: «такие условия»]
- 17 Ситуация на дорогах. [ТИП: пространственное отношение]
- 18 Т.е. правила дорожного движения соблюдаются — [С: источник]
- 19 как бы ну так скажем — условно
- 20 и не всегда человек даже на пешеходном переходе —
- 21 оказывается в ситуации — так скажем — достаточно опасной. (.) [С: следствие: «оказываться»]
- 22 ну пожалуй — вот.
- 23 Ну — за исключением — даже может быть не за исключением,
- 24 а тех же самых самолетов и поездов —
- 25 то понятно, что в таких ситуациях — не прогнозируемых —
- 26 избежать их не удастся. [СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: нет средства].

В этом фрагменте (09–26) мы видим переход от категории ТИП (опасных ситуаций) к категории СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ (бессилие респондента в них). Этот переход стихийный, он происходит без вмешательства интервьюера. Тот же результат рассуждения был в первом фрагменте (04–08) и будет в следующем (32–40).

27 И: Получается, вы не считаете безопасными ситуации,

28 когда вы где-то находитесь, куда-то идете, едете, летите —

29 ощущаете ли вы себя в безопасности дома? (1.0)

30 Ощущаете ли вы себя в безопасности относительно своей собственности? (1.0)

31 Как бы вы ответили на такой вопрос?

32 (2.0) ну: д- (0.5) как бы я думаю, что —

33 в моем понимании —

34 в достаточной мере я ощущаю себя (1.0) безопасно дома, [КУЛЬТУРА: чувства]

35 потому что я в принципе ответственный квартиросъемщик (.) (смех) [ИДЕНТИЧНОСТЬ]

36 коммунальные системы я держу в полном порядке — [СТРАТЕГИЯ: управление: «я держу»]

37 так что какие-то утечки газа, протечки воды —

38 значит, ну в моем жилище, я думаю, что их не будет — [СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: предвиденное последствие, продукт]

39 но, с другой стороны — случаются неадекватные соседи [С: источник]

40 против которых — к сожалению — [СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ: нет средства]

41 тут уже я не могу ощущать, что я в полной безопасности, [КУЛЬТУРА: чувства]

42 поскольку я живу в многоквартирном доме. [ТИП: тип дома].

Фрагмент 29–42 имеет циклическую структуру — респондент возвращает тему рассуждения к ее началу в вопросе интервьюера (29). Более того, эта структура имеет практически полную симметрию — chiasmus: А(дом) – В(чувства) – С(стратегия) – D(средства) – E(источник) – D'(средства) – В'(чувства) – А'(дом). Центральная ось этой структуры (E) — кульминационный момент безопасности «дома» — вмешательство «неадекватных соседей». В строке 39 респондент осознает, что соседи — источник опасности. Отсюда определение категории «дом» меняется с «квартира» (35) на «многоквартирный дом» (42). Пропуск

С' — рассказа о безответственности соседей и угрозе — очевиден; рассказ избыточен, поскольку характеристика соседей и без него демонстрируется симметрией текста и поскольку дана атрибуция «неадекватные» (39). Этот фрагмент наиболее примечателен, т.к. в нем спонтанно применены мощные риторические приемы, в т.ч. крайне редкий *chiasmus*, поэтика которого раскрыта герменевтикой в исследовании библейских текстов.

Смена определения «дома» — классический пример «эмержентности» — обнаружения в тексте домена по процедуре Спрэдди [44, р. 89 и след.]. Понятие «дом» отделяется (строка 42) от первоначального значения «квартира» (которое, конечно, имелось уже в вопросе, т.к. «дом» в строке 30 связан со «своей собственностью») и становится именем *домена* (*cover term*), а «квартира» и «многоквартирный дом» — включенными терминами (*included terms*), объединенными в домене общим семантическим отношением строго включения и кодом ТИП.

Этот семантический маневр совпадает со сменой темы «безопасность в доме» (А – D, строки 29–38) на «опасность в квартире» (D' – А', строки 40–42); значит, мы обнаруживаем апелляцию к *ценности безопасности*: квартира — более опасный «дом», чем собственный «дом». Однако для респондента это *подразумеваемое* знание, и мы должны были эксплицировать его. Мы понимаем, что «неадекватные» и «многоквартирный» — более чем нейтральные определения ситуации респондента, потому что разделяем с респондентом *локальное знание*. Он не называет, как «утечки» и «протечки» связаны с ним и соседями, и почему и как именно они «неадекватны», однако это доступные нам «локальные рамки осведомленности» (*local frames of awareness*), понятные лексические антитезы и категорийные схемы [13, р. 6, 69]. Более того, нам известна *динамическая картина* происходящего: «локальные (*vernacular*) характеристики того, что происходит, связаны с локальными предвидениями (*vernacular imaginings*) того, что может произойти» [13, р. 215].

Отношения каузации очень важны для понимания того, что происходит в тексте и с чем. Близкие внешне коды С, СТРАТЕГИЯ и СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ различаются по форме семантического отношения. С = X — это результат Y, где «утечки газа, протечки воды» (строка 37) это результат «случаются неадекватные соседи» (39). Код СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ связан с отношением Функция (X используется для Y). Этот код становится актуален всякий раз, когда респондент оценивает *достаточность* своих усилий или ресурсов.

Общей для кодов С и СРЕДСТВА-ЦЕЛЬ является обязательность связи между причиной и эффектом: она *необходимая* в первом случае (т.к. респондент локализован в ситуации-следствии и знает причину своей ситуации) и *достаточная* во втором (т.к. локализация респондента — в ситуации-причине, а эффект — лишь ожидаемый, нормальный результат) [18, р. 4–5]. Здесь следует различать *события в тексте* и *события в мире*. Локализация респондента в ситуациях — событие в *тексте*. В действительности — в области реальных событий «за текстом» — респондент одинаково находится в ситуации факторов (причин, источников), а не эффектов: падение в яму, попадание в ДТП и в ЧП в доме (строки 13, 18, 24, 37) — всё это одинаково возможные *потенциальные* ситуации-эффекты. Однако только в последнем случае респондент вводит в свой опыт заведомо *завершенный* эффект — свои чувства (34, 41). Это результат, сфабрикованный самим респондентом, поскольку мы в равной мере могли ожидать аналогичных заявлений о фобиях в трех ранее упомянутых *незавершенных* опасных ситуациях, причем возможность предвидения и предотвращения их не играет никакой роли, как в случае крушения самолета или поезда (строка 24). Чувство тревоги не ожидаемый результат, а актуальное следствие поведения соседей. Значит, респондент локализует себя в ситуации-эффекте и потому код в строке 41 не только КУЛЬТУРА (чувства), но и (подразумеваемый) код С. Действительно, мы обнаруживаем соответствующий индикатор — невидимое до того событие в тексте. Респондент не говорит «я ощущаю» — он говорит «*тут уже я не могу* ощущать, что я в полной безопасности» (41). (Ситуации, когда коды верхнего уровня — мы обсуждаем здесь только их — строятся «поверх» подчиненных кодов, довольно обычны.)

Вопрос, почему именно угрозу, исходящую от «неадекватных» соседей, респондент выделил особо, может иметь массу объяснений. Причиной может быть ценность собственности, идея дома как близкого и безопасного пространства, ощущение бессилия против соседей («я не могу») и иные, казалось бы, лежащие на поверхности или «очевидные» причины. GT не работает с такого типа объяснениями. Этот момент важен в свете обычных обвинений непозитивистских способов анализа в субъективизме (отсутствии опоры на наблюдения). Апелляция к здравому смыслу в действительности — частый способ объяснения, вне зависимости от исследовательской традиции и величины выборки. Что именно обосновывает объяснение кросскультурной универсальности

паттернов ценностей в МШ общечеловеческой природой потребностей? У нас нет оснований отрицать существование универсальности ценностей или общечеловеческой природы, но почему они поставлены в причинно-следственную связь? Какие наблюдения служат опорой этому выводу? «Ценности структурированы одинаково в культурно различных группах. Это внушает (suggests), что существует универсальная организация человеческих мотиваций... Почему существует такая панкультурная иерархия ценностей? Она, возможно, происходит (derives) от адаптивных функций ценностей в сохранении сообществ и от нашей общей человеческой природы» [41].

В духе идеи (возможно, мифа) квазиэкспериментальной природы позитивистского проекта может быть предположен ментальный эксперимент — пусть общечеловеческая природа не характерна для некоторых человеческих коллективов. (Исследователи колониальной истории, возможно, не согласятся, что этот эксперимент *ментальный*.) Если универсальность ценностей наблюдается повсеместно, значит, общечеловеческая природа не является причиной. Если не наблюдается, но мотивации и ценности отчасти *составляют* человеческую природу — существование целого объяснено существованием частного. Это не причинно-следственное, а, вероятно, *тавтологическое* объяснение. Тавтологии не связаны выполнением условий истинности, они истинны при любых интерпретациях. Возможно, универсальность структуры ценностей и ее происхождение связаны не с наблюдениями, а с особенностями интерпретации категорий внутри самой МШ [1]: «десять мотивационно различных типов ценностей были выведены (were derived) из этих универсальных потребностей» [39].

Привлекательность тавтологий и психологизирующих объяснений обусловлена кажущейся очевидностью аргументов. Язык из средства *описания* становится орудием *объяснения*: так, атрибуции «универсальное» и «общечеловеческое», «существующее» и «сохраненное» кажутся взаимобъясняющими, а сомневаться в существовании носителей этих атрибуций — ценностей, сообществ и человеческой природы — становится равнозначным сомнению в существовании самого исследователя, объекта и предмета исследования.

Граница между описанием и объяснением в GT сохраняется благодаря непосредственной работе с фактами внутри текста и способности самой GT к рефлексии. Рефлексия обеспечивается тем, что одни и те же коды применимы к тексту, к интерпретации текста его же автором, к интер-

претации текста и авторской интерпретации исследователем. Этот процесс действительно можно назвать диалектическим. Тип объяснения в GT поэтому отличается от типа объяснения в квазиэкспериментальных проектах.

Теоретическая чувствительность в GT — не искусство чтения между строк. Соседство двух событий в тексте еще не означает, что они «ассоциируются» еще каким-то образом. Если бы мы приняли решение, что в строках 32–49 респондент начал говорить о действительно ценностных ситуациях («дом» и «я не могу ощущать») *и именно поэтому* респондент выбрал категоризацию своего опыта на более глубоком, эмоциональном уровне, то мы нарушили бы принцип движения от данных к выводам. Мы можем только утверждать: код КУЛЬТУРА во фрагменте 27–42 присваивается на основании «чувства», а не «предпочтения» (в рассказе о ямах во дворе или опасности ДТП). Это наблюдение, а не наш вывод, и оно не случайно — поскольку в указанном фрагменте о чувствах говорится дважды. Мы не можем за респондента принимать решения об организации его опыта. В аналогичном случае во фразе «коммунальные системы я держу в полном порядке — *так что* какие-то утечки газа, протечки воды» и т.д. респондент сам называет, какого рода отношениями он связывает события в мире — это отношение *причинения*, потому что индикатор «так что». Эта связка есть *его* действие в *его* тексте. В GT тексты — носители сведений о событиях в тексте, а не о событиях в мире. Ни один текст не может быть адекватным описанием внешней реальности, но любой текст является адекватным описанием работы автора с материалом своего опыта — в пределах полноты текста. По нашему убеждению, позитивистски мыслящие исследователи не всегда понимают это различие и склонны критиковать непозитивистские проекты за использование недостоверных описаний вне-текстовой реальности.

Мы знаем, что ситуацию дома респондент изначально не относил к опасным, а обратился к ней потому, что был задан вопрос (строка 29). В процессе рассуждения респондент сам переосмыслил ситуацию дома как опасную и даже более опасную, чем ранее описанные. Эта трансформация — результат работы респондента, а не нашей интерпретации. Результатом этой трансформации стала поразительная фраза — «тут уже я не могу ощущать, что я в полной безопасности» (41). Она замечательна тем, что первоначальная оценка была «я ощущаю себя безопасно дома» (34). Это противоречие респондент разрешает

корректировкой — вставкой слова «полной». Фраза «в достаточной мере» (34) допускает наличие «неполноты».

Во фрагменте 27–42 мы провели кодирование. Присвоенные нами коды — лишь отображение все того же текста. Рассмотрев текст и ряд кодов заново — теперь как целое, как первую рефлексию, — мы обнаружили ранее невидимые структуры: (1) структуру *chiasmus*, (2) домен, (3) корректировку первоначального ответа на вопрос. Все эти структуры были подчинены одной задаче — трансформации ответа, вызванной обнаружением в опыте источника, делающего дом опасной ситуацией, а изначальный ответ — недостоверным. Все обнаруженные нами события в тексте были спонтанными действиями самого респондента. Теперь, оценивая весь фрагмент — всё движение респондента в строках 32–42, — мы можем присвоить ответу код ПРОЦЕСС. Однако это только внешняя, формальная характеристика ответа. Содержательная сторона должна характеризовать *результат* процесса — достижение однородности, целостности в определении ситуации «Дома». (Это соответствует предположению Грайса о максимах разговора [см.: 16].)

Код СОГЛАСИЕ отражает стремление автора за счет выбора событий в тексте построить непротиворечивую картину мира. Поскольку этим стремлением респондент руководствовался в своих действиях в тексте — мы обнаружили ценность. Респондент продемонстрировал следование ценности быть достоверным, последовательным, убедительным — дать ответ, соответствующий вопросному заданию.

Этот результат получен нами выводным путем. Сам действующий не осознавал принцип, критерий своих действий. Следовательно, определение ценностей, предложенное Хэтченем, имеет эмпирическое подтверждение.

Предложение Хэтчена в целом основано на критике определений, допускающих ошибку *ductio ad infinitum*: если ценность — *подотчетный* критерий выбора или предпочтения объекта, состояния или способа действия, тогда агент должен иметь объяснение, почему ее выбор/предпочтение пал на тот, а не иной критерий. Это объяснение должно указывать на ценность *второго* порядка — определяющую выбор между критериями *первого*, и т.д. до бесконечности. В конечном итоге даже выбор имеет критерий или не имеет — действовать сообразно критерию либо беспорядочно, без критериев — также требует иметь критерий для выбора. Таким образом, даже если мы считаем, что критерий только один

(например, сверхъестественный) и выбирать между критериями необходимости нет, бесконечность сводится к абсурду. Ценность, следовательно, не может быть подотчетна самому действующему — не может быть *убеждением*. Вероятно, респонденты не могут давать ответы о *любых руководящих началах* своих действий.

Клакхон, сводивший ценности к нормам, еще в начале проекта исследований ценностей в антропологии не воспринял мнение Лепли (Ray Lepley) и Лундберга об опасности выделения ценностей в качестве особых качеств или сущностей [30, р. 391, 393, 395]. Доминирующая до сих пор традиция отождествления ценностей с нормами, идеалами, объектами, оценками, ориентациями, установками и даже вероятностями [25] — традиция очень давняя и устоявшаяся. В значительной мере это связано с удобством восприятия этой традиции исследователями-приверженцами теорий рационального выбора. С другой стороны, ценности необходимы для оценивания целей и средств, без оценивания теория рационального выбора уподобляется «пустому мешку» [28, р. 209].

Категория «выбор» — будучи безусловно абстрактным конструктом — ближе всего к коду СТРАТЕГИЯ. СТРАТЕГИЯ = X — это способ совершить Y, где «коммунальные системы я держу в полном порядке» — это способ исключить «какие-то утечки газа, протечки воды» с результатом «в моем жилище я думаю, что их не будет» (строки 36–38). Связь «так что» (37) является индикатором причинения. Подчеркнем: события в *тексте* — выбор говорящим отношений между событиями в *мире* («утечки газа», «случаются неадекватные соседи»).

Этот код становится основным рабочим материалом следующих фрагментов. В отличие от других (псевдо)каузальных отношений, СТРАТЕГИЯ акцентирует внимание не на отношении «средство – результат» или «источник – следствие», а на выборе средств (способов) достижения некоего заданного результата.

43 И: Правильно ли я понимаю,

44 что отвечая на этот вопрос вы полностью не упомянули —

45 совершенно не упомянули —

46 криминальную опасность?

47 P: (.) да. (.)

48 я ее не упомянула (.) скорей потому что (1.0)
я —

49 ну как скажем (1.0) —

- 50 в позднее время суток не хожу домой — [СТРАТЕГИЯ: управление временем]
- 51 хотя — если бы я возвращалась откуда-то очень поздно —
- 52 скорей всего я с этим бы столкнулась. Вот. [СТРАТЕГИЯ: управление временем]
- 53 Поскольку я уйду на работу в достаточно людное время,
- 54 и уже светлое время,
- 55 поэтому я с такими ситуациями не сталкиваюсь. Вот. [С: причины, условия]
- 56 Пожалуй первое-то — почему мне это первое в голову пришло —
- 57 потому что я все таки — (0.5)
- 58 ну и работаю таким образом что я не сталкиваюсь с криминалом — [СТРАТЕГИЯ: см. 64]
- 59 с криминалитетом в каких-то определенных ситуациях.
- 60 И: Правильно ли было бы сказать, что вы не сталкиваетесь**
- 61 либо вы избегаете ситуаций, в которых вы можете сталкиваться?**
- 62 Как было бы правильнее вас понять?**
- 63 Р: Я думаю, что жизнь нас заставила избегать таких ситуаций (.) [С: источник]
- 64 не ходить в позднее время суток — [СТРАТЕГИЯ: управление временем]
- 65 чаще — реже — посещать рынки — [СТРАТЕГИЯ: управление действием]
- 66 ну и (1.0) да пожалуй всё наверно.

В приведенных здесь фрагментах мы не видим *сравнения* способов действия, для чего — как утверждает теория рационального выбора — и существуют ценности. Теория предполагает, что рациональный деятель может взвешивать и выбирать «лучший» (в том или ином смысле, в зависимости от версии теории) способ достижения *одного* результата. Мы полагаем, что результат разных способов действия может быть один только в самом узком понимании, без учета всей картины последствий. Способы различны именно потому, что имеют различные последствия. В конечном итоге — при одинаковом результате — более рациональный способ оборачивается, скажем, экономией издержек. Это также результат выбора действия. Возможно, рациональность выбора является не более чем гипотезой. Мы можем преувеличивать роль произвола оценивающего, рационального человека в изменении мира. Вполне прав может оказаться Джерри Фодор, радикально заявивший: «Только материя обладает силами причинения» [12, р. 196].

С другой стороны, если роль человека сводится только к трансляции заранее определенных мер рациональности (либо морали, закона) на множество выборов, он сам перестает быть носителем выбора, растворяется в мире как источник какой-либо воли. Здесь не возникает ценностей. Йон Элстер пытался — сохраняя рациональный выбор — вернуть произвол в теорию. В серии работ он развивает концепцию ограниченной рациональности, в которой человек сознательно может отказываться от наиболее привлекательного выбора [7, 8, 9, 10, 11]. Цирцея предупреждает Одиссея о гибельности сирен, зазывающих моряков. Разумный царь затыкает гребцам уши воском и приказывает привязать себя к мачте. Хотя в итоге Одиссей соблазняется зовом сирен, он связан и потому следует прежним курсом на Итаку — выбирает *меньшее*. Эта попытка спасти рациональность неудачна не только потому, что и здесь ценности сводятся к нормам. Агент заранее дает обещание воздержаться от соблазна, чтобы затем, оказавшись в ситуации выбора между соблазном и разумным, преодолеть тягу к гибельной и привлекательной альтернативе, подкрепив себя нравственным чувством выполнения обета. Эта чрезвычайно искусственная версия возникновения иррациональной морали из рациональности выбора является, в буквальном смысле, *мифом* о создании ценностей — ведь правильный выбор Одиссеем способа спасения был результатом появления на сцене системы ценностей в готовом виде. Мораль появляется из чувства долга, но откуда появляется нравственная ценность самого долга, само представление о превосходстве воздержания и дефекте соблазнов, о необходимости обязательств?

Герои мифа Элстера оказались заранее осведомлены о результатах своего будущего эмпирического опыта. В МШ открытие универсальности структуры ценностей тоже заранее предопределено выведением универсальности ценностей из общечеловеческой природы еще на этапе формулирования теории. В обоих проектах эмпирический этап только подтвердил ожидания. МШ задает не тот вопрос, не слышит, что же на самом деле говорят респонденты, — но интерпретация — как пророчество Цирцеи в мифе о сиренах — является из априорно заданной теории ценностей. Когда в драматургию исследовательского проекта вмешивается *deus ex machina*, реальные участники взаимодействия в поле уже не могут нести ответственность за исследовательские результаты.

Во фрагменте 67–72 уточняющий вопрос (строки 67–68) применялся для контроля компоненты «убеждение».

67 И: Есть у вас какое-то правило безопасности — как вы должны себя вести,

68 думаете ли вы о нем, вспоминаете ли вы о нем, руководствуетесь им?

69 Р: (.) Ну, я думаю, что нет.

70 Я конечно об этом думаю, но почему-то ничего не предпринимаю —

71 т.е. в этом случае я, наверное (.) пассивно себя веду —

72 наверно, это неправильно. [ИЗМЕРЕНИЕ: атрибуция].

Представление о респонденте, углубляющемся при вопросе в размышления о феномене (определенном в соответствии с ожиданиями исследователя), является иллюзорной картиной. В действительности респондент буквально «ищет» и «отбирает» факты из своего опыта, отвечающие смыслу вопроса [46]. Наши вспомогательные вопросы, буквально подводящие респондентов к категоризации своего опыта в терминах определения ценностей в МШ («убеждения», «выбор»), не привели к воспроизведению дефиниций МШ.

В целом же следует сделать два вывода (типичные для нашей выборки респондентов):

- 1) респонденты не выполняли ожидаемое МШ вопросное задание оценить *важность* ценных объектов — они выполняли фактическое задание оценить *сходство* с «человеком, которому важно», либо спонтанно переходили к описанию своего поведения или ситуаций;
- 2) даже после корректировки рассуждений респондентов дополнительными вопросами они не распознают в своем опыте убеждений относительно целевых и предпочитаемых состояний.

Ценности, по-видимому, представляют прошлый «выученный» опыт. Хэтчен, предлагавший изучать ценности аналитически на основе экспериментальных данных [25], считал, что ценность как критерий выбора всегда остается за спиной действующего. Поскольку же для актора критерий — обязательная компонента любой ситуации и объекта — подобно кислороду, он остается невидимым. Поэтому в основанных на наблюдении системах категорий и отношений GT и Спрэдди нет категории, описывающей выбор. Способ категоризации опыта является продуктом и отражением

внешней ситуации и деятельности людей. Они руководствуются не выбором предпочитаемых целей либо средств независимо от ситуаций, а использованием доступных средств в зависимости от ситуаций, в которых они оказываются. Это наблюдение подтверждает знаменитый афоризм профессора Джеймса Дюзенберри: «Экономика — вся о том, как люди делают выбор, социология — почему у них нет никакого выбора...»

Список литературы

1. Кузнецов А.Е. Что исследует модель Шварца? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 3(19). С. 110–116.
2. *Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование»* / под общ. ред. А.В. Андреевской, Л.А. Беляевой. М.: Academia. 2009. 384 с.
3. Сакс Х. Социологическое описание // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 43–53. URL: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211452829/5_1_7.pdf (accessed: 28.01.2016).
4. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. L.: SAGE, 2006. 208 p.
5. Cheng A.-S., Fleischmann K.R. *Developing a Meta-Inventory of Human Values* // Proceedings of the American Society for Information Science and Technology. 2010. Vol. 47, № 1. P. 1–10.
6. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. *Bringing values back in: the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries* // Public Opinion Quarterly. 2008. Vol. 72, № 3. P. 420–445. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-66692> (accessed: 28.07.2014).
7. Elster J. *Ulysses and the sirens: the studies of rationality and irrationality*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 193 p.
8. Elster J. *Sour grapes: studies in the subversion of rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 178 p.
9. Elster J. *Solomonic judgements: studies in the limitations of rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 232 p.
10. Elster J. *Social Norms and Economic Theory* // Journal of Economic Perspectives. 1989. Vol. 3(4). P. 99–117. URL: <http://www.geocities.ws/hmelberg/elster/elartieb.htm> (accessed: 13.06.2015).
11. Elster J. *Ulysses Unbound*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 308 p.
12. Fodor J.A. *The language of thought revisited*.

- Oxford: Clarendon press, 2008. 228 p.
13. *Geertz C.* Local knowledge. N.Y.: Basic Books, 1983. 244 p.
 14. *Glaser B.G.* Theoretical Sensitivity. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978. 164 p.
 15. *Glaser B.G.* (with the assistance of J. Holton). Remodeling Grounded Theory [80 paragraphs] // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research. 2004, March. Vol. 5(2), art. 4. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqstexte/2-04/2-04glaser-e.htm> (accessed: 29.01.2016).
 16. *Grice H.P.* Logic and conversation // Syntax and semantics: Speech acts / eds. by P. Cole, J.L. Morgan. N.Y.: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.
 17. *Hallberg L. R.-M.* The «core category» of grounded theory: Making constant comparisons // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2006. Vol. 1. P. 141–148.
 18. *Heise D.R.* Causal Analysis. [Electronic Edition. Original publication, 1975, New York, Wiley.] Bloomington, IN: Author, 2001. URL: http://www.indiana.edu/~socpsy/public_files/CausalAnalysis.zip (accessed: 12.03.2015).
 19. *Heise D.R., Durig A.A.* Frame for Organizational Actions and Macroactions // Journal of Mathematical Sociology. 1997. Vol. 22(2). P. 95–123.
 20. *Hernandez Ch.A.* Are there two methods of grounded theory? Demystifying the methodological debate // Grounded Theory Review. 2008. Vol. 7, № 2. URL: <http://groundedtheoryreview.com/2009/06/30/1036/> (accessed: 13.06.2015).
 21. *Hofstede G.* Dimensions do not exist: A reply to Brendan McSweeney // Human Relations. 2002. Vol. 55(11). URL: <http://users.utu.fi/freder/hofstede.pdf> (accessed: 28.07.2014).
 22. *Hofstede G.J., Pedersen P.B., Hofstede G.H.* Exploring culture: exercises, stories, and synthetic cultures. Yarmouth: Intercultural Press, 2002. 231 p.
 23. *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and organizations: Software of the mind. L.: McGraw-Hill, 2010. 558 p.
 24. *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (accessed: 28.04.2015).
 25. *Hutcheon P.D.* Value Theory: Towards Conceptual Clarification // The British Journal of Sociology. 1972. Vol. 23, № 2. P. 172–187.
 26. *Hymes D.* Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality: Toward an Understanding of Voice. L.: Taylor & Francis, 1996. 258 p.
 27. *Kelle U.* «Emergence» vs. «Forcing» of Empirical Data? A Crucial Problem of «Grounded Theory» Reconsidered // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research. 2005. Vol. 6, art. 27. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/467/1000> (accessed: 29.01.2016).
 28. *Kelle U.* The development of categories: Different approaches in grounded theory // The Sage handbook of grounded theory / eds. by A. Bryant, K. Charmaz. L.: SAGE, 2007. P. 191–213. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2013/MVZ453/um/SAGE_bryant_charmaz_191-214.pdf (accessed: 26.01.2016).
 29. *Kenny M., Fourie R.* Tracing the history of grounded theory methodology: From formation to fragmentation // The Qualitative Report. 2014. Vol. 19(103). P. 1–9. URL: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR19/kenny103.pdf> (accessed: 26.01.2016).
 30. *Kluckhohn C.* Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // Toward a general theory of action / eds. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. P. 388–433.
 31. *McSweeney B.* Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // Human Relations. 2002. Vol. 55. P. 89–118. URL: <http://www.uk.sagepub.com/managingandorganizational/downloads/Online%20articles/ch05/4%20-%20McSweeney.pdf> (accessed: 28.07.2014).
 32. *Methoden der Textanalyse: Leitfaden und Überblick* / S. Titscher, R. Wodak, M. Meyer, E. Vetter. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. 378 p.
 33. *Mey G., Mruck K.* Grounded-Theory-Methodologie: Entwicklung, Stand, Perspektiven // Mey G., Mruck K. Grounded Theory Reader. Wiesbaden, VS: Verl. für Sozialwiss, 2011. P. 11–48.
 34. *Nardon L., Steers R.M.* The culture theory jungle: divergence and convergence in models of national culture // Cambridge Handbook of Culture, Organizations, and Work / eds. by R.S. Bhagat, R.M. Steers. 2009. P. 3–22. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511581151.002> (accessed: 21.06.2014).
 35. *Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G.* A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50, № 4, part 1. P. 696–735. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0097-8507%28197412%2950%3A4%3C696%3AASSFT0%3E2.0.CO%3B2-R> (accessed: 04.05.2014).

36. *Saldaña J.* The Coding Manual for Qualitative Researchers. L.: SAGE, 2009. 226 p.
37. *Saville-Troike M.* The ethnography of communication : an introduction. 3rd ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 325 p.
38. *Schwarz N.* Cognitive Aspects of Survey Methodology // *Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol. 21. P. 277–287.
39. *Schwartz S.H.* Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50, № 4. P. 19–45. URL: <http://dev.crs.org.pl:4444/rid%3D1K6GFZBH9-255VHHF-GZ/Schwartz%25201994%2520-%2520Are%2520there%2520universal%2520aspects%2520in%2520the%2520content%2520of%2520human%2520values.pdf> (accessed: 21.06.2014).
40. *Schwartz S.H.* A Theory of cultural values and some implications for work // *Applied Psychology: An International Review*. 1999. Vol. 48(1). P. 23–47. URL: [http://www.winforbase.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/\\$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf](http://www.winforbase.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf) (accessed: 28.09.2014).
41. *Schwartz S.H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (accessed: 30.07.2014).
42. *Silverman D.* Who cares about «experience»? — Missing issues in qualitative research. // *Qualitative research: theory, method and practice* / eds. by D. Silverman. 2nd ed. L.: SAGE, 2004. P. 342–367.
43. *Spates J.L.* The sociology of values // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. P. 27–49. URL: http://www.ics.uci.edu/~vid/Readings/Spates_1983_Sociology_of_Values.pdf (accessed 21.06.2014).
44. *Spradley J.P.* Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 195 p.
45. *Strauss A., Corbin J.* Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. L.: SAGE Publication, 1998. 312 p.
46. *Sudman S., Bradburn N., Schwartz N.* Thinking about answers: The Application of cognitive processes to survey methodology. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1996.
47. *Trompenaars F., Hampden-Turner C.* Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in business. 2nd ed. L.: Nicholas Brealey Publishing, 1997. 265 p.
48. *Trompenaars F., Woolliams P.* Business across cultures. Chichester: Capstone Publishing, 2003. 359 p.

References

1. Kuznetsov A.E. [What does the Schwartz's model inquire into?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2014, no 3(19), pp. 110–116. (In Russian).
2. *Rossiya v Evrope: po materialam mezhdunarodnogo proekta «Evropejskoe sotsial'noe issledovanie»* [Russia in Europe: following international project «European social study»]. Moscow, Academia Publ., 2009, 384 p. (In Russian).
3. Sachs H. [Sociological descripto]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review]. 2006. Vol. 5, no 1, pp. 43–53 (in Russian). Available at: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211452829/5_1_7.pdf (accessed: 28.01.2016). (In Russian).
4. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. L.: SAGE, 2006. 208 p. (In English).
5. Cheng A.-S., Fleischmann K.R. Developing a Meta-Inventory of Human Values. *Proceedings of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. Vol. 47, № 1. P. 1–10. (In English).
6. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in: the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. *Public Opinion Quarterly*. 2008. Vol. 72, № 3. P. 420–445. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-66692> (accessed: 28.07.2014). (In English).
7. Elster J. *Ulysses and the sirens: the studies of rationality and irrationality*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. 193 p. (In English).
8. Elster J. *Sour grapes: studies in the subversion of rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 178 p. (In English).
9. Elster J. *Solomonic judgements: studies in the limitations of rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 232 p. (In English).
10. Elster J. *Social Norms and Economic Theory* // *Journal of Economic Perspectives*. 1989. Vol. 3(4). P. 99–117. URL: <http://www.geocities.ws/hmelberg/elster/elartich.htm> (accessed: 13.06.2015). (In English).
11. Elster J. *Ulysses Unbound*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 308 p. (In English).
12. Fodor J.A. *The language of thought revisited*. Oxford: Clarendon press, 2008. 228 p. (In English).
13. Geertz C. *Local knowledge*. N.Y.: Basic Books, 1983. 244 p. (In English).
14. Glaser B.G. *Theoretical Sensitivity*. Mill Valley,

- CA: Sociology Press, 1978. 164 p. (In English).
15. Glaser B.G. (with the assistance of J. Holton). Remodeling Grounded Theory [80 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research*. 2004, March. Vol. 5(2), art. 4. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqstexte/2-04/2-04glaser-e.htm> (accessed: 29.01.2016). (In English).
 16. Grice H.P. Logic and conversation. *Syntax and semantics: Speech acts* / eds. by P. Cole, J.L. Morgan. N.Y.: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58. (In English).
 17. Hallberg L. R.-M. The «core category» of grounded theory: Making constant comparisons. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. 2006. Vol. 1. P. 141–148. (In English).
 18. Heise D.R. Causal Analysis. [Electronic Edition. Original publication, 1975, New York, Wiley.] Bloomington, IN: Author, 2001. URL: http://www.indiana.edu/~socpsy/public_files/CausalAnalysis.zip (accessed: 12.03.2015). (In English).
 19. Heise D.R., Durig A.A. Frame for Organizational Actions and Macroactions. *Journal of Mathematical Sociology*. 1997. Vol. 22(2). P. 95–123. (In English).
 20. Hernandez Ch.A. Are there two methods of grounded theory? Demystifying the methodological debate. *Grounded Theory Review*. 2008. Vol. 7, № 2. URL: <http://groundedtheoryreview.com/2009/06/30/1036/> (accessed: 13.06.2015). (In English).
 21. Hofstede G. Dimensions do not exist: A reply to Brendan McSweeney. *Human Relations*. 2002. Vol. 55(11). URL: <http://users.utu.fi/freder/hofstede.pdf> (accessed: 28.07.2014). (In English).
 22. Hofstede G.J., Pedersen P.B., Hofstede G.H. Exploring culture: exercises, stories, and synthetic cultures. Yarmouth: Intercultural Press, 2002. 231 p. (In English).
 23. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. L.: McGraw-Hill, 2010. 558 p. (In English).
 24. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (accessed: 28.04.2015). (In English).
 25. Hutcheon P.D. Value Theory: Towards Conceptual Clarification. *The British Journal of Sociology*. 1972. Vol. 23, № 2. P. 172–187. (In English).
 26. Hymes D. Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality: Toward an Understanding of Voice. L.: Taylor & Francis, 1996. 258 p. (In English).
 27. Kelle U. «Emergence» vs. «Forcing» of Empirical Data? A Crucial Problem of «Grounded Theory» Reconsidered. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research*. 2005. Vol. 6, art. 27. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/467/1000> (accessed: 29.01.2016). (In English).
 28. Kelle U. The development of categories: Different approaches in grounded theory. *The Sage handbook of grounded theory* / eds. by A. Bryant, K. Charmaz. L.: SAGE, 2007. P. 191–213. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2013/MVZ453/um/SAGE_bryant_charmaz_191-214.pdf (accessed: 26.01.2016). (In English).
 29. Kenny M., Fourie R. Tracing the history of grounded theory methodology: From formation to fragmentation. *The Qualitative Report*. 2014. Vol. 19(103). P. 1–9. URL: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR19/kenny103.pdf> (accessed: 26.01.2016). (In English).
 30. Kluckhohn C. Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification. *Toward a general theory of action* / eds. by T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. P. 388–433. (In English).
 31. McSweeney B. Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // *Human Relations*. 2002. Vol. 55. P. 89–118. URL: <http://www.uk.sagepub.com/managingandorganizations/downloads/Online%20articles/ch05/4%20-%20McSweeney.pdf> (accessed: 28.07.2014). (In English).
 32. Methoden der Textanalyse: Leitfaden und Überblick / S. Titscher, R. Wodak, M. Meyer, E. Vetter. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. 378 p. (In English).
 33. Mey G., Mruck K. Grounded-Theory-Methodologie: Entwicklung, Stand, Perspektiven. *Mey G., Mruck K. Grounded Theory Reader*. Wiesbaden, VS: Verl. für Sozialwiss, 2011. P. 11–48. (In English).
 34. Nardon L., Steers R.M. The culture theory jungle: divergence and convergence in models of national culture. *Cambridge Handbook of Culture, Organizations, and Work* / eds. by R.S. Bhagat, R.M. Steers. 2009. P. 3–22. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511581151.002> (accessed: 21.06.2014). (In English).
 35. Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*. 1974. Vol. 50, № 4, part 1. P. 696–735. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0097-8507%28197412%2950%3A4%3C696%3AASSFTO%3E2.0.CO%3B2-R> (accessed: 04.05.2014). (In English).
 36. Saldaña J. The Coding Manual for Qualitative Researchers. L.: SAGE, 2009. 226 p. (In English).

37. Saville-Troike M. The ethnography of communication : an introduction. 3rd ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. 325 p. (In English).
38. Schwarz N. Cognitive Aspects of Survey Methodology. *Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol. 21. P. 277–287.
39. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50, № 4. P. 19–45. URL: <http://dev.crs.org.pl:4444/rid%3D1K6GFZBH9-255VHHF-GZ/Schwartz%25201994%2520-%2520Are%2520there%2520universal%2520aspects%2520in%2520the%2520content%2520of%2520human%2520values.pdf> (accessed: 21.06.2014). (In English).
40. Schwartz S.H. A Theory of cultural values and some implications for work. *Applied Psychology: An International Review*. 1999. Vol. 48(1). P. 23–47. URL: [http://www.winfo-base.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/\\$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf](http://www.winfo-base.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf) (accessed: 28.09.2014). (In English).
41. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (accessed 30.07.2014). (In English).
42. Silverman D. Who cares about «experience»? — Missing issues in qualitative research. *Qualitative research: theory, method and practice* / eds. by D. Silverman. 2nd ed. L.: SAGE, 2004. P. 342–367. (In English).
43. Spates J.L. The sociology of values. *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9.P. 27–49. URL: http://www.ics.uci.edu/~vid/Readings/Spates_1983_Sociology_of_Values.pdf (accessed: 21.06.2014). (In English).
44. Spradley J.P. Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 195 p. (In English).
45. Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. L.: SAGE Publication, 1998. 312 p. (In English).
46. Sudman S., Bradburn N., Schwartz N. Thinking about answers: The Application of cognitive processes to survey methodology. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1996. (In English).
47. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in business. 2nd ed. L.: Nicholas Brealey Publishing, 1997. 265 p. (In English).
48. Trompenaars F., Woolliams P. Business across cultures. Chichester: Capstone Publishing, 2003. 359 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 01.02.2016

Об авторе

Кузнецов Александр Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kzntsv@list.ru

About the author

Kuznetsov Alexander Evgenjevich

PhD. in Sociological Sciences, Associate Professor
of Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kzntsv@list.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецов А.Е. Улисс в культурных джунглях: насколько эмпирична модель Шварца? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 102–117.

Please cite this article in English as:

Kuznetsov A.E. Ulysses in the culture jungle: how empirical is Schwartz's model? // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 102–117.

УДК 316.647.5

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ*

Аникина Анна Валентиновна

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия

Шиманская Ольга Константиновна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

В статье представлены результаты эмпирического исследования характеристик национальной и гражданской идентичности нижегородской студенческой молодежи, степени её конфликтности по этническим признакам и возможности воспитания толерантного сознания в региональном межкультурном взаимодействии. Рассматриваются гендерные особенности этнической идентичности, информированности молодежи о традициях и культуре народов, проживающих на территории региона, влияние семьи на формирование национальной идентичности молодежи. Результаты показали, что гражданское самосознание нижегородских студентов выражено сильнее этнического и этнорелигиозного, а осведомленность по ряду параметров этнической истории и культуры требует увеличения количества получаемых в вузах компетенций. Материалы исследования убеждают в необходимости целенаправленной и систематической работы всех институтов гражданского общества с целью разработки программы воспитания толерантности не только как терпимости, но и как взаимообогащения, максимально справедливой и демократической национальной политики.

Ключевые слова: социологическое исследование; студенческая молодёжь; национальная идентичность; гражданская идентичность; гендерные особенности; информированность молодёжи; влияние семьи.

NATIONAL AND CIVIC IDENTITY OF STUDYING YOUTH IN THE SOCIOLOGICAL CONTEXT

Anna V. Anikina

Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

Olga K. Shimanskaya

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

The article presents the results of the empirical study of characteristics of national and civil identity of Nizhny Novgorod students. It defines the degree of conflict on ethnic grounds and the possibility of teaching tolerant consciousness through the regional intercultural interaction. It lists the objectives of the study and tests several hypotheses. Apart from that, it unveils the gender differences in ethnic identity and shows the awareness of young people of the regional traditions, culture and living conditions. The article presents the influence of family on the formation of national identity of young people. The poll reveals the value of transformation in terms of ethnicity and tolerance as the most important aspect for conserving the unity of the Russian civilization. Ethnic factors do prove to be the main identifying markers of the students' consciousness with the prevalence of their cultural aspects. The survey data has clarified the gender differences in defining the ethnic identity of students. Males show their stronger ethnic identification and more decisive declaration of their ethnicity. Boys to a greater extent than girls see the main factor of friendship and joint activity in a person's nationality.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект 2275 «Стратегии межкультурной коммуникации, этноконфессиональное взаимодействие и социокультурная идентичность России».

Knowledge of the national language manifests the main marker of ethnic identification, both for boys and for girls. The results show that the civic identity of Nizhny Novgorod students is based on the intense ethnic and ethno-religious aspects as well as the awareness of a number of parameters of the ethnic history. As for culture, it requires the increase in universities' competencies. The study reveals the need for a focused and systematic cooperation of all cultural institutions, municipal, regional and federal authorities in order to not only develop the program of tolerance in its narrow sense but also combine it with the program of enrichment, most egalitarian, fair and democratic national politics.

Key words: sociological survey; students; national identity; civic identity; gender differences; awareness of student's youth; the influence of the family.

Острые этнокультурные проблемы национального и межкультурного взаимодействия молодежи в российском социуме все более привлекают внимание ученых, а также представителей органов власти. Молодежь, стремящаяся к самоопределению, самоутверждению, саморазвитию и самореализации, является объектом и субъектом перемен. Поэтому национальная и гражданская идентичность молодежи, степень ее конфликтности по этническим признакам и воспитание толерантного сознания в межкультурном взаимодействии становятся формой борьбы за будущее российской государственности.

Толерантность имеет разные формы: личная, общественная (отраженная в морали, нравах, общественной психологии, сознании), государственная (отраженная в законодательстве, политической практике). Основное требование толерантной культуры в следующем: свободное исповедание каждым гражданином, общественной группой, обществом, свободный выбор нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений, который предполагает их лояльное, терпимое, невраждебное, уважительное отношение к аналогичному выбору других. Важный компонент терпимости — понимание отличных от наших воззрений, нравов, привычек, чувств, способов действий [1, с. 364–365].

В 2013–2014 гг. нами было проведено социологическое исследование среди студентов нижегородских вузов¹. Его цель — выявление особенностей национальной и гражданской идентичности нижегородского студенчества. Поскольку

процесс личностного становления по-разному протекает у юношей и девушек, было сформировано 2 выборки. Задачи исследования: изучить гендерные особенности этнической идентичности, уровень информированности молодежи о традициях и культуре других народов, проживающих на территории региона, определить, каково влияние семьи на формирование национальной идентичности. В ходе исследования проверялись следующие гипотезы:

– поскольку юноши и девушки воспитываются в одной социокультурной среде, различия в их ценностных ориентациях не являются значимыми;

– молодежь из двухэтнических семей является более толерантной к представителям других этносов;

– гражданственность остается ведущим структурирующим фактором в современной России, несмотря на рост этнического самосознания в постсоветский период.

Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности [4, с. 210]. Этническая идентификация проверялась нами на основе ответов на ряд вопросов. Так, ответ на вопрос: «Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какому-либо этносу?» свидетельствует о наличии достаточно четкой этнической идентификации (см. табл. 1).

Утвердительный ответ о принадлежности к определенному этносу дали почти 50 % респондентов, «воспринимают [принадлежность] как данность и не задумываются об этом» 38,9 % девушек и 30,1 % юношей (см. табл. 2). Характерно, что гордятся своей этнической принадлежностью больше юноши (39,2 %), нежели девушки (28,3 %). Ощущают ее в иноэтнической среде чаще представительницы женского пола (13,9 % и 9,9 % соответственно).

¹ Опрошено 1127 студентов от 17 до 22 лет (30 % юношей и 70 % девушек) Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии, Нижегородской Академии МВД РФ, Нижегородского института международного бизнеса, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 76 % из них жители городских поселений.

Таблица 1. Этническая идентификация респондентов, %

<i>Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какому-либо этносу?</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
Да, я принадлежу к определенному этносу	47,7	42,3
Я в равной мере принадлежу к определенным этносам	1,8	2,6
Иногда ощущаю свою этническую принадлежность	28,3	32,7
Нет, не чувствую потребности в этнической идентификации	20,5	18,8
Нет ответа	1,8	3,5
Всего	100	100

Таблица 2. Отношение респондентов к этнической принадлежности, %

<i>Как Вы относитесь к своей этнической принадлежности?</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
Воспринимаю ее как данность и не задумываюсь об этом	30,1	38,7
Воспринимаю ее как данность и горжусь этим	39,2	28,3
Ощущаю свою этническую принадлежность только в иноэтничной среде	9,9	13,9
Испытываю неудобство от своей этнической принадлежности	3,3	1,5
Считаю этничность пережитком прошлого	5,4	5,0
В современном глобальном мире нет места этничности, все люди — граждане мира	10,9	10,2
Нет ответа	1,2	2,4
Всего	100	100

Определяющими этническими маркерами в исследовании выступают культурно локализирующие признаки: язык, традиция, кровное родство (см. табл. 3). Наш вопрос был задан так: «Если Вы относите себя к какому-либо этносу, то как это выражается?» Респондент мог дать несколько ответов. Анализ данных не выявил значимых отклонений по гендерному признаку. По замечанию

Г.У. Солдатовой, «достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида» [3, с. 62].

Таблица 3. Маркеры этнической идентификации респондентов, %

<i>Маркер</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
Знание языка своего народа	62,3	66,6
Стремление изучить и сохранить для будущих поколений традиции и обычаи своего народа	47,0	49,9
Кровное родство с представителями этноса, к которому себя относишь	44,3	39,9
Изучение истории своего народа	41,9	39,8
Желание жить среди тех, кто принадлежит к этому же этносу	22,0	21,3
Сохранение родной природы и среды обитания для будущих поколений	10,8	14,5
Помощь своему народу конкретными социальными усилиями	13,6	9,6
Ознакомление представителей иных народов с культурой своего народа	7,2	11,2
Готовность защищать интересы своего этноса с оружием в руках от любых посягательств	8,4	5,3
Другой ответ	1,8	1,4

На распространение толерантных принципов «оказывают свое воздействие многообразные

факторы — исторические традиции, ментальность разных представителей народа, политическая во-

ля и особые интересы столичной и региональных элит, уровень правовой и политической культуры граждан, наличие соответствующего законодательства и эффективность действий правоохранительных органов., характер взаимоотношений между этносами и религиозными общностями, их открытость другим культурам, отношение к социально уязвимым слоям, мигрантам и другим маргинальным группам...» [1, с. 373].

Вековые традиции совместной жизни разных народов в регионе заложили основания дружелюбного отношения к ближайшим соседям: лишь для каждого пятого важно «желание жить среди тех, кто принадлежит к этому же этносу». Признак «кровного родства» значим для двух студентов из трех. Из культурно значимых показателей на первое место выходит родной язык. На второе, с большим отрывом — традиции и обычаи. Вместе с тем налицо социальная инфантильность и ориентация на «здесь и сейчас». Сторонников социально ориентированного поведения — помощь своему народу конкретным социальным действием, сохранение среды обитания, культурная миссия — немного. Желających воевать за интересы своего этноса среди юношей — 8,3 %, что, впрочем, не означает неизбежность пораженческих настроений во время реальной опасности для страны.

Одним из основных факторов, определяющих систему ценностных ориентаций, является семья. В нашей выборке представлены студенты из одноэтнических и двуэтнических семей, но преобладают моноэтнические семьи. У девушек — 70 %, юношей — 65 %. Показательно, что 19 % юношей и 12 % девушек не ответили на вопрос об этничности родительской семьи. Возможно, потому что

не придавали ему значения: соответствующая графа убрана из паспорта и вопрос выбора национальности у них не возникал. Причиной этого может быть и принципиальная позиция: «в современном глобальном мире нет места этничности, все люди — граждане мира» (см. табл. 4).

Семьи «родители родителей» более многоэтничны: переход от аграрного общества к индустриальному, урбанизация, трудовая миграция, Великая Отечественная война и комсомольские стройки «переплетали» судьбы. В конце 80-х гг. XX в., когда родители студентов создавали семьи, в стране обострились национальные отношения.

Таблица 4. Этничность семей дедушек и бабушек респондентов, %

Этничность семьи	Юноши	Девушки
Моноэтническая семья	61,4	60,8
Двуэтническая семья	16,6	21,2
Полиэтническая	6,3	7,0
Нет ответа	15,7	11,0
Всего	100	100

Одна из задач нашего исследования — определить влияние семьи на этническую самоидентификацию. В двуэтнической семье доля ощущающих свою принадлежность к обоим этносам в 10 раз больше, но не велика — 9 %. На четверть больше и тех, у кого нет потребности в таком выборе — это каждый пятый (см. табл. 5).

Таблица 5. Этническая самоидентификация респондентов в зависимости от этничности родительской семьи, %

Этническая самоидентификация	Моноэтническая семья	Двуэтническая семья
Да, я принадлежу к определенному этносу	48,8	42,2
Я в равной мере принадлежу к определенным этносам	0,9	9,0
Иногда ощущаю свою этническую принадлежность	32,2	26,6
Нет, не чувствую потребности в этнической идентификации	15,0	21,1
Нет ответа	3,1	1,1
Всего	100	100

Прожективные намерения респондентов всегда считались одним из важнейших критериев проверки степени искренности ответов на предыдущие вопросы. В нашем случае это вопрос о возможности создания семьи с представителем другого этноса. Больше половины (61,8 %) респондентов утверждают, что «в браке главное — любовь, а не

этническая принадлежность». В то же время 17,6 % относятся к межэтническим бракам отрицательно, причем студенты из моноэтнических семей высказываются более категорично, чем представители двуэтнических семей (см. табл. 6).

Основная же мотивация вступления в брак — романтическая: больше половины юношей

(58,5 %) и девушек (63,2 %) отдают предпочтение любви, а не этнической принадлежности (см. табл. 7). Показательно, что каждый пятый из тех,

кто не дал ответа об этничности своей семьи, против межэтнических браков.

Таблица 6. Отношения к межэтническим бракам в зависимости от характеристик этничности родительской семьи, %

Отношение к межэтническим бракам	Моноэтническая семья	Двухэтническая семья
В браке главное — любовь, а не этническая принадлежность	62,0	65,3
Считаю возможным для себя вступить в брак с представителем другого этноса	9,5	12,6
Могу вступить в такой брак, но при условии, что представитель другого этноса будет из одной социальной группы с моей семьей	1,8	3,0
Могу вступить в такой брак, но при условии, что представитель другого этноса примет религию и культуру моего этноса	4,8	5,0
Могу вступить в такой брак, но при условии, что представитель другого этноса переедет в мой регион и будет уважать его традиционную культуру	2,5	3,0
Отношусь отрицательно	18,6	10,6
Нет ответа	0,8	0,5
Всего	100	100

Таблица 7. Отношение к межэтническим бракам, %

Отношение к межэтническим бракам	Юноши	Девушки
В браке главное — любовь, а не этническая принадлежность	58,5	63,2
Считаю возможным для себя вступить в брак с представителем другого этноса	9,6	10,3
Могу вступить в такой брак, но при условии, что представитель другого этноса будет из одной социальной группы с моей семьей	3,6	1,4
Могу вступить в такой брак, но при условии, что представитель другого этноса примет религии и культуру моего этноса	4,5	4,8
Могу вступить в такой брак, но при условии, что представитель другого этноса переедет в мой регион и будет уважать его традиционную культуру	3,6	2,5
Отношусь отрицательно	19,9	16,6
Нет ответа	0,3	1,2
Всего	100	100

«Закрытость» брачно-семейных предпочтений присуща пятой части респондентов. Для большинства она связана с этническими факторами: они могут быть вариантом культурного консерватизма, опасением за возможность неустойчивости брака при столкновении культурных и конфессиональных традиций, а также отсутствием межэтнической комплиментарности, становящейся при определённом стечении обстоятельств национализмом. Каждый десятый опрошенный считает для себя возможным вступить в брак с представителями другого этноса. При этом информанты из двуэтнических семей более лояльны. Согласен на межэтнический брак, но с определенными условиями каждый десятый.

Таблица 8. Влияние национальности на выбор друзей (знакомых), %

Влияет ли национальность на выбор друзей?	Юноши	Девушки
Является определяющим	4,9	2,3
Это не главное	46,1	46,1
Не обращаю внимание	34,0	37,8
Все зависит от того, к какой нации они относятся	10,2	10,5
Другое	4,8	2,7
Нет ответа	0	0,6
Всего	100	100

Еще менее значима для респондентов национальность друзей, знакомых, что естественно для россиян в силу исторических причин. Гендерная разница в рамках статистической погрешности отражена в табл. 8.

Влияние гендерного фактора на межэтнические отношения, как видно из предыдущих данных, незначительно. В связи с этим в тех случаях, когда отличия находятся в рамках статистической погрешности, мы считаем возможным в дальнейшем дать обобщенную характеристику выборки.

Несмотря на глобализацию, этничность остается важным фактором самосознания и социального самоопределения. Одна треть опрошенных считает ее важнейшим элементом осознанного культурного самоопределения. Треть респондентов воспринимает ее как естественное состояние, не требующее специальной рефлексии (выраженное моноэтничностью области, отсутствием постоянного сравнения и противопоставления самих себя с представителями других этносов). Каждый шестой респондент отдает предпочтение гуманистическим ценностям глобальной культуры будущего в противовес этнической принадлежности. Только для 2 % этническая принадлежность представляется определённой проблемой.

У 63 % опрошенных культура других этносов вызывает живой интерес. Тем не менее, каждого пятого она мало интересует. Каждый седьмой считает этническую культуру достоянием прошлого, полагая, что современный человек должен

ориентироваться на массовую культуру. Лишь 2 % респондентов оказались сторонниками этнического изоляционизма, выбрав вариант «человек должен знать только культуру своего этноса и интересоваться только ей». Таким образом, студенчество в целом открыто к постижению культур иных этносов. Культурная инаковость для них — повод к коммуникации, взаимообогащению, основание толерантного образа мысли и действия. Как социально-психологический феномен толерантность «является уникальным механизмом мирного сосуществования в современном сложном многополярном мире» [2, с. 543].

Это подтверждается и мнением о путях развития культуры Российской Федерации (см. табл. 9). 40,6 % участников опроса считают, что культуры народов России обогащают культуру РФ. 19,4 % опрошенных отметили важность «русского языка в качестве государственного при билингвизме (двухязычии) в национальных субъектах Федерации и поддержке развития всех этнических языков». Доминирование русской культуры отметил каждый шестой, а русского языка — каждый десятый респондент. Гендерных различий по этому вопросу не выявлено.

При ранжировании признаков идентичности (этническая, гражданская, этнорегиональная) большинство студентов выделили для себя как более важную гражданскую (см. табл. 10).

Таблица 9. Мнение респондентов о путях развития современной отечественной культуры, %

<i>Пути развития отечественной культуры</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
Развитие культур народов России	35,2	42,8
Доминирование русского языка	13,0	9,8
Доминирование русской культуры	16,0	15,9
Русский язык в качестве государственного при билингвизме	21,7	18,4
Доминирование религии	4,5	4,9
Светская гражданская культура	7,8	7,3
Нет ответа	1,8	0,9
Всего	100	100

Таблица 10. Соотношение этнической, гражданской и этнорегиональной идентичности в сознании молодежи, %

<i>Значение идентичности</i>	<i>Этническая идентичность</i>	<i>Гражданская идентичность</i>	<i>Этнорегиональная идентичность</i>
Наиболее важно	30,7	40,5	22,4
Важно	38,3	31,6	29,2
Не важно	27,4	24,2	45,0
Нет ответа	3,6	3,7	3,4
Всего	100	100	100

В итоге гражданское самосознание нижегородских студентов (72,1 %) оказалось значительно выше этнического (69,0 %) и этнорегионального (51,6 %). Поэтому и ответы на вопрос: «Представляет ли этническое многообразие угрозу для целостности государства?» распределились следующим образом. Больше половины опрошенных (61,8 %) посчитали, что «единого сценария нет, все зависит от специфики страны». Согласился с угрозой для целостности страны каждый пятый респондент (21,7 %). 14,4 % решили, что «полиэтничность способствует процветанию государства».

Отметим, что понимание сложности этнокультурных взаимосвязей характеризуют мышление информантов. 20 % выражает озабоченность сохранением межнационального мира, ибо новейшая история СССР, Российской Федерации, стран СНГ показала хрупкость этого состояния, возможность мгновенной реанимации национализма и его тиражирования.

Свою осведомлённость по целому ряду параметров этнической истории и культуры (знание языка, истории, народного эпоса, героев своего этноса, песен, танцев своего народа, национальной кухни) студенты в целом оценили как удовлетворительную. И по всем этим параметрам учащиеся хотели бы значительно увеличить свою компетентность (критична даже оценка русскими своего уровня знания русского языка). Знания об этносах мира, их истории и культуре студенты получают прежде всего в образовательных учреждениях (это характеризует городскую урбанизированную культуру современного студенчества). В меньшей сте-

пени эти знания являются предметом семейной традиции и патриархального воспитания.

Исследованием зафиксировано, что просветительские учреждения практически не влияют на информированность юношества по вопросу этнической истории и культуры. Ответы на вопрос распределились следующим образом: информация из вузов и школ отметила половина опрошенных (56,8 % и 55,7 % соответственно). Посчитали, что получали такие знания на основе изучения произведений литературы — 45 % учащихся, в семье — 36 %, из телепрограмм — 29 %, в кино — каждый четвертый, от друзей — каждый шестой. Вероятно, поэтому каждый третий студент считает необходимым включить в региональный компонент обязательных учебных курсов краеведческий материал (дополнительные знания по этнической истории региона). 38 % полагают достаточным использование этнокомпонента в воспитательной работе, а 29 % опрошенных видят необходимость углублённой проработки вопросов этнической истории и культуры региона на научных конференциях и в своей научно-исследовательской (дипломных и курсовых) работе.

Нижегородских студентов характеризует приверженность как принципам правового государства, так и принципам федерализма: 42,0 % и 24,6 % соответственно (см. табл. 11). Представительницы женского пола в большей степени, чем юноши, демонстрируют свои знания и подготовленность (44,2 % против 36,4 % в первом случае и 25,3 % против 22,9 % во втором).

Таблица 11. Мнение респондентов о содержании понятия «этническая безопасность», %

Что такое «этническая безопасность»?	Юноши	Девушки
Бережное сохранение языка и культуры малых народов	20,2	22,2
Безопасность общественной жизни, в которой нет межнациональной розни, нетерпимости по национальному признаку	36,4	44,2
Возможность каждого этноса создавать собственное государство и иметь собственных представителей в ООН	10,5	2,9
Соблюдение принципов федерализма и национально-культурной автономии в многоэтнических государственных образованиях, ориентированных на регион	22,9	25,3
Сильная вертикаль власти, проводящая жесткую политику по предотвращению экстремизма и терроризма	5,7	3,7
Другое	2,1	0,5
Нет ответа	2,2	1,2
Всего	100	100

Таким образом, анализ проведенного нами социологического опроса позволяет сделать следующие выводы.

Цивилизационный кризис России и выбор путей дальнейшего развития отечественной цивилизации неизбежно связан с трансформацией ценностных установок российского социума в целом, каждого носителя этих структурных ценностей. Обследуемая группа представляет с этой точки зрения наибольший интерес, так как это люди, родившиеся в новейший период российской истории, у которых нет наследия предшествующей эпохи. Они обучаются в вузах, проходя процесс интенсивной аккультурации. Для этой возрастной группы характерен поиск нравственных оснований бытия, искания и обретение личностных ценностей. Мы можем рассматривать участников опроса в качестве индикатора глубинных ценностных трансформаций всего социума. Опрос показал наличие подобных ценностных трансформаций по показателям этничности и толерантности как наиболее значимых для сохранения единства российского цивилизационного пространства. Этнические факторы выступают основными идентифицирующими маркерами сознания студентов с преобладанием их культурообразующих аспектов. В этом есть и опасность дезинтеграции российского социума и дальнейшего развития многоплановой отечественной культуры. Стабильное и устойчивое развитие требует продуманных и целенаправленных усилий органов государственной власти, но, что ещё важнее, усилий со стороны системы образования и науки.

Данные исследования подтвердили гипотезы и выявили гендерные различия по вопросу этнического самосознания студенчества. Представители мужского пола тверже проявляют свою этническую идентификацию и решительнее заявляют о своей этнической принадлежности. У юношей в большей степени, чем у девушек, определяющим фактором дружбы и совместной деятельности является национальность человека. Представительницы женского пола больше, чем юноши, демонстрируют свои знания в понимании «этнической безопасности». Отметим также, что знание языка своего народа является главным маркером этнической идентификации как для юношей, так и для девушек. В целом же этничность выступает важным фактором самоидентификации студентов вне зависимости от этничности родительской семьи. Больше половины учащихся демонстрируют романтическое отношение к межэтническим бракам, хотя каждый шестой воспринимает их отрицатель-

но. Согласно данным исследования студенты из моноэтнических семей высказываются в этой связи более категорично, чем опрошенные из двухэтнических семей. Гражданское самосознание нижегородских студентов выражено интенсивнее этнического и этнорегионального, а осведомлённость по целому ряду параметров этнической истории и культуры требует увеличения компетенций.

С одной стороны, мы видим убеждённую опрошенных в необходимости и возможности совместной экономической, культурной, гражданско-политической, правовой жизни представителей разных этносов в российской цивилизации, их взаимный интерес, обусловленный общностью исторического прошлого. С другой стороны, только прошлое уже не является достаточным основанием межнационального взаимообогащения и коммуникации. Нужна целенаправленная систематическая работа всех институтов культуры, муниципальных, региональных, федеральных органов власти для разработки тщательно продуманной программы воспитания толерантности, и не только как терпимости, но и как взаимообогащения, максимально эгалитарной, справедливой и демократичной национальной политики. Только такая политика удержит российскую цивилизацию от дезинтеграции, даст перспективу на будущее, достойное её великого прошлого.

Список литературы

1. Мchedlov М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005. 447 с.
2. Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 672 с.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН: Академ проект, 1999. 672 с.

Получено 23.12.2015

References

1. Mchedlov M.P. *Religiovedcheskie ocherki. Religiya v duhovnoj i obshchestvenno-politicheskoy zhizni sovremennoj Rossii* [Theological sketches. Religion in spiritual and sociopolitical life of modern Russia]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 2005, 447 p. (In Russian).
2. Pochebut L.G., Mezhzhis I.A. *Social'naya psihologiya* [Social psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2010, 672 p. (In Russian).

3. Soldatova G.U. *Psihologiya mezhehtnicheskoj napryazhennosti* [Psychology of ethnic tension]. Moscow, Smysl Publ., 1998, 389 p. (In Russian).
4. Stefanenko T.G. *Ehtnopsihologiya* [Ethnopsychology]. Moscow, Psychology Institute of Russian

Academy of Sciences Publ., Akademicheskij proekt Publ., 1999, 320 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 23.12.2015

Об авторах

Аникина Анна Валентиновна

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия, социология и политология»

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, 603107, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 97; e-mail: annavalentan@yandex.ru

Шиманская Ольга Константиновна

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, истории и древних языков

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; e-mail: shimansk@mail.ru

About the authors

Anikina Anna Valentinovna

PhD. in Sociological Sciences, Associate Professor of Department of Philosophy, Sociology and Politicalology

Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, 97, Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603107, Russia; e-mail: annavalentan@yandex.ru

Shimanskaya Olga Konstantinovna

PhD. in Philosophy, Associate Professor of Department of Culturology, History and Ancient Languages

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, 31a, Minin str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia; e-mail: shimansk@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Аникина А.В., Шиманская О.К. Национальная и гражданская идентичность студенческой молодежи в зеркале социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 118–126.

Please cite this article in English as:

Anikina A.V., Shimanskaya O.K. National and civic identity of studying youth in the sociological context // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 118–126.

УДК 316.356.2

МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Хачатрян Людмила Александровна, Чадова Анна Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Этнически смешанная семья — это один из типов современной семьи, который в условиях изменившегося общества приобретает новые черты. Функционирование многонациональной семьи обусловлено действием определенных тенденций, имеющих конкретно-исторический характер. Российская полиэтничная семья претерпевает существенные изменения, последствия которых имеют значение как для самой семьи, так и для общества в целом. В данной статье обозначены проблемы функционирования современной межнациональной семьи в России, и на примере этнически смешанных семей Пермского края рассматриваются особенности внутрисемейного взаимодействия.

Ключевые слова: полиэтничность; этническая структура; межнациональная семья; этнически смешанный брак; советская семья; тенденции в развитии межнациональных браков и семей; миграция; факторы образования межнациональной семьи; модели межнациональной семьи.

MULTIETHNIC FAMILY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Ludmila A. Hachatryan, Anna A. Chadova

Perm State University

Ethnically mixed family — is a type of modern family, which in the changed society acquires new features. The functioning of a multinational family due to the action of certain trends that have concrete historical character. Russian polyethnic family is undergoing significant change, the consequences of which are important, both for the family and for society as a whole. The article describes the operation of the modern inter-ethnic family in Russia, on an example of mixed families of Perm region highlighted features of the interaction within the family.

Key words: multiethnic family ethnic structure; ethnically mixed marriages; the Soviet family; the development trend of international marriages and families; factors of formation of inter-ethnic families; migration; inter-ethnic model of the family.

Семья и брак всегда были предметом внимания ученых. Еще античные философы обратили внимание на роль семьи в обществе и на роль общества в жизнедеятельности семьи. Так, Платон обосновал необходимость осуществления контроля за браком и семьей со стороны общества, а Аристотель дал определение семьи и обратил внимание на ее роль в появлении и функционировании общества. Г. Гегель констатировал, что конкретную форму семьи определяет социальный и политический строй.

В XIX в. складываются научные подходы в изучении семьи. И.Я. Бахофен, считал, что функционирование семьи зависит от обычаев и традиций разных народов. Ф.П. Ле Пле охарактеризовал семью как простейшую модель общества, именно она дает ключ к пониманию многих об-

щественных процессов. С институционализацией социологии в изучении семьи утвердились два основных направления: изучение семьи как социального института и как малой социальной группы; благодаря этому именно социология обеспечила комплексный подход в изучении семьи.

Социологи заостряли внимание на социальной сущности семьи, на изменениях, которые претерпевала семья в обществе, вступившем в индустриальную стадию развития. Так, еще Н.К. Михайловский в XIX в. обосновал идею появления такого типа семьи, который бы гарантировал благополучие и самостоятельность личности. П. Сорокин, изучая семью начала XX в., обосновал возможность появления новых форм семьи, отвечающих новой социальной реальности. В середине XX в. многие исследователи

утверждали, что социальная роль семьи не сводится только к воспроизводству населения и внутрисемейной деятельности: семья превращается в признанного агента социальной деятельности.

Во второй половине XX в. в нашей стране изменилась социальная реальность, повлекшая за собой изменение и брака, и семьи. Была принята программа строительства коммунизма. Одной из задач, которую необходимо было решить на пути к коммунизму, было формирование коммунистических отношений в быту, который «...немыслим без правильных взаимных отношений в семье» [6, с. 71]. Перед отечественными социологами была поставлена задача исследования проблем брака, семьи и определения путей их решения.

Новая социальная реальность характеризовалась еще и тем, что в стране был взят курс на формирование новой исторической общности — советский народ, поскольку провозглашалась идея постепенного отмирания наций в процессе строительства коммунизма. Следует подчеркнуть, что СССР был многонациональной страной, в которой уживались более ста наций и народностей, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития. В развитии наций были отмечены две тенденции — расцвет и постепенное их сближение, что подтверждало наличие таких этнических процессов, как межэтническая консолидация, интеграция и ассимиляция. Государственная политика, направленная на сближение наций, всесоюзные комсомольские стройки, расширяющиеся связи советской молодежи с молодежью других стран способствовали формированию у представителей разных народов СССР уважения, дружеских отношений по отношению друг к другу. Таким образом, можно утверждать, что в стране сложились объективные условия для увеличения доли этнически смешанных браков и семей в структуре населения.

Если по данным переписи населения 1959 г. примерно каждая десятая семья в стране была семьей межнациональной [4, с. 36], то по данным последней советской переписи населения 1989 г. этнически смешанными было уже 17,5 %. [8, с. 14]. В большинстве случаев это были браки между представителями этносов, входящих в состав СССР. Как подчеркивал А.Г. Харчев, общественное мнение «...не чинит препятствий таким бракам и, если они основываются на взаимной любви женщины и мужчины, поощряет и поддерживает их» [14, с. 196–197]. Между тем в Советском Союзе крайне редко заключались браки

советских граждан с представителями этносов из других стран.

Советские социологи, изучая межнациональные семьи, пришли к выводу, что межнациональный брак обладает такой особенностью, как прочность. Главный фактор, определяющий прочность такого брака, состоит в том, что вступающие в него взвешивали все «за» и «против», т.е. вступают с большей социальной ответственностью.

Обобщив результаты многих социологических следований, А.Г. Харчев выделил ряд тенденций развития межнациональных браков и семей:

- в городах и регионах с этнически смешанным населением доля межнациональных семей достигает 50 % от общего числа семей;
- в брачной структуре населения преобладают браки между представителями близких по культуре и языку наций;
- но наблюдается рост числа браков, в которых супруги принадлежат к различным историческим национально-культурным традициям;
- количество разводов в межнациональных браках примерно такое же, как и в этнически смешанных семьях;
- чаще всего межнациональные браки двуязычны.

В советском обществе для межнациональных браков и семей были характерны следующие особенности:

- вопрос о принадлежности детей к той или иной национальности решался либо самими детьми при получении ими паспорта, либо, в случае необходимости, по национальности матери, либо по национальности того родителя, который принадлежит к коренному этносу;
- в этнически смешанных браках выходцы из европейской части СССР предпочитали европейскую форму организации быта;
- в этнически смешанных браках невестка часто была объектом навязывания ей воли родителей мужа, поскольку они часто были недовольны выбором сына. Более остро это проявляется в семьях, где представитель народов Средней Азии женится на русской [14, с. 197–198].

Таким образом, в стране межнациональные браки стали нормой семейных отношений, а межнациональные семьи были вполне закономерным явлением при формировании новой исторической общности «советский народ», и считалось, что их количество будет расти.

В постсоветское время в российском обществе складывается новая социальная реальность, кото-

рая отразилась и на межнациональной семье. В стране изменился политический и социально-экономический строй, резко снизился уровень жизни населения. Бывшие советские республики заявили о своем суверенитете. В сознании большинства советских граждан утверждались идеи национальной обособленности, усилилось стремление к возрождению национальных традиционных ценностей, культуры. На фоне процесса этнической самоидентификации этносов в стране обострились межнациональные отношения, происходили серьезные межэтнические конфликты. Вследствие проводимой новыми суверенными государствами политики стягивания этносов на свою родину распались многие межнациональные браки и семьи. К 1994 г. доля межнациональных семей в семейной структуре общества сократилась до 11,5 % [11, с. 10–11].

Но в последние годы наблюдается повышение интереса россиян к межнациональным бракам, увеличивается количество межнациональных семей, в них проживает примерно четверть населения РФ, но их положение в обществе отличается от их положения в СССР. Следует подчеркнуть, что их состояние и проблемы пока не стали предметом внимания социологов.

По мнению западных исследователей, рост количества этнически смешанных браков и, соответственно, межнациональных семей в современном обществе является одним из результатов произошедших перемен не только в отдельных странах, но и в мире в целом.

Во-первых, существенно изменилось само общество, что проявляется в появлении более сложных форм взаимосвязей и взаимоотношений. Усложнился не только социальный, но и этнический состав населения. Современные страны, как правило, полиэтничны, в них проживают люди, принадлежащие к разным национальностям, разным вероисповеданиям. Этнические общности являются носителями определенной материальной и духовной культуры, представляет хорошо отлаженные функциональные организмы. Все чаще на первый план выходят национальные интересы и отношения, в которых проявляются как позитивные, так и негативные тенденции развития современного общества. Всплески активизации национального самосознания, сопровождающиеся конфликтами на национальной почве, характерны и для многих развитых стран, таких как Канада, Франция, Испания и др.

Многонациональной является и Российская Федерация. Так, еще в Российской империи пер-

вой Всероссийской переписью населения были зафиксированы данные о распределении населения по родному языку и по вероисповеданию, что позволяет говорить о ее многонациональном составе. В постсоветской России в 2002 г. уже отмечено 182 этнических образования, а через восемь лет (в 2010 г.) уже 193. В большинстве своем это этносы, для которых Россия — главное место их проживания, но выделяются значительные группы представителей этносов из ближнего (4,2 %) и дальнего (0,7 %) зарубежья [1].

Полиэтничность населения проявляется не только на уровне страны, но и на региональном уровне. Пермский край — один из самых крупных полиэтничных субъектов Российской Федерации, где проживает более 126 национальностей. Здесь живут рядом как представители коренных финно-угорских, тюркских и других народов, разнообразных по национальности и религиозной принадлежности, так и тех, которые прибыли в край сравнительно недавно. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Пермском крае проживают иностранцы, имеющие гражданство других стран: граждане стран Азии (377 чел.), Европы (245 чел.), Африки (136 чел.) и Америки (12 чел.) [9].

Этническая структура региона по своим характеристикам воспроизводит ситуацию на общероссийском уровне. В целях гармонизации отношений между различными этносами в Пермском крае разработаны специальные программы по созданию благоприятных условий для проживания разных народов, по воспитанию у населения толерантности.

Таким образом полиэтничность государства, сложные этнические структуры на региональных уровнях выступают объективным основанием для образования межнациональных браков и семей.

Во-вторых, современное общество характеризуется бурным развитием миграционных процессов, влияющих на этническую структуру населения и межнациональную брачность. Распад Советского Союза стал катализатором миграционного движения в постсоветском пространстве.

Так, желание вернуться на свою историческую родину привело к оттоку из Пермского края в период с 2002 по 2010 г. украинцев, их стало меньше на 37,3 %, заметно меньше оказалось немцев и белорусов (на 38,2 % и 40 % соответственно) [9]. Рост иммигрантов из этих стран наблюдается и в настоящее время. Становятся более разнообразными миграционные потоки: это беженцы, нелегальные мигранты и т.п. Обосновавшись в Рос-

сии, мигранты пополняют не только рабочий, но и брачный рынок. Изучая внешнюю и внутреннюю миграцию, демографы пришли к выводу, что с ростом подвижности населения расширяются брачный рынок и предложения выбора будущего супруга [см.: 14, с. 196–199]. В настоящее время миграция оказывает существенное влияние на демографическую ситуацию в территориях, приводит к изменению многих демографических показателей, в т.ч. и показателей брачности.

В-третьих, в мире сложился международный рынок труда. Для развитых стран характерно сокращение доли собственного трудоспособного населения, что и побуждает местные власти восполнить дефицит трудовых ресурсов мигрантами. Наличие открытых границ, желание найти более высокооплачиваемую работу побуждает население к миграции. В принимающих странах мигранты превратились в выгодную рабочую силу. Например, в Пермском крае в течение нескольких лет наблюдается тенденция к увеличению использования иностранной рабочей силы. Так, в 2000 г. привлекалось 2,6 тыс. иностранных рабочих, в т.ч. в рамках квоты — 294 чел.; в 2005 г. — уже 3,5 тыс. чел., в рамках квоты в 1,1 тыс. чел. (т.е. в 3,5 раза больше), причем 70 % из них трудятся в г. Перми [12, с. 60–61]. В 2015 г. по данным УФМС официальное разрешение на трудовую деятельность получили уже 18 тыс. иностранных рабочих, из них только 1939 чел. — в рамках квоты. Большую часть трудовых мигрантов составляют выходцы из Турции и Китая, немногим меньше — из бывших социалистических стран (Сербии и Черногории). Быстрыми темпами в крае увеличивается численность узбеков (с 2 тыс. до 4,2 тыс. чел), таджиков (с 2 тыс. чел. до 3,4 тыс.), в пять раз выросла численность киргизов и достигла 1 тыс. человек, на 500 чел. возросла численность армян [9]. Основную часть приезжих составляют люди молодого и трудоспособного возраста, готовые и к новым брачно-семейным отношениям.

В-четвертых, в стране появились и активно работают международные брачные агентства, объявившие своей главной задачей подбор брачного партнера с целью создания семьи. Только в Москве действует около сотни таких агентств. Ежегодно в Москве заключается около 50 тыс. этнически смешанных браков. Статистика показывает, что каждая четвертая москвичка выходит замуж за представителей народов Кавказа и каждый четвертый брак является межнациональным. Правда, исследователи подчеркивают, что поло-

вина таких браков — фиктивные, но другая половина — это браки, заключенные по любви.

Одним из факторов, влияющих на процесс брачности, является соседство. В настоящее время круг тех, кого объединяет это понятие, включает и иностранных граждан. В российских вузах обучаются иностранные студенты, российские юноши и девушки получают образование в зарубежных вузах. Во многих европейских странах разработаны и реализуются разнообразные программы профессиональных стажировок, по привлечению молодых специалистов, молодежного культурного обмена и др. Все это увеличивает возможность встречи с иностранным партнером и создания этнически смешанной семьи.

Кроме этого, созданию межнациональных семей способствует и Интернет, где множество сайтов предлагают знакомство с иностранцами, в том числе и для создания брака.

В настоящее время в России наметилась тенденция увеличения числа браков, заключаемых россиянами с представителями дальнего зарубежья: русско-турецкие, российско-германские и российско-американские браки.

Все популярнее в нашей стране становится русско-китайская модель семьи, которую исследователи отмечают как одну из новых и перспективных в плане развития семьи. Особенно быстрыми темпами растет число этих семей в Приморье. Исследования и статистика показывают, что чаще всего женами китайских мигрантов становятся женщины, преодолевшие порог тридцатилетия и, как правило, для них это повторный брак. Женщин привлекают работающие, придерживающиеся традиционных норм морали китайцы. Китаец, видя деформацию половой структуры населения Китая и оценив свои перспективы, также получает возможность реализовать свои интересы: эмигрировать в страну с более высоким уровнем жизни, с широкими возможностями для предпринимательства и торговли. На брачном рынке Приморского края у мужчин китайцев больше преимуществ по сравнению с русскими мужчинами. Последние часто злоупотребляют спиртным, отказываются от традиционных семейных ролей и все чаще выполняют в семье роль «ребенка» [7].

Подмечено специалистами, что наличие в русско-китайских отношениях хорошего набора позитивных взаимных установок помогает разрешать многие семейные конфликты, вызванные национальными различиями членов русско-китайских семей.

Изучая современные межнациональные семьи, исследователи выделяют две тенденции в изменении модели межнациональной семьи: с одной стороны, это сохранение национальной идентичности, соответствие патриархальной модели семьи традиционной, например, для кавказцев; с другой — постепенный отказ от культурных различий, «размытие границ», проникновение культуры преобладающего этноса в культуру этнических меньшинств и, как следствие, формирование нового типа семьи с отказом от национальных семейных традиций и культурных ценностей как чего-то архаичного и отжившего. Открытые государственные границы способствуют появлению качественно новых моделей межнациональных семей, которые приобретают не менее важную роль в процессе этнического взаимодействия.

Проблемы функционирования этнически смешанных браков обусловлены тем, что в них могут соединяться люди, принадлежащие к противоположным культурам, разным конфессиям, подчиняющиеся разным обычаям и традициям и т.п. Семейное взаимодействие в межнациональных браках осложняется тем, что у супругов разные взгляды на воспитание детей, неодинаковые представления о семейном образе жизни и распределении ролей в семье. У них нет общей точки зрения на характер отношений родителей и детей, в частности матери и детей, особенно мальчиков с матерью. Внутрисемейные отношения осложняются из-за разных систем ценностей супругов, языкового барьера. Особую остроту в межнациональной семье приобретает проблема этнической самоидентификации детей. По мнению специалистов, все выше перечисленное провоцирует конфликты в семье, а смешанные браки могут быть удачными в том случае, если супруги сумеют решить вопросы относительно различного менталитета и воспитания.

Фактором, влияющим на межнациональные браки, является отношение к ним людей. В этом плане можно отметить исследование, проведенное ВЦИОМ в июле 2010 г. в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках РФ. Было опрошено 1600 респондентов. Полученные данные сравнили с данными аналогичного опроса, который проводился в 2002 г. [10]. Результаты обоих исследований показали, что россияне склонны одобрить вступление в брак своего близкого родственника (родственницы) или иного члена семьи с представителями славянских или европейских национальностей. Скорее отторже-

ние вызывает гипотетический брак с кавказцами или арабами.

Спокойно наши сограждане воспринимают брак русской с украинцем или белорусом (45 %), европейцем — немцем, англичанином или французом (44 %), а также прибалтом — латышом, литовцем или эстонцем (43 %) — и американцем (41 %). В наибольшей степени негативно воспринимают россияне браки с чеченцами (65 %), арабами (63 %), народами Средней Азии — казахами, таджиками, киргизами или узбеками (60 %). Неприятие вызывают и союзы с грузинами, армянами и азербайджанцами (54 %), а также с евреями (46 %).

Неодобрение у россиян вызывает браки людей с различной религиозной принадлежностью: почти половина опрошенных (48 %) относится к этому негативно [10].

Исследование межнациональных семей позволило выделить некоторые особенности их функционирования. В настоящее время русские женщины чаще заключают браки с представителями кавказских народов, а также наблюдается увеличение числа транснациональных браков, в которых состоят партнеры, являющиеся носителями культуры Севера, Юга, Запада, Востока. Большинство супругов имеет самые общие представления о культуре другого, но предпринимает усилия по передаче национальных культур детям. В современных межнациональных семьях можно встретить разные варианты семейного уклада, который может быть основан либо на традициях и обычаях одного из супругов, либо сочетать отдельные элементы культуры каждого из супругов. Интересен для исследователей третий вариант, когда семейный уклад этнически смешанной семьи определяется обычаями и традициями коренного этноса, на территории которого функционирует изучаемая семья. Межнациональный брак — это микросреда, в которой переплетаются различные этносоциальные интересы, которые могут перерасти в столкновение национальных культур и закончиться серьезным конфликтом, т.к. известно, что примерно пятая часть россиян испытывает определенную неприязнь по отношению к себе со стороны брачного партнера и его родни из-за культурных различий [13].

На уровне отдельных регионов обозначенные особенности приобретают определенную специфику, без понимания которой трудно оценить то общее, что характерно для страны в целом.

Интенсификация этнических процессов, наблюдаемых в Пермском крае, способствует ро-

сту числа межнациональных семей не только в крае, но и в Перми.

Данные статистики позволяют проанализировать структуру межнациональной брачности в Перми. По данным комитета ЗАГС Пермского края в 2013 г. браки жителей Перми с иностранными гражданами составляли 2,2 % от общего числа заключенных браков, а через два года их доля составила 4,5 % [2]. В брачной структуре города лидерами являются браки пермячек с представителями таджикского этноса (17 % от общего числа браков, заключенных с иностранцами). Среди доминирующих национальностей также представлены киргизы (15 %), азербайджанцы (14 %), армяне (11 %), украинцы (10 %), узбеки (8 %). Значительно реже русские, проживающие в Перми, вступают в брак с казахами (4 %) и молдаванами (3 %), а также немцами (2 %) и белорусами (2 %) [5].

Таким образом, в брачной структуре населения численно преобладают браки россиянок с представителями этносов бывших союзных республик, браки с представителями дальнего зарубежья редки. Однако в реальности межнациональных браков, а значит, и семей, значительно больше, поскольку данные статистики учитывают только официальные браки с иностранными гражданами, специальный учет фактических браков не ведется.

Исследователи этнически смешанных семей рассматривают их в качестве индикатора межнациональных отношений в регионе: межнациональные семьи могут выступать как стабилизатором, так и дестабилизатором межэтнических отношений.

Анализ семейного взаимодействия позволяет понять природу межнациональной семьи. Этнически смешанные семьи представляют собой микромир межэтнического взаимодействия, т.е. позволяют рассматривать проблемы взаимодействия этничностей на микроуровне.

Интересные результаты были получены студенткой А.Ч., которая при подготовке выпускной квалификационной работы провела социологическое исследование по изучению внутрисемейного взаимодействия в межнациональной семье. Ею были проведены интервью в двенадцати межнациональных семьях, представленных русско-татарскими, русско-армянскими, русско-сербскими и русско-эстонскими семьями.

Анализ полученных результатов позволил выявить *четыре основные стратегии*, используемые в рамках внутрисемейного взаимодействия

— они включают как этнические особенности отношений между супругами, так и установки на формирование определенного этнического самосознания у детей. В целом каждая из стратегий может описывать и особенности взаимодействия мононациональной семьи. Но в своем исследовании автор останавливается конкретно на тех явлениях опыта, которые связаны с различиями в национальной принадлежности членов семьи. Стоит сказать, что в рамках одной семьи можно наблюдать приверженность не только какой-то одной конкретной стратегии, но и нескольким, и выбор будет зависеть от конкретного случая.

1. Отказ от обеих идентичностей

В рамках этой стратегии члены семьи не воспринимают свое взаимодействие через призму национальной специфики. Особенности той или иной национальности не имеют особого значения ни для того, ни для другого.

«Да нет, неважно, вообще не важно, какой ты национальности. Как вот у меня Р. говорит, я татарка, мне неважно, чтобы у меня татарин муж был. Главное, чтобы человек хороший был... когда семья образуется, вы не то, чтобы детей рождаете, а мыслите как одно, и это не то, чтобы просто сумма двух людей, а нечто третье, рождаете что-то новое, и это большая сила».

2. Мирное сосуществование идентичностей.

Каждый из членов семьи не отказывается от своих национальных особенностей, но принимает и уважает особенности другого, никак не препятствуя ему в осуществлении его линии поведения.

«Ну, у нас ни конкретно национальное имя у детей. Ни то, ни другое, там вообще какие-то древнееврейские корни. А насчет национальностей, сейчас с мужем смеемся, когда дети еще появятся, надо будет одну так, а другую так назвать, чтоб поровну было».

«Вот, что у нас межнациональная семья, у нас все хорошо, у нас лично, мне кажется, нам не мешает эта разница. Ну, мы развиваемся, и как бы больше что ли становимся внутреннее, благодаря этому».

3. Стремление переделать друг друга.

Эта стратегия направлена на то, чтобы отстоять те нормы, ценности, поведенческие образцы, которые приняты и усвоены в культурах, в которых воспитаны члены семьи. Конфликты, возникающие в результате столкновения разных установок, в итоге не разрешаются конструктивным спосо-

бом: либо заканчиваются ссорой, ведущей к разладу в семье, либо переходят в латентную стадию — такие споры возобновляются вновь и вновь, так как супруги не пытаются найти точки соприкосновения.

«У него семья очень зациклена на деньгах, как и у всех татар. У него сестра 5 лет назад вышла замуж, у нее там максимум 5–10 человек было. Я такую свадьбу не хотела. Я один раз замуж планирую выходить, мне такую свадьбу не надо. Нет, говорит, будет так, как я сказал. Я говорю, что не собираюсь делать так, как ты хочешь. Мне такую свадьбу не надо. У нас, когда был никак, на меня половина родственников обиделась, они думали, что это была свадьба, мы их тоже не пригласили, дорого всем оплачивать приезд. Я, конечно, сама не горела особо желанием их видеть, но так заведено и я так сделаю. И гостей будет столько, сколько я захочу. Когда дело подходило к свадьбе, он все равно настаивал на своем, а я на своем. В итоге, он мне дал столько, сколько хотел. Я-то знала, что мне еще родители дадут, родственники, еще подарят сколько-то. Так что успокоилась».

4. Одна идентичность подавляет другую.

Учитывается национальная специфика только одного из супругов. В этих рамках и проходит семейное взаимодействие, один из супругов может в корне изменить привычное поведение, дети — по большей части — воспитываются в культуре одной из национальностей, знакомясь со второй лишь отчасти.

«Жена не очень пока знает язык, но она старается. Мне кажется, что она должна знать хорошо этот язык, учитывая, что я на нем говорю. Высока вероятность, что мы вернемся в Эстонию. Дети маленькие еще, говорят на русском, потому что с мамой постоянно, но эстонский тоже понимают хорошо. Я думаю, что мы будем усиливать их обучение эстонскому языку, потому что это язык отца, мой язык. Так и должно быть».

Адаптация в родительских семьях также имеет свою национальную специфику и может принимать три формы: принятие, борьба и отказ от общения.

1. Принятие.

«Что касается моих родителей, мама против него никогда не была. Она мне сразу сказала тогда: “Кого полюбишь, с тем и живи, с кем ты захочешь, лишь бы все нормально у вас было”. Она и

сейчас нормально относится, если мы в мечеть поедем, если я платок надену».

2. Борьба.

«Вот и его родители тоже, они вроде бы через шутки какие-то, я приду к ним в гости, они сразу, ой, Д. пришла, надо татарский канал скорее включать, типа, чтобы я сидела и училась этому, вот. Или допустим, а у меня мама-то татарка тоже, разговаривает на татарском языке. Наши мамы между собой общаются, допустим, на татарском, и она говорит, свекровь получается: “Д.-то на самом деле у тебя ушлая, уши-то у нее дырявые, делает вид, что ничего не понимает, на самом-то деле, она все понимает, мы ее под себя переделаем”, есть вот такое».

3. Уход от общения.

«А еще... Мы когда сказали, что мы хотим делать никак, он пришел ко мне домой, сделал предложение перед родителями, у меня родители на седьмом небе от счастья. А когда мы пришли к нему домой, сказать, ты знаешь, какая реакция была? Родители просто не поддержали этого. Он сидит, я понимаю, что еще чуть-чуть и он заплачет. И мама такая, ой, не знаю даже, ну, мы не пойдём, ну, папа-то точно не пойдет, ну, я зайду, может быть. Вот так. Я просто сижу и понимаю, что я просто сейчас тоже от этих слов разревусь. У него еще такой момент был в жизни, ни копейки денег, волосы обросли, а у нас через два дня никак уже, мы не знаем, что делать. Они ни копейкой нам не помогли, все делала моя мама. Они не пришли нам помочь даже там салатов нарезать».

«Я даже не приезжаю на такие большие праздники к ним. Они всегда, когда празднуют, пиво берут. Это слишком большая проблема. Человек, который вяжется со спиртным — грешник. Ангелы его проклинают, я в это верю... Для них странно, когда не пьет человек, они смеяться начинают, не уважаешь, ну вы знаете как это. А я с детства по-другому воспитан, по другим правилам».

Стабильность в семье зависит от того, какие стратегии взаимодействия преобладают. Разумеется, полностью искоренить конфликтные ситуации, возникающие на фоне столкновения идентичностей, невозможно, но гармоничное сочетание стратегий позволяет удержать баланс между собственными интересами и интересами других членов семьи.

Подводя итоги, следует отметить, что в этнически смешанных семьях России и Пермского края наблюдаются общие проблемы, нерешенность которых может привести к серьезным конфликтам. Среди них следует отметить наличие культурных столкновений, различие обычаев и традиций, принадлежность к разным конфессиям, особенности ведения домашнего хозяйства, специфику отношений с родителями и другими родственниками и т.п. Но тем не менее следует признать, что межнациональный брак и межнациональная семья — это новая реальность, требующая более глубокого изучения.

Список литературы

1. *Богоявленский Д.* Перепись 2010: этнический срез. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=193983> (дата обращения: 29.11.2015).
2. *Жительницы* столицы Прикамья стали чаще выходить замуж за иностранных граждан. URL: <http://runews24.ru/russia/perm> (дата обращения: 21.01.2016).
3. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М.: Статистика России, 2004. Т. 4. 574 с.
4. *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1959 г. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1. 389 с.
5. *Комитет* ЗАГС Пермского края. URL: http://zags.permkrai.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=48&Itemid=105 (дата обращения: 01.05.2014).
6. *Лифанов М.* О быте при коммунизме // За коммунистический быт. Л., 1963. 331 с.
7. *Маховская О.* Межкультурные браки и модели семейных отношений. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=18&id=26755 (дата обращения: 27.04.2014).
8. *Население СССР.* По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.
9. *О национальном* составе населения Пермского края. URL: <http://www.permstat.gks.ru/default.aspx> (дата обращения: 29.11.2015).
10. *Пресс-выпуск № 1569.* Россияне о межнациональных браках // ВЦИОМ. 2010. 27. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2010/08/d19632/> (дата обращения: 02.10.2015).
11. *Состояние* в браке и рождаемость в России по данным микропереписи населения 1994 г. М.: Госкомиздат России, 1995. 243 с.
12. *Статистический* ежегодник Пермского края. 2012: стат. сб. Пермь, 2012. 442 с.
13. *Трифонова Т.Л.* Особенности взаимоотношений в современной межнациональной семье // Материалы III Всероссийского социологического конгресса (21–24 октября 2008 г.). URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209015453.pdf (дата обращения: 29.11.2015).
14. *Харчев А.Г.* Социология семьи: проблемы становления науки. М.: ЦСП, 2003. 342 с.

Получено 01.12.2015

References

1. Bogoyavlenskij D. *Perepis' 2010: etnicheskij srez* [Census 2010: ethnic approach]. Available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=193983> (accessed 29.11.2015). (In Russian).
2. *Zhitel'nitsy stolitsy Prikam'ya stali chasche vyhodit' zamuzh za inostrannyh grazhdan* [The Kama River area's capital citizens are marrying foreign citizens more often than earlier]. Available at: <http://runews24.ru/russia/perm> (accessed 2016). (In Russian).
3. *Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002: v 14 t.* [Results of All-Russia census 2002: in 14 vol.]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2004, vol. 4, 574 p. (In Russian).
4. *Itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1959* [Results of All-Soviet Union census 1959]. Moscow, Gospolitizdat, 1962, vol. 1, 389 p. (In Russian).
5. *Komitet ZAGS Permskogo kraya* [Perm Krai Registry Office committee]. Available at: http://zags.permkrai.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=48&Itemid=105 (accessed 01.05.2014). (In Russian).
6. Lifanov M. [On life under comunism]. *Za kommunisticheskij byt* [For communist way of life]. Leningrad, 1963, 331 p. (In Russian).
7. Mahovskaya O. *Mezhkul'turnye braki i modeli semejnyh othoshenij* [Intercultural marriages and models of family relationship]. Available at: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=18&id=26755 (accessed 27.04.14). (In Russian).
8. *Naselenie SSSR. Po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989* [USSR population. Based on All-Soviet Union census 1989]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1990, 45 p. (In Russian).
9. *O natsional'nom sostave Permskogo kraya* [On ethnic structure of Perm Krai]. Available at: <http://www.permstat.gks.ru/default.aspx> (accessed 29.11.2015). (In Russian).
10. [Russians about international marriages]. *Press-vypusk no 1569. VTSIOM* [Press-issue no 1569, All-Russia Public Opinion Research Center]. 2010. No 27. Available at: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/>

- 2010/08/d19632/ (accessed 02.10.2015). (In Russian).
11. *Sostoyanie v brake i rozhdaemmost' v Rossii po dannym mikroperepisi naseleniya 1994* [Marriage status and birth rate in Russia based on microcensus 1994]. Moscow, Goskomizdat Rossii, 1995, 24 p. (In Russian).
 12. *Statisticheskij ezhegodnik Permskogo kraja* [Perm Krai statistic annual]. 2012. 442 p. (In Russian).
 13. Trifonova T.L. *Osobennosti vzaimootnoshenij v sovremennoj mezhnatsional'noj sem'e* [Features of relationship in modern international family]. Available at: http://www.isras.ru/abstract_bank/1209015453.pdf (accessed 29.11.2005). (In Russian).
 14. Harchev A.G. *Sotsiologiya sem'i: problemy stanovleniya nauki* [Sociology of family: problems of establishment]. Moscow: TSSP Publ., 2003, 342 p. (In Russian).
- The date of the manuscript receipt 01.12.2015*

Об авторах

Хачатрян Людмила Александровна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: hachatryan@psu.ru

Чадова Анна Андреевна

магистрант направления «Социология»
философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: anna.chadova.1993@mail.ru

About the authors

Hachatryan Ludmila Alexandrovna

PhD. in History, Docent, Associate Professor
of Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: hachatryan@psu.ru

Chadova Anna Andreevna

Postgraduate Student of the «Sociology» Program,
Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: anna.chadova.1993@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Хачатрян Л.А., Чадова А.А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 127–135.

Please cite this article in English as:

Hachatryan L.A., Chadova A.A. Multiethnic family in modern Russian society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 127–135.

УДК 316.654

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2010–2015 гг.

Каминский Вадим Сергеевич

Институт социально-экономического развития территорий РАН

Социальное самочувствие является субъективным индикатором качества жизни населения и эффективности государственного управления. Существует множество методик его измерения, которые можно разбить на две группы: авторские и методики организаций (ФОРГО, ВЦИОМ, ЦИСИ ИФ РАН).

В Вологодской области измерение социального самочувствия по методике ЦИСИ ИФ РАН осуществляется с 2008 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН. Данная методика позволяет фиксировать три базовые составляющие социального самочувствия: степень защищённости от различных опасностей, удовлетворённость жизнью и оптимизм в отношении настоящего и будущего. При этом мониторинговый режим и межрегиональный характер исследования позволяют оперативно диагностировать изменения в настроениях населения, в том числе в региональном разрезе и разрезе социальных групп.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы:

– За период с 2010 по 2015 г. существенно выросла удовлетворённость населения своей жизнью, в то же время уровень социального оптимизма и защищённости от различных угроз стал ниже.

– Самый низкий уровень социального оптимизма и удовлетворённости жизнью в 2015 г. отмечается среди наименее обеспеченных жителей области, лиц, имеющих низкий уровень образования, а также среди жителей районов. В то же время минимальное значение индекса защищённости от различных угроз зафиксировано в группе наиболее обеспеченных. В этой же категории в 2010–2015 гг. наблюдается самое существенное снижение коэффициента защищённости и социального оптимизма. Таким образом, на настроение населения влияет не только материальное положение, но и ожидания изменения макроэкономических условий, уровня жизни, социального статуса, политической ситуации и т.д.

Ключевые слова: методология; социокультурный портрет региона; мониторинг общественного мнения; индекс социального самочувствия; коэффициент защищённости; коэффициент удовлетворённости жизнью; коэффициент социального оптимизма.

THE SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION OF THE VOLOGDA REGION IN 2010–2015

Vadim S. Kaminskiy

Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences

The social well-being is a subjective indicator of the quality of life of the population and the efficiency of public administration. There are many methods of well-being measurement, which can be divided into two groups: author's and organizations' (CSDF, WCIOM, CSSCC IP RAS).

The measurement of social well-being in the Vologda region is carried out by ISEDT RAS since 2008 with the method of CSSCC IP RAS. This method allows to record the three basic components of social well-being: safety from various dangers, life satisfaction and optimism concerning the present and the future. Monitoring mode and inter-regional nature of the study allows to diagnose changes in the moods of the population, including in the regional context and the context of social groups.

The research allows to draw the following conclusions:

– Between 2010 and 2015 life satisfaction significantly increased, at the same time, the level of social optimism and safety from various dangers decreased.

– In 2015 the lowest level of social optimism and life satisfaction was fixed among the poorest residents of the region, persons with low levels of education and among the residents of municipalities. At the same time, the minimum value of the index of security from various threats was fixed among the wealthiest group. In 2010–2015 the same category demonstrated the most significant decline in the coefficient of security and social optimism. Thus, public moods are influenced not only by the current financial situation, but also by the forecasts on macro-economic conditions, living standards, social status, political situation, etc.

Key words: methodology; socio-cultural portrait of the region; monitoring of public opinion; the index of social well-being; the coefficient of security; the coefficient of life satisfaction; the coefficient of social optimism.

В связи с актуальностью проблемы консолидации российского общества особую важность приобретают вопросы, связанные с изучением субъективного восприятия представителями общества ключевых изменений, происходящих в социально-экономической, политической и культурной жизни [8, с. 80]. Социальное самочувствие населения представляет собой интегральный показатель, отражающий экономические, политические и социальные процессы, происходящие в обществе [15, с. 82].

Оно является субъективным индикатором качества жизни населения. В нём в концентрированном виде отражаются степень адаптации к современной социально-экономической ситуации, ожидания будущего, самооценки успеха, уровень тревожности и пр. [11, с. 425].

Социальное самочувствие можно рассматривать и в качестве индикатора эффективности государственного управления. Оно даёт возможность оценить успешность политического и экономического руководства как на уровне общества в целом, так и в рамках определённого территориального пространства (региона, города) [4].

Первые теоретические работы, посвящённые данному феномену, появились в середине 1980-х гг. Они были выполнены в русле концепции образа жизни [2, 7]. Полагая, что жизненная ситуация индивида должна рассматриваться не только с точки зрения ее объективных параметров, но и с точки зрения ее восприятия и оценки субъектом, исследователи в качестве структурных единиц самочувствия рассматривали эмоции, чувства, настроения индивидов [10, с. 51].

В 1990-е гг. важный вклад в формирование социологического представления о социальном самочувствии внёс Ж.Т. Тощенко. Исследуя социальное настроение, Ж.Т. Тощенко отметил, что оно превратилось в доминирующий фактор, обращение к которому в известной мере становится центральным, решающим при объяснении кардинальных сдвигов в общественной жизни [13, с. 26]. Социальное самочувствие, по мнению учёного, является базовым элементом, первым уровнем социального

настроения, включающим в себя актуальное знание, эмоции, чувства, историческую память и общественное мнение [9].

Л.Е. Петрова рассматривает социальное самочувствие как интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности, субъективного отношения к окружающей действительности; как синдром сознания, отражающий соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта. В его структуре присутствуют как когнитивные, так и аффективные элементы. Социологический подход к изучению социального самочувствия опирается на первый из компонентов [10, с. 51–52].

По мнению В.М. Чугуенко и Е.М. Бобковой, в исследовании социального самочувствия на первый план выходит рефлексивное, основанное на жизненном опыте социально-аксиологическое знание. При этом внимание социолога сосредотачивается на анализе жизненных притязаний, раскрывающихся в ценностных ориентациях, ожиданиях, целях и задачах, которые ставят перед собой люди, и оценке ими своих возможностей в достижении/сохранении желаемого статуса и социальной роли [14, с. 16].

На сегодняшний день нет однозначной операционализации исследуемого понятия через систему индикаторов и показателей [5, с. 89].

Имеющиеся методики измерения социального самочувствия можно разделить на две группы: авторские методики и методики организаций. Рассмотрим несколько примеров.

1. Рейтинг социального самочувствия регионов России. Составляется Фондом развития гражданского общества (ФoРГО) на основе данных опроса «Георейтинг» Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) с 2013 г.

В каждом опросе участвует 56 900 человек из 79 регионов РФ. При рейтинговании регионов применяется шкала оценок от 1 до 100 баллов. В зависимости от набранного балла регион попадает в одну из 4 групп. В качестве базовых критериев разбивки регионов на группы использовались результаты ответов респондентов на четыре вопроса

о социально-политической ситуации в регионе и потенциале протеста. В качестве вспомогательных критериев для распределения регионов внутри групп использовались результаты ответов респондентов на четыре вопроса о личном материальном положении и о наличии проблем, вызывающих желание принять участие в акциях протеста [12].

2. Индекс социального самочувствия, измеряемый Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Строится на основе 6 частных индексов: удовлетворённость жизнью, социальный оптимизм, материальное положение, экономическое положение страны, политическая обстановка, общий вектор развития страны.

Эмпирической базой для расчёта индексов служат данные ежемесячных экспресс-опросов, проводимых ВЦИОМ по репрезентативной общероссийской выборке в 130 населённых пунктах, расположенных в 42 субъектах РФ. Количество респондентов — 1600 человек.

Частные индексы по каждому из рассматриваемых индикаторов рассчитываются как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок. Значение индекса выше 0 свидетельствует о преобладании в обществе позитивных суждений и наоборот [6].

3. Региональный индекс потребительских настроений (РИПН) в рамках проекта «Волгоградский Омнибус». Социальное самочувствие отражается в значениях нескольких индексов: индекса межрегиональных сравнений, положения семьи, ожиданий, покупательской активности, индивидуального оптимизма, краткосрочного и долгосрочного социального оптимизма.

Их значения измеряются в диапазоне от 0 до 200. Значение индекса ниже 100 означает преобладание в обществе негативных оценок, выше 100 — позитивных [5, с. 90].

4. Измерительный индекс социального самочувствия (ИИСС-44). Авторами методики являются украинские исследователи Е.И. Головаха, Н.В. Панина, А.П. Горбачик. В данном индексе отражены практически все сферы жизнедеятельности личности, подлежащие самооценке респондентами: материальное благополучие, личная безопасность, политические условия жизнеобеспечения, межличностные отношения, самооценка своего образования и способностей, состояние физического и психического здоровья, обеспеченность жизненно необходимыми и престижными товарами, уверенность в своих силах и в своём будущем. Задаётся один вопрос: «Чего из перечисленного ниже Вам не хватает?» и предлагаются 44 пункта.

При вычислении суммарного индекса социального самочувствия первой кодовой позиции («не хватает») по каждому из индикаторов присваивается значение 1 балл, второй позиции («трудно сказать, не интересуется») 2 балла, третьей («хватает») 3 балла. Таким образом, значение индекса социального самочувствия варьируется от 44 до 132. Значения выше 88 баллов могут интерпретироваться как положительное социальное самочувствие с той или иной степенью выраженности, а ниже 88 баллов — как отрицательное [3, с. 59].

5. Центром изучения социокультурных изменений Института философии (ЦИСИ ИФ) РАН была разработана методика «Социокультурный портрет региона». Мониторинг общественного мнения, проводящийся по этой методике, даёт широкий срез информации о субъективном восприятии населением качества окружающей среды, своего здоровья, состояния социокультурной среды, трудовой активности, а также социального самочувствия. В данную методику входит индекс социального самочувствия (ИСС) (разработан доктором философских наук Н.И. Лапиным), позволяющий фиксировать три его базовые составляющие:

– Степень защищённости жителей региона от основных социальных опасностей (коэффициент защищённости — Кз). Индикатором являются ответы на вопрос «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищённым от различных опасностей?», в котором содержится перечень 10 опасных проблем (табл. 1). Определяется как среднее значение защищённости от них населения (в диапазоне от 0, когда всё население считает себя незащищённым, до 1 — всё население считает себя полностью защищённым от всех видов угроз).

– Степень удовлетворённости своей жизнью в целом (коэффициент удовлетворённости — Ку). Измеряется исходя из ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?»

– Степень социального оптимизма (коэффициент социального оптимизма — Ко). Определяется на основе 3 вопросов: уверенность в своём будущем — Ко(1), сравнение уровня жизни с прошлым годом — Ко(2), ожидания в ближайшем году — Ко(3). Коэффициент социального оптимизма определяется как среднее трёх частных коэффициентов: $Co = Co(1) + Co(2) + Co(3) / 3$.

Каждый коэффициент вычисляется на основе интервью, в котором респондент выражает степень своего согласия/несогласия с предлагаемыми ответами по 5-балльной шкале: от определённо позитивного (балл 5) до чётко негативного (балл 1). Итоговое количественное значение ответа определяется как взвешенная средняя арифметическая:

каждый балл умножается на число (или процент) респондентов, поставивших такой балл; произведения суммируются и усредняются (сумма делится на число баллов (5) и на общее число ответивших (или на % от числа опрошенных).

Все три коэффициента принимаются как равнозначные; в целом ИСС рассчитывается как средняя от их суммы: $ИСС = (Kз + Kу + Kо) / 3$.

Согласно Н.И. Лапину, сигналами состояния социального самочувствия, минимально достаточного для устойчивости сообщества, можно считать значения ИСС в диапазоне от 0,51 и выше, а недостаточного — от 0,5 и ниже [11, с. 426].

Таблица 1. Методика измерения индекса социального самочувствия

Составляющая индекса	Вопросы	Варианты ответа
1. Коэффициент защищённости (Кз)	Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищённым от различных опасностей (преступность, произвол чиновников, бедность, экологическая угроза, произвол правоохранительных органов, одиночество и заброшенность, преследования за политические убеждения, притеснения из-за возраста или пола, притеснения за религиозные убеждения, ущемление из-за национальности)?	1. Защищён (а). 2. Пожалуй, защищён (а). 3. Трудно сказать. 4. Пожалуй, не защищён (а). 5. Совсем не защищён (а).
2. Коэффициент удовлетворённости жизнью (Ку)	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	1. Удовлетворён (а). 2. Скорее, удовлетворён (а). 3. Затрудняюсь ответить. 4. Скорее не удовлетворён (а). 5. Не удовлетворён (а).
3. Коэффициент социального оптимизма (Ко)		
Коэффициент Ко1 (стратегический оптимизм)	Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своём будущем?	1. Вполне уверен(а). 2. Скорее уверен(а), чем нет. 3. Затрудняюсь ответить. 4. Скорее не уверен(а), чем уверен. 5. Совершенно не уверен(а).
Коэффициент Ко2 (лучше или хуже стали жить)	Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?	1. Стали жить намного лучше. 2. Стали жить несколько лучше. 3. Ничего не изменилось. 4. Стали жить несколько хуже. 5. Стали жить намного хуже. 6. Затрудняюсь ответить.
Коэффициент Ко3 (тактический оптимизм)	Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?	1. Будем жить значительно лучше. 2. Будем жить несколько лучше. 3. Ничего не изменится. 4. Будем жить несколько хуже. 5. Будем жить значительно хуже. 6. Затрудняюсь ответить.

Источник: данные мониторинга «Социокультурный портрет региона».

Исследования по этой методике проводятся с 2005 г. в 25 регионах страны; с 2008 г. — в Вологодской области Институтом социально-экономического развития (ИСЭРТ) РАН. Начиная со второй волны социологического опроса, в 2010 г. исследование вступило в мониторинговый режим. Опрос проводился в 2008, 2010, 2012 и 2015 гг. в десяти муниципальных образованиях Вологодской области (в двух городах — Вологде и Череповце и в восьми муниципальных районах). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — интервью. Ошибка выборки не превышает 3 %.

Тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в 2008–2010 гг. были проанализированы в публикации «Социокультурный портрет региона в контексте изменений 2008–2010 гг.» (автор — д-р экон. наук А.А. Шабунова [15]). Исследование, результаты которого представлены в данной статье, было посвящено анализу дальнейшей динамики социального самочувствия (период 2010–2015 гг.).

Интегральный индекс социального самочувствия населения Вологодской области в 2015 г. соответствует уровню 2008 г. — 0,62 (табл. 2), что выше значения, минимально достаточного для устойчивости сообщества (0,51, согласно автору методики Н.И. Лапину) [11, с. 426].

По сравнению с 2010 г. произошёл незначительный рост индекса (с 0,61 до 0,62). Позитивная динамика обусловлена повышением степени удовлетворённости жизнью (с 0,61 до 0,71), в то время как коэффициенты защищённости от опасностей и социального оптимизма снизились (с 0,6 до 0,58 и с 0,61 до 0,57 соответственно).

Однако по сравнению с предыдущим периодом измерений наблюдаются негативные тенденции: ИСС сократился на 0,02 (с 0,64 до 0,62). Это связано с понижением уровня оптимистических настроений в обществе. Автор выявил следующую особенность: стратегический оптимизм (на дальнюю перспективу, Ко1) на протяжении всего периода измерений растёт: с 2008 по 2015 г. вырос на 0,01 — с 0,63 до 0,64. В то же время общая оценка динамики жизни (Ко2) и тактический оптимизм (на ближайший год, Ко3) ухудшаются:

Ко2 снизился на 0,14 (с 0,67 до 0,53), Ко3 — на 0,13 (с 0,68 до 0,55).

То есть люди не питают надежд на улучшение своего положения в скором времени, что вполне логично, если учесть экономические трудности в регионе и стране в целом. Несмотря на это, жители области не склонны поддаваться панике и не теряют уверенности в будущем. Данные регулярного мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца, опрашиваются 1500 чел. в десяти муниципальных образованиях Вологодской области) подтверждают высокий запас терпения среди населения Вологодской области. В 2015 г. доля положительных характеристик («всё не так плохо и можно жить», «жить трудно, но можно терпеть») составляла 78 %, отрицательных («терпеть наше бедственное положение уже невозможно») — лишь 15 %.

Мониторинг «Социокультурный портрет региона» даёт возможность проанализировать тенденции социального самочувствия в различных социальных группах.

За период с 2010 по 2015 г. индекс социального самочувствия увеличился в большинстве социальных групп, особенно среди наименее обеспеченных (на 0,03: с 0,54 до 0,57; табл. 3). Однако значение индекса в данной категории жителей региона лишь на 0,07 превышает критический уровень, что является тревожным сигналом.

В двух группах — среди самой высокодоходной категории населения (которым денег хватает почти на всё, но затруднительно приобретение квартиры, дачи) и жителей районов — ИСС уменьшился (с 0,68 до 0,67 и с 0,60 до 0,59 соответственно).

Однако по сравнению с 2012 г. отчётливо наблюдаются негативные тенденции: ИСС уменьшился во всех социальных группах. Самое существенное падение произошло среди наиболее обеспеченного населения (на 0,04: с 0,71 до 0,67).

Минимальное значение индекса социального самочувствия отмечается среди жителей региона, которым денег хватает в лучшем случае на повседневные затраты (0,57); максимальное — среди тех, которым денег хватает практически на всё (0,67).

Таблица 2. Динамика индекса социального самочувствия (и его составляющих) населения Вологодской области

Коэффициент	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2015 г.	Изменение (+ -) 2015 г. к		
					2012 г.	2010 г.	2008 г.
Коэффициент защищённости	0,6	0,6	0,58	0,58	0	-0,02	-0,02
Коэффициент удовлетворённости	0,61	0,61	0,71	0,71	0	+0,1	+0,1
Коэффициент социального оптимизма, в том числе:	0,66	0,61	0,63	0,57	-0,06	-0,04	-0,11
Коэффициент Ко1 (стратегический оптимизм)	0,63	0,63	0,63	0,64	+0,01	+0,01	+0,01
Коэффициент Ко2 (лучше или хуже стали жить)	0,67	0,55	0,61	0,53	-0,08	-0,02	-0,14
Коэффициент Ко3 (тактический оптимизм)	0,68	0,64	0,65	0,55	-0,1	-0,09	-0,13
Индекс социального самочувствия	0,62	0,61	0,64	0,62	-0,02	+0,01	0

Примечание. Рассчитано автором на основе данных мониторинга «Социокультурный портрет региона» ИСЭРТ РАН.

Таблица 3. Индекс социального самочувствия в социальных группах населения Вологодской области

Социальная группа	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2015 г.	Изменение (+ -) 2015 г. к		
					2012 г.	2010 г.	2008 г.
<i>Возраст</i>							
До 30 лет	0,64	0,63	0,66	0,65	-0,01	+0,02	+0,01
30–60 (55) лет	0,63	0,60	0,64	0,62	-0,02	+0,02	-0,01
Старше 60 (55) лет	0,59	0,60	0,62	0,61	-0,01	+0,01	+0,02
<i>Образование</i>							
Без образования, начальное образование, незаконченное среднее, среднее общее	0,59	0,59	0,62	0,59	-0,03	0	0
Начальное специальное, среднее специальное	0,62	0,61	0,64	0,62	-0,02	+0,01	0
Незаконченное высшее, высшее, послевузовское	0,66	0,63	0,66	0,65	-0,01	+0,02	-0,01
<i>Доходные группы</i>							
Денег не хватает на повседневные затраты; на повседневные затраты уходит вся зарплата	0,58	0,54	0,59	0,57	-0,02	+0,03	-0,01
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна; в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	0,64	0,63	0,65	0,64	-0,01	+0,01	0
Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи; практически ни в чём себе не отказываем	0,67	0,68	0,71	0,67	-0,04	-0,01	0
<i>Территории</i>							
Вологда	0,61	0,59	0,65	0,64	-0,01	+0,05	+0,03
Череповец	0,67	0,64	0,68	0,65	-0,03	+0,01	-0,02
Районы	0,61	0,60	0,62	0,59	-0,03	-0,01	-0,02
Область	0,62	0,61	0,64	0,62	-0,02	+0,01	0

Примечание. Рассчитано автором на основе данных мониторинга «Социокультурный портрет региона» ИСЭРТ РАН.

Рассмотрим подробней динамику составляющих индекса социального самочувствия. В 2010–2015 гг. коэффициент защищённости снизился на 0,02 (с 0,6 до 0,58), что обусловлено усилением актуальности большинства опасностей (6 из 10), особенно притеснения из-за религиозных убеждений и ущемления по признаку национальности (коэффициент защищённости от этих опасностей уменьшился на 0,07 и на 0,06 соответственно).

Соответственно в 2015 г. по сравнению с 2010 г. произошло падение коэффициента защищённости в большинстве социальных групп, особенно среди наиболее обеспеченных (на 0,08: с 0,64 до 0,56; табл. 4). Рост коэффициента зафиксирован только среди самой низкодоходной кате-

гории населения, а также в Вологде (с 0,56 до 0,57 и с 0,57 до 0,59).

Максимальное значение коэффициента защищённости в 2015 г. отмечается среди молодых жителей области (0,60), минимальное — среди лиц, обладающим высоким уровнем покупательной способности (0,56). Такая ситуация объясняется тем, что молодёжь реже, чем представители более возрастных категорий, сталкивается с представленными в списке угрозами. Людям, имеющим высокий уровень дохода, есть что терять, поэтому ряд опасностей для них более актуален, чем для других социальных групп.

Таблица 4. Коэффициент защищённости от опасностей в социальных группах населения Вологодской области

Социальная группа	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2015 г.	Изменение (+ -) 2015 г. к		
					2012 г.	2010 г.	2008 г.
<i>Возраст</i>							
До 30 лет	0,61	0,61	0,60	0,60	0	-0,01	-0,01
30–60 (55) лет	0,60	0,59	0,59	0,58	-0,01	-0,01	-0,02
Старше 60 (55) лет	0,59	0,59	0,56	0,57	+0,01	-0,02	-0,02
<i>Образование</i>							
Без образования, начальное образование, незаконченное среднее, среднее общее	0,57	0,60	0,57	0,57	0	-0,03	0
Начальное специальное, среднее специальное	0,59	0,59	0,59	0,58	-0,01	-0,01	-0,01
Незаконченное высшее, высшее, послевузовское	0,63	0,60	0,59	0,58	-0,01	-0,02	-0,05
<i>Доходные группы</i>							
Денег не хватает на повседневные затраты; на повседневные затраты уходит вся зарплата	0,57	0,56	0,54	0,57	+0,03	+0,01	0
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна; в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	0,60	0,61	0,59	0,59	0	-0,02	-0,01
Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи; практически ни в чём себе не отказываем	0,62	0,64	0,63	0,56	-0,07	-0,08	-0,06
<i>Территории</i>							
Вологда	0,6	0,57	0,57	0,59	+0,02	+0,02	-0,01
Череповец	0,64	0,62	0,63	0,58	-0,05	-0,04	-0,06
Районы	0,57	0,6	0,56	0,57	+0,01	-0,03	0
Область	0,6	0,6	0,58	0,58	0	-0,02	-0,02

Примечание. Рассчитано автором на основе данных мониторинга «Социокультурный портрет региона» ИСЭРТ РАН.

Общая удовлетворённость жизнью населения Вологодской области за период с 2010 по 2015 г. выросла на 0,1 (с 0,61 до 0,71).

Положительные тенденции в 2010–2015 гг. наблюдаются во всех социальных группах. Наибольшее увеличение коэффициента удовлетворённости жизнью отмечено в Вологде (на 0,15: с 0,61 до 0,76; табл. 5).

Однако по сравнению с 2012 г. молодые люди, проживающие в регионе, лица, имеющие началь-

ное/среднее образование, малообеспеченные, а также жители районов стали менее удовлетворены своей жизнью.

В 2015 г. самый низкий коэффициент удовлетворённости жизнью зафиксирован у жителей регионов, которым денег хватает в лучшем случае на повседневные затраты (0,62), самый высокий — среди тех, которым денег хватает практически на всё (0,80).

Таблица 5. Индекс удовлетворённости жизнью в социальных группах населения Вологодской области

Социальная группа	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2015 г.	Изменение (+ -) 2015 г. к		
					2012 г.	2010 г.	2008 г.
<i>Возраст</i>							
До 30 лет	0,64	0,63	0,73	0,74	+0,01	+0,11	+0,1
30–60 (55) лет	0,62	0,60	0,71	0,70	-0,01	+0,1	+0,08
Старше 60 (55) лет	0,57	0,61	0,69	0,71	+0,02	+0,1	+0,14
<i>Образование</i>							
Без образования, начальное образование, незаконченное среднее, среднее общее	0,57	0,58	0,69	0,65	-0,04	+0,07	+0,08
Начальное специальное, среднее специальное	0,61	0,62	0,70	0,71	+0,01	+0,09	+0,1
Незаконченное высшее, высшее, послевузовское	0,66	0,66	0,75	0,76	+0,01	+0,1	+0,1
<i>Доходные группы</i>							
Денег не хватает на повседневные затраты; на повседневные затраты уходит вся зарплата	0,55	0,52	0,65	0,62	-0,03	+0,1	+0,07
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна; в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	0,63	0,65	0,72	0,74	+0,02	+0,09	+0,11
Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи; практически ни в чём себе не отказываем	0,67	0,69	0,80	0,80	0	+0,11	+0,13
<i>Территории</i>							
Вологда	0,6	0,61	0,71	0,76	+0,05	+0,15	+0,16
Череповец	0,68	0,66	0,76	0,76	0	+0,1	+0,08
Районы	0,59	0,6	0,69	0,66	-0,03	+0,06	+0,07
Область	0,61	0,61	0,71	0,71	0	+0,1	+0,1

Примечание. Рассчитано автором на основе данных мониторинга «Социокультурный портрет региона» ИСЭРТ РАН.

Коэффициент социального оптимизма населения Вологодской области в 2015 г. снизился на 0,04 по сравнению с 2010 г. и на 0,06 по сравнению с 2012 г. (с 0,61 и 0,63 соответственно до 0,57). Как уже отмечалось выше, причина кроется в росте пессимистических прогнозов на ближайшую перспективу (на следующий год) и ухудшении общих оценок динамики жизни (сравнение

текущего уровня жизни с прошлым годом). При этом прогнозы на отдалённую перспективу более оптимистичны.

В 2015 г. по сравнению с 2012 г. и 2010 г. во всех категориях населения коэффициент социального оптимизма снизился (табл. 6). За период с 2010 по 2015 г. наиболее существенное падение коэффициента произошло среди людей, имеющих

начальное/среднее образование и обладающих высоким уровнем покупательной способности (с 0,60 до 0,54 и с 0,71 до 0,65 соответственно); за период с 2012 по 2015 г. — среди лиц, имеющих начальное/среднее образование, а также специальное образование (с 0,61 до 0,54 и 0,63 до 0,56 соответственно).

Как и в случае с удовлетворённостью жизнью, в 2015 г. минимальное значение коэффициента социального оптимизма зафиксировано среди жителей региона, которым денег хватает в лучшем случае на повседневные затраты (0,52), максимальное — среди тех, которым денег хватает практически на всё (0,65).

Таблица 6. Индекс социального оптимизма в социальных группах населения Вологодской области

Социальная группа	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2015 г.	Изменение (+ -) 2015 г. к		
					2012 г.	2010 г.	2008 г.
<i>Возраст</i>							
До 30 лет	0,69	0,63	0,65	0,61	-0,04	-0,02	-0,08
30–60 (55) лет	0,67	0,60	0,63	0,57	-0,06	-0,03	-0,1
Старше 60 (55) лет	0,63	0,60	0,61	0,56	-0,05	-0,04	-0,07
<i>Образование</i>							
Без образования, начальное образование, незаконченное среднее, среднее общее	0,64	0,60	0,61	0,54	-0,07	-0,06	-0,1
Начальное специальное, среднее специальное	0,66	0,60	0,63	0,56	-0,07	-0,04	-0,1
Незаконченное высшее, высшее, послевузовское	0,68	0,63	0,65	0,60	-0,05	-0,03	-0,08
<i>Доходные группы</i>							
Денег не хватает на повседневные затраты; на повседневные затраты уходит вся зарплата	0,61	0,54	0,57	0,52	-0,05	-0,02	-0,09
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна; в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	0,67	0,63	0,64	0,59	-0,05	-0,04	-0,08
Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи; практически ни в чём себе не отказываем	0,72	0,71	0,71	0,65	-0,06	-0,06	-0,07
<i>Территории</i>							
Вологда	0,63	0,59	0,65	0,58	-0,07	-0,01	-0,05
Череповец	0,70	0,65	0,66	0,60	-0,06	-0,05	-0,1
Районы	0,66	0,59	0,61	0,55	-0,06	-0,04	-0,11
Область	0,66	0,61	0,63	0,57	-0,06	-0,04	-0,11

Примечание. Рассчитано автором на основе данных мониторинга «Социокультурный портрет региона» ИСЭРТ РАН.

Динамика частных коэффициентов социального оптимизма следующая.

– Коэффициенты общей оценки динамики жизни и краткосрочного оптимизма снизились во всех категориях населения. Динамика коэффициента долгосрочного оптимизма не столь однозначна. Значение коэффициента выше, нежели в 2012 и 2010 гг. среди молодёжи (на 0,02–0,03), людей, имеющих высокий уровень образования (на 0,02–0,04), малообеспеченных (на 0,03), а также жителей Вологды (на 0,01–0,05). В то же время по сравнению с этими периодами коэффи-

циент сократился в группе лиц, имеющих специальное образование (на 0,01–0,02), и среди жителей Череповца (на 0,02).

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В течение исследуемого периода (2010–2015 гг.) существенно выросла удовлетворённость населения своей жизнью, в то же время уровень социального оптимизма и защищённости от различных угроз стал ниже.

На наш взгляд, такая ситуация объясняется следующим. Социальный оптимизм в первую

очередь зависит от оценки уровня дохода. Это связано с особенностями конкретной методики: формулировки вопросов («Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?», «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?») «наталкивают» людей на мысли о материальном достатке.

В свою очередь, на удовлетворённость жизнью помимо личного дохода влияет целый ряд факторов, наиболее значимыми из которых являются: оценка макроэкономических условий (фактор номер один, существенно превосходящий по значимости все остальные), состояние здоровья, оценка работы правительства и работы системы здравоохранения, внешняя оценка личности и личных достижений. Личный доход уступает этим факторам по степени значимости [1, с. 213].

В 2014–2015 гг. начался новый экономический кризис, материальное положение населения ухудшилось (например, главный источник доходов населения — реальная начисленная заработная плата — в III квартале 2015 г. по сравнению с соответствующим периодом 2014 г. снизилась в регионе на 10,3 %), что повлекло за собой снижение уровня социального оптимизма как индикатора, в большей степени связанного с материальным положением.

2. Исследование в разрезе социальных групп показало:

– Наименьшее значение индекса социального самочувствия зарегистрировано среди тех жителей области, которым денег хватает в крайнем случае на повседневные затраты; среди лиц без образования либо имеющих только общее образование; а также среди жителей районов. В этих социальных группах отмечается наиболее низкий уровень социального оптимизма и удовлетворённости жизнью.

Представители данных категорий населения характеризуются самым низким доходом, более низким социальным статусом (так, людям с низким уровнем образования сложнее найти высокооплачиваемую и престижную работу), меньшими возможностями. В районах, по сравнению с крупными городами, хуже состояние экономики, система здравоохранения.

– Социальное самочувствие наиболее обеспеченных жителей области имеет негативную динамику. В 2010–2015 гг. самое существенное снижение уровня защищённости от различных угроз и социального оптимизма (а вследствие этого и индекса социального самочувствия в целом) произошло именно в этой группе.

Негативная динамика показателей социального самочувствия в группе наиболее обеспеченных свидетельствует о том, что на социально-психологическое состояние населения влияет не только текущее материальное положение, но и ожидания изменения макроэкономических условий, уровня жизни, социального статуса, политической ситуации и т.д.

Содержание изложенного индекса социального самочувствия не претендует на универсальность. Конкретное его содержание ограничено возможностями методики всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян» и методики «Социокультурный портрет региона». Однако данная методика обладает несомненными преимуществами: мониторинговый режим и межрегиональный характер исследования позволяют оперативно диагностировать изменения в настроениях населения, в том числе — в региональном разрезе (компаративный анализ социального самочувствия жителей регионов — задача будущего исследования). Анализ индекса социального самочувствия в разрезе социальных групп даёт возможность выявлять категории людей, находящихся «в зоне наибольшего риска» с точки зрения социально-психологического состояния. В Вологодской области это следующие группы:

- наименее обеспеченные жители,
- имеющие низкий уровень образования,
- жители районов.

В связи с тем что учёт общественного мнения позволяет более адекватно оценивать эффективность экономической и социальной политики, полнее учитывать интересы различных групп населения при разработке и реализации управленческих решений, информация о социальном самочувствии может быть использована в деятельности органов региональной власти для коррекции стратегии социальной политики. Исходя из результатов данного исследования, региональной власти целесообразно заострить внимание на проблеме низкого уровня жизни наименее обеспеченных и образованных слоёв населения. Также представляется важным предпринимать меры по развитию муниципалитетов (в частности, перераспределить часть налогов в пользу местных бюджетов).

Список литературы

1. Андреевкова Н.В. Сравнительный анализ удовлетворённости жизнью и определяющих её факторов // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5(99). С. 189–215.
2. Барская О.Л. Социальное самочувствие: мето-

- дологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989. 19 с.
3. Головаха Е.В. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС. Теория и методы самочувствия // Социология: 4М. 1998. № 10. С. 58–66.
 4. Гужавина Т.А., Садкова Д.А. Социальное самочувствие студентов // Вопросы территориального развития. 2013. № 10. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1371/full> (дата обращения: 20.10.2015).
 5. Дулина Н.В., Токарев В.В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: матер. Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» (Смоленск, 6–9 октября 2009 г.). Смоленск: Универсум, 2009. С. 89–95.
 6. Индексы социального самочувствия: База данных ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=176> (дата обращения: 19.10.2015).
 7. Левыкин И.Т. Проблема нового концептуального подхода к изучению образа жизни // Актуальные проблемы нового подхода к изучению социалистического образа жизни. М.: ИСАН, 1988. Вып. 1. 244 с.
 8. Морев М.В., Короленко А.В. Субъективный фактор общественного развития как ключевой ресурс консолидации российского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5. С. 78–98.
 9. Муканова О.Ж. Системный подход к изучению социального самочувствия в концепции социального настроения // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. 2010. № 2. С. 34–38.
 10. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.
 11. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. М.: Новый Хронограф, 2015. 600 с.
 12. Рейтинг социального самочувствия регионов России: Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/mat/44> (дата обращения: 19.10.2015).
 13. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
 14. Чугуенко В.М., Бобкова Е.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15–23.
 15. Шабунова А.А. Социокультурный портрет региона в контексте изменений 2008–2010 гг. // Экономические и социальные проблемы: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1. С. 77–89.

Получено 27.10.2015

References

1. Andreenkova N.V. [Comparative analysis of life satisfaction and factors determining it]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public opinion monitoring]. 2010, no 5(99), pp. 189–215. (In Russian).
2. Barskaja O.L. *Social'noe samochuvstvie: metodologicheskie i metodicheskie problemy issledovaniya: Avtoref. diss. ... kand. filoz. nauk* [Social well-being: methodological and methodical problems of the study: Author's abstract for procuring of degree of candidate of philosophic sciences]. Moscow, 1989, 19 p. (In Russian).
3. Golovaha E.V. [Measurement of social well-being: test of IISS. Theory and methods of social well-being]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M]. 1998, no 10, pp. 58–66. (In Russian).
4. Guzhavina T.A., Sadkova D.A. [Social well-being of students]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial development issues]. 2013, no 10. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1371/full> (accessed 20.10.2015). (In Russian).
5. Dulina N.V., Tokarev V.V. [Social well-being of the population as one of the criteria of assessment activity of regional authorities]. *Sotsiokulturnye osnovaniya strategii razvitiya regionov Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po programme «Sotsiokulturnaya evolyutsiya Rossii i ee regionov»* [Socio-cultural basis strategy of development Russia regions: proceedings of All-Russia scientific and research conference under the program «Sociocultural evolution of Russia and its regions»]. Smolensk, Universum Publ., 2009, pp. 89–95. (In Russian).
6. *Indeksy sotsialnogo samochuvstviya: Baza dannykh WCIOM* [Indexes of social well-being: Database WCIOM]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=176> (accessed 19.10.2015). (In Russian).
7. Levykin I.T. [The problem is a new conceptual approach to the studying way of life]. *Aktualnye problemy novogo podkhoda k izucheniyu sotsialisticheskogo obraza zhizni* [Timely problems of a new approach to the studying of the socialist way of life]. Moscow, ISAN Publ., 1988, no 1, 244 p. (In Russian).
8. Morev M.V., Korolenko A.V. [Subjective factor in social development as a key resource for the con-

- solidation of the Russian society]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014, no 5, pp. 78–98. (In Russian).
9. Mukanova O.Zh. [Systematic approach to the study of social well-being in the concept of social mood]. *Vestnik Kazakhskogo Natsionalnogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Herald of Kazakh National Pedagogical University]. 2010. Available at: <http://articlekz.com/article/11043> (accessed 29.02.2016). (In Russian).
 10. Petrova L.E. [Social well-being of youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2000, no 12, pp. 50–55. (In Russian).
 11. *Regionalnaya sotsiologiya: problemy konsolidatsii sotsialnogo prostranstva Rossii* [Regional sociology: the problems of consolidation of the Russian social space]. Moscow, New Chronograph Moscow Publ., 2015, 600 p. (In Russian).
 12. *Rejting sotsialnogo samochuvstviya regionov Rossii: Fond razvitiya grazhdanskogo obschestva* [The rating of social well-being Russia regions: Foundation for development of civil society]. Available at: <http://civilfund.ru/mat/44> (accessed 19.10.2015). (In Russian).
 13. Toschenko Zh.T., Kharchenko S.V. [Social mood — the phenomenon of contemporary sociological theory and practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 1998, no 1, pp. 21–34. (In Russian).
 14. Chuguenko V.M., Bobkova E.M. [New trends in the study of social well-being of the population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2013, no 1, pp. 15–23. (In Russian).
 15. Shabunova A.A. [Social and cultural portrait of the region in the context of changes during 2008–2010]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2012, no 1, pp. 77–89. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 27.10.2015

Об авторе

Каминский Вадим Сергеевич

Инженер-исследователь лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления

Институт социально-экономического развития территорий РАН,
160014, Вологда, ул. Горького, 56а;
e-mail: fbcde56b@yandex.ru

About the author

Kaminskiy Vadim Sergeevich

Research Engineer of Laboratory for Research of Social Processes and Efficiency of Public Administration

Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences,
56a, Gorkiy str., Vologda, 160014, Russia;
e-mail: fbcde56b@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Каминский В.С. Социальное самочувствие населения Вологодской области в 2010–2015 гг. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 136–147.

Please cite this article in English as:

Kaminskiy V.S. The social well-being of the population of the Vologda region in 2010–2015 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 136–147.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ВКЛАД В.С. МЕРЛИНА В СОВРЕМЕННУЮ ПСИХОЛОГИЮ

*Самбикина Оксана Семёновна**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*

V.S. MERLIN'S CONTRIBUTION IN MODERN PSYCHOLOGY

*Oksana S. Sambikina**Perm State Humanitarian Pedagogical University*

15–16 мая 2015 г. в Перми на базе Института психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ) была проведена юбилейная научно-практическая конференция (XXX Мерлинские чтения)

«В.С. Мерлин и современная психология: наука, образование, практика», посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Юбилейный форум собрал более 300 человек: научные работники и преподаватели университетов Москвы, Екатеринбурга, Ижевска, Уфы, Перми и других городов России, а также директора учебных заведений, учителя, практические психологи сферы образования, студенты психолого-педагогических и социально-педагогических специальностей и направлений.

Открыл конференцию председатель организационного комитета доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор Института психологии ПГГПУ *Б.А. Вяткин* (Пермь). Он отметил, что ставшие традиционными конференции «Мерлинские чтения» являются особенными, поскольку, во-первых, это одни из старейших в России мемориальных научных психологических конференций, во-вторых, местом их проведения всегда был и остается Пермский государственный педагогический университет — вуз, в котором В.С. Мерлин трудился с 1954 по 1982 г. Конференции проводятся ежегодно начи-

мая с 1986 г., в различных форматах: в ранге международных, всесоюзных и всероссийских.

Далее от имени РАО участников конференции приветствовала доктор психологических наук, профессор, академик РАО *И.В. Дубровина* (Москва), от имени РПО — кандидат психологических наук, доцент, вице-президент РПО *А.Н. Веракса* (Москва).

Выступая на пленарном заседании, министр образования и науки Пермского края *Р.А. Кассина* отметила, что начиная с 1954 г. история ПГГПУ неразрывно связана с именем выдающегося отечественного ученого, основателя Пермской психологической школы В.С. Мерлина. Подчеркнула, что, поскольку основной целью современного образования является развитие индивидуальности учащегося, в настоящее время, как никогда, актуальной становится идея В.С. Мерлина о необходимости системного междисциплинарного подхода к изучению целостной индивидуальности и психолого-педагогического обеспечения ее развития у растущего человека.

Ректор ПГГПУ профессор *А.К. Колесников* в своем вступительном слове указал на значимость психологической науки в деятельности университета, отметив, что далеко не каждый вуз в стране может по праву гордиться тем, что в его стенах четверть века работал один из классиков отечественной психологии, видный ученый, основоположник научной школы. Обратил внимание на то, что идеи В.С. Мерлина находят свое продолжение и развитие в трудах современных ученых, работающих как в ПГГПУ, так и в других вузах страны.

Характеристика научной, общественной и педагогической деятельности В.С. Мерлина в военные годы была дана в докладе *Е.Ю. Вороновой* (Пермь) «В.С. Мерлин в системе советской психологии периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». В этот период В.С. Мерлин, продолжая преподавать в вузе, одновременно являлся научным консультантом в клинике Института психологии МГУ при эвакогоспитале в Свердловске, где оказывал психологическую и психотерапевтическую помощь инвалидам войны и изучал проблемы координации движений у раненых и реабилитации ослепших в результате ранения бойцов.

Д.С. Корниенко (Пермь) в докладе «В.С. Мерлин и современная психологическая наука» отметил, что в настоящее время «Мерлинская психологическая школа» объединяет ученых из разных регионов России (Центр, Поволжье, Урал, Сибирь), но, в первую очередь, развитие идей В.С. Мерлина продолжается благодаря работе научного коллектива Института психологии ПГГПУ, который с 1985 г. возглавляет Б.А. Вяткин. Одной из главных заслуг Пермской психологической школы, по мнению докладчика, является то, что за время своего существования ей удалось перевести изучение проблемы интегрального исследования индивидуальности человека из плоскости теоретического анализа в плоскость решения практических задач. На сегодняшний день формат работы научной школы можно определить как *комплексное междисциплинарное теоретико-экспериментальное исследование с внедрением научных результатов в практику*. Общим направлением научных исследований Института психологии ПГГПУ является «Интегральная индивидуальность человека: история, теория, методология и психологическое сопровождение ее развития в зависимости от пола и возраста в различных социально-культурных условиях и сферах деятельности». Частные направления развития этой темы разрабатываются в последние 30 лет с разной степенью активности, идеи являются взаимопересекающимися и поэтому разделение достаточно условно. Можно выделить три группы направлений на основе их возникновения в развитии учения об интегральной индивидуальности: 1. Традиционные направления: «Теория и методология интегральной индивидуальности человека»; «Психология стилей деятельности, учения, общения, активности»; «Метаиндивидуальность». 2. Направления, возникшие в 80–90 гг.: «Психология активности»;

«Этническая психология индивидуальности»; «Профессиональные педагогические способности и одаренность»; «Психофизиологические основы индивидуальности». 3. Новые направления, возникшие на рубеже XX–XXI вв.: «Психология деятельности в экстремальных условиях»; «Онтогенез интегральной индивидуальности»; «Генетические и средовые детерминанты интегральной индивидуальности», «Психология стиля совладания со стрессом». В заключительной части выступления Д.С. Корниенко подчеркнул, что в настоящее время возникший в Перми полисистемный подход к исследованию индивидуальности человека является одним из приоритетных направлений современного «человекознания».

В сообщении *А.А. Вихмана* (Пермь) «В.С. Мерлин и современное российское образование» прозвучала мысль о том, что, несмотря на изменения, происходящие в современной системе постоянно реформируемого образования, педагогические находки и стратегические педагогические идеи В.С. Мерлина остаются актуальными и практически значимыми по сей день. В процессе профессиональной подготовки будущих педагогов и психологов преподаватели Института психологии ПГГПУ следуют традициям, у истоков возникновения которых стоит В.С. Мерлин: строгая научность, современность и проблемное изложение материала лекций, демонстрационные эксперименты, фундаментальность обучения и др. Выпускники докторантуры Института психологии ПГГПУ заведуют психологическими кафедрами и возглавляют вузы Урала, Поволжья и Западной Сибири. Продолжая и развивая идеи своего учителя, представители Пермской психологической школы принимают активное участие в разработке учебников и учебных пособий по целому ряду психологических дисциплин.

А.А. Волочков (Пермь) в докладе «В.С. Мерлин и психологическая практика» отметил весомый и ощутимый вклад Мерлинской школы в развитие прикладной и практической психологии не только в Пермском крае, но и далеко за его пределами. Так, именно на базе ПГГПУ при непосредственном руководстве ученика и последователя В.С. Мерлина, Б.А. Вяткина, в 1989 г. был открыт один из первых в стране факультетов подготовки практических психологов сферы образования, а затем несколько лет спустя факультет и Институт психологии. Начиная с 1985 г. в стенах ПГГПУ проводятся ежегодные научно-практические конференции для психологов, практикующих в различных сферах деятельности, «Мерлинские чте-

ния». В 1995 г., благодаря инициативе кафедры психологии ПГПУ, в Перми был проведен II Съезд практических психологов РФ. В.С. Мерлин, его ученики и последователи на протяжении многих лет обеспечивали и обеспечивают тесный союз психологической науки и практики, способствуя развитию целого ряда направлений практической психологии: психологическое сопровождение трудовой, учебной, художественно-творческой и спортивной деятельности, теория и практика индивидуального стиля деятельности человека, психология спорта высоких достижений, психологическое сопровождение семьи и развития человека. Особое внимание докладчик акцентировал на том, что преподаватели кафедр психологии ПГПУ являются авторами целого ряда практико-ориентированных монографий и пособий, посвященных проблемам индивидуальности, активности, одаренности, проблемам детско-родительских отношений, вопросам психологической безопасности детей и подростков и др. Многие преподаватели сами выступают в роли практических психологов, осуществляя различные направления работы (начиная от консультирования и психодиагностики и заканчивая коучингом и супервизией).

Особый интерес у участников конференции вызвала вечерняя лекция «Психологическое здоровье современного школьника», прочитанная академиком РАО *Ириной Владимировной Дубровиной* (Москва). Внимание аудитории было обращено на то, что долгое время основной целью психологической службы сферы образования считалось максимальное содействие психическому и личностному развитию детей и подростков, которое к окончанию школы обеспечивало бы им сформированность психологической готовности к самоопределению в самостоятельной, взрослой жизни. Однако в последнее время все более отчетливым становится понимание того, что целью практической психологической работы с детьми должно быть психическое здоровье ребенка, а его психическое и личностное развитие — это условие, средство достижения этого здоровья. И.В. Дубровина подчеркнула, что психологическое здоровье делает личность самодостаточной. Необходимо вооружить ребенка в соответствии с его возрастом средствами самопонимания, самоприятия и саморазвития в контексте взаимодействия с окружающими его людьми и в условиях культурных, социальных, экономических и экологических реальностей окружающего мира. Чаще всего в практике современной системы образова-

ния основной акцент ставится на развитии интеллекта ребенка, мы учим его думать, но не менее важно научить его чувствовать, понимать себя и других, поэтому необходимо развивать не только интеллектуальную, но и эмоциональную сферу. Таким образом, было высказано предположение, что «именно психологическое здоровье детей и школьников можно рассматривать и как цель, и как критерий эффективности психологической службы государственного образования».

Дальнейшая работа конференции в первый ее день проходила в формате двух круглых столов. Круглый стол «Сопряженность профессионального образования и практической деятельности психологов» (рук. *Н.С. Глуханюк*, Екатеринбург; *И.В. Дубровина*, Москва) собрал деканов факультетов и преподавателей кафедр психологии, руководителей психологических центров и директоров школ. В ходе обсуждения рассматривались вопросы о новой роли, целях и задачах работы психолога в образовании, проблемы научной модерации психолого-педагогических проектов школ, новых моделей практики студентов и магистрантов, актуальные требования работодателей к выпускникам психологических факультетов. В ходе работы круглого стола «Институт психологии ПГПУ как ресурсный центр психологической практики в системе образования» (рук. *Д.О. Смирнов* и *Ю.С. Шведчикова*, Пермь) обсуждались общие проблемы внедрения психологического компонента федерального государственного образовательного стандарта, основные задачи и возможности повышения психологической компетентности педагога, психолога и родителя как субъектов образовательного процесса.

Завершился первый день конференции презентацией коллективной монографии Института психологии ПГПУ «Индивидуальность растущего человека в условиях современной школы» (под ред. *Б.А. Вяткина*).

Второй день конференции начался с презентации МБОУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» г. Перми. Руководитель центра *С.Ф. Козырева* познакомила гостей с основными целями, задачами и структурными подразделениями центра, после чего состоялось активное обсуждение путей координации научного и практического сообщества в решении актуальных проблем современного образования.

Дальнейшая работа форума продолжилась в формате молодежной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. На ее пленарном за-

седании из доклада *Н.В. Коптевой* (Пермь) «Советская психология в годы Великой Отечественной войны» слушатели узнали о том, как позорному складывалась судьба и научная деятельность психологов в годы Великой Отечественной войны. Одни из них (Г.М. Андреева, П.И. Зинченко, А.В. Петровский, К.К. Платонов, Д.Б. Эльконин и др.) были призваны в ряды действующей армии и с оружием в руках защищали Родину. Другие, оставаясь в тылу, продолжали активно заниматься фундаментальными и прикладными исследованиями, связанными с актуальной военной тематикой (П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.С. Мерлин, Б.М. Теплов и др.).

Цели, задачи, возможности и перспективы развития Российского психологического общества были подробно освещены в докладе вице-президента РПО *А.Н. Веракса* (Москва) «Сертификация ЕвроПси: возможности развития Российского психологического общества».

Далее конференция была организована в виде работы трех секций. На секции «Психология инте-

гральной индивидуальности» (рук. д-р. психол. наук *Д.С. Корниенко*) обсуждались результаты исследований различных аспектов проблемы психологии интегральной индивидуальности. Проблемы онтогенеза рассматривались в ходе обсуждения докладов на секции «*Возрастная психология*» (рук. д-р. психол. наук *С.Ю. Жданова* и д-р. психол. наук *Т.М. Хрусталева*). Вопросам психологического здоровья детей и взрослых было посвящено заседание секции «*Психология здоровья и благополучия*» (рук. д-р. психол. наук *Н.В. Коптева*).

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги конференции, обозначены направления и перспективы дальнейшего развития Пермской научной психологической школы и ее взаимодействия с другими научными коллективами.

Получено 28.01.2016

The date of the manuscript receipt 28.01.2016

Об авторе

Самбикина Оксана Семёновна
докторант кафедры теоретической
и прикладной психологии

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, Сибирская, 24/2;
e-mail: sambikina-oksana@yandex.ru

About the author

Sambikina Oksana Semenovna
Doctoral Student of Department of Theoretical
and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24/2, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: sambikina-oksana@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Самбикина О.С. Вклад В.С. Мерлина в современную психологию // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 148–151.

Please cite this article in English as:

Sambikina O.S. V.S. Merlin's contribution in modern psychology // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1(25). P. 148–151.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «IPRbooks», «Университетская библиотека on-line», «КиберЛенинка», «Руконт», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Библиографические ссылки оформляются с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. **Английский вариант списка литературы может быть выполнен сотрудниками редколлегии на основании правильно оформленного русского варианта**, однако редколлегия обращается к авторам с просьбой по возможности готовить английский вариант списка литературы самостоятельно.

Источники в **русском варианте списка литературы** располагаются в алфавитном порядке (сначала все источники на русском, затем — на иностранных языках) в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*. Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/locate/scopus2013.pdf>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «>» и «<». Знаки «>», «<», «/» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. *Philosophy of Economics [Filosofiya ekonomiki]*. Perm, Perm State University Publ., 2005, 264 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leybnits G.V. *Monadologiya [Monadology]*. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyuy 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он указывается в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться:

- индексом УДК.
- аннотацией 500–600 знаков с пробелами.
- ключевыми словами (до 15 слов) на русском и английском языках.
- информацией об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты.
- рецензией научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);

- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyi-zhurnal-fsf.html>)

Предоставление авторами сторонних рецензий не является обязательным (кроме аспирантов и соискателей), но приветствуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайшем выпуске. Планируется, что в 2016 году для авторов отобранных статей публикации будут бесплатными.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (необходимо предоставить скан-копию справки об обучении в аспирантуре, заверенную руководителем организации).

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2016 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1(25) — до 01 февраля	29 марта
в № 2(26) — до 01 мая	28 июня
в № 3(27) — до 01 августа	27 сентября
в № 4(28) — до 01 октября	27 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyi-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of *The Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)».

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”).

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81–82] or [1, p. 81; 3, p. 35]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

If your article has **DOI**, you should insert it at the end of the reference.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 500–600 characters with spaces;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the **e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@vandex.ru** The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students), but is welcomed. All articles are exposed to «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issue. Editorial Board plans that selected articles will be published free.

There is no fee for the publication of manuscript for PhD students. PhD students have to provide scan-copy of reference signed by head of an organization.

Submission deadlines in 2016

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1(25) February 1	March 29
No 2(26) May 1	June 28
No 3(27) August 1	September 27
No 4(28) October 1	December 27

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2016
Выпуск 1 (25)

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 23.03.2016
Дата выхода в свет 29.03.2016
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,25
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь для издания научного журнала оказывают
ОАО «ROSSET» и ЗАО «Прогноз»
<http://www.rosset-kzms.ru> <http://www.prognoz.ru/company>

Адрес учредителя, издателя и редакции научного журнала
«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Философско-социологический факультет. Тел. +7 (342) 239-68-23

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Замеченные опечатки:

В Вып. 4 (24) за 2015 год «Вестника Пермского университета. Философия. Психология. Социология» на стр. 109 в подстрочной сноске следует читать:

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 14-06-31329-мол_а

© Демарева В.А., Серова М.С., 2015